Российская Академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии
Южноуральский отдел

С.Г. Боталов, С.Ю. Гуцалов

ГУННО-САРМАТЫ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Челябинск 2000

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / Сер. Этногенез уральских народов. - Челябинск: Изд-во «Рифей», 2000.

В книге публикуются материалы из гунно-сарматских погребальных памятников П-1У вв.н.э. урало-казахстанских степей. Приводится историко-культурная интерпретация этих материалов и прослеживаются исторические судьбы населения Южного Урала и Северного Казахстана до У1-УШ вв.н.э.

Книга рассчитана на специалистов археологов, историков и широкий круг читателей.

Авторы выражают глубокую благодарность спонсорам и единомышленникам директору ООО «ПРОМЭЛЕКТРО» **Хайдарову Виталию Марксовичу,** а также **Лугавцову Юрию Викторовичу** за финансовую поддержку в издании этой книги.

Ответственный редактор
Т.В. Любчанская, Н.О. Иванова

Художники
А.М. Федоров
М.А. Меньшенина

Художественное оформление
В.Н. Чесноков

Оригинал-макет
Г.В. Терсков

I8BN 5-88521-149-3

(С) Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.
(С) Изд-во «Рифей» 2000

ВВЕДЕНИЕ

В пределах пояса евразийских степей в первых веках нашей >ры происходят эпохальные измения. Период перехода от поздней древности к средневековью (П-1У вв. н.э.) ознаменовался многочисленными миграциями кочевого и полукочевого населения, которые получили название Великое Переселение народов.

К этому времени в среде средневековых кочевников уже сформировалось рациональное освоение степных и лесостепных ландшафтно-климатических зон, окончательно сложилась пастбищно-кочевая система (ПКС), приведшая к тому, что в степной и отчасти лесостепной зонах локализовались хозяйственно-экономические регионы. Консолидация населения внутри них происходила как по этнородовому, так и по территориально-политическому принципу. Среди этих ПКС - Ордос-Халха, Северо-Монгольские предгорья, Пригобийские степи, Хакасско-Минусинские степи, Алтай, Обь-Иртышье, Приурало-Каспийский регион, Волго-Донье и др. Как правило, в этих ландшафтно ограниченных регионах происходило сложение крупных кочевых племенных союзов и раннегосударственных образований. Их географическая локализация делала эти территориально-политические объединения необычайно чувствительными, как к разного рода изменениям общеполитической коньюктуры, так и ландшафтно-климатическим колебаниям. Так, многочисленные засухи или высокий уровень снежного покрова приводили к джутам в степи, что вынуждало кочевое население перемещаться далеко в лубь лесостепных, а иногда и шежных территорий. Падение уровня внутренних морей и озер меняло маршруты сезонного кочевания, которые привязывались к источникам воды. Часто междоусобные столкновения вызывались именно изменением таких мест постоянных пастбищ и маршрутов перекочевок.

Древние авторы, писавшие об этих столкновениях, не дают анализа культурно-исторических изменений в среде кочевников, не показывают их причинно-следственные связи и не дают возможности проследить динамику исторического процесса. Их информация сводилась обычно к описанию территориально-политических изменений. Избирательность, отрывочность, а подчас и отсутствие тех или иных сведений,приводят к невозможности создания объективных исторических построений. Данные археологии дискретны, в определенной мере не избавлены от элемента случайности, но их безусловное материализованное множество позволяет в комплексе с данными письменных источников, построить определенные схемы исторического развития, создать хронологию этнокультурных этапов.

Границы района исследований проходят с севера по долинам рек Миасс, Тобол (севернее Кургана) и реки Ишим (севернее Петропавловска), далее по границам Северо-Казахстанского мелкосопочника и ишим-кулундинской степи, не включая последнюю, далее поворачивают резко на юг в верховья реки Ишим до Караганды и затем по границе степной и полупустынной зон до озера Сары-Копа, после чего, охватывая западное пограничье Верхне-Тургайской провинции по течению Эмбы до низовий реки Урал, таким образом, включая его полностью от реки Урал (рис. 1, 1,2; 1, II).

В физико-географическом плане исследуемая зона разделена долиной реки Урал и Мугоджарами с севера на юг на зауральскую и приуральскую части.

Зауралье и Поишимье достаточно локализованная зона по общеклиматическим показателям. Почти совпадая.с ландшафтными, проходят границы пояса засушливо-умеренно-теплой агроклиматической области с единой ежегодной суммой температур (Атлас КазССР, 1982, с. 49). Данная область опускается своеобразным языком от Южного Урала на юг до Караганды (Природа Челябинской области, 1964, с. 244; Атлас КазССР 1982, с. 49). Определенное физико-географическое своеобразие имеет и район северно-казахстанского Приишимья, отделенный от уральского широкой солончаковой полосой Тургайского прогиба.

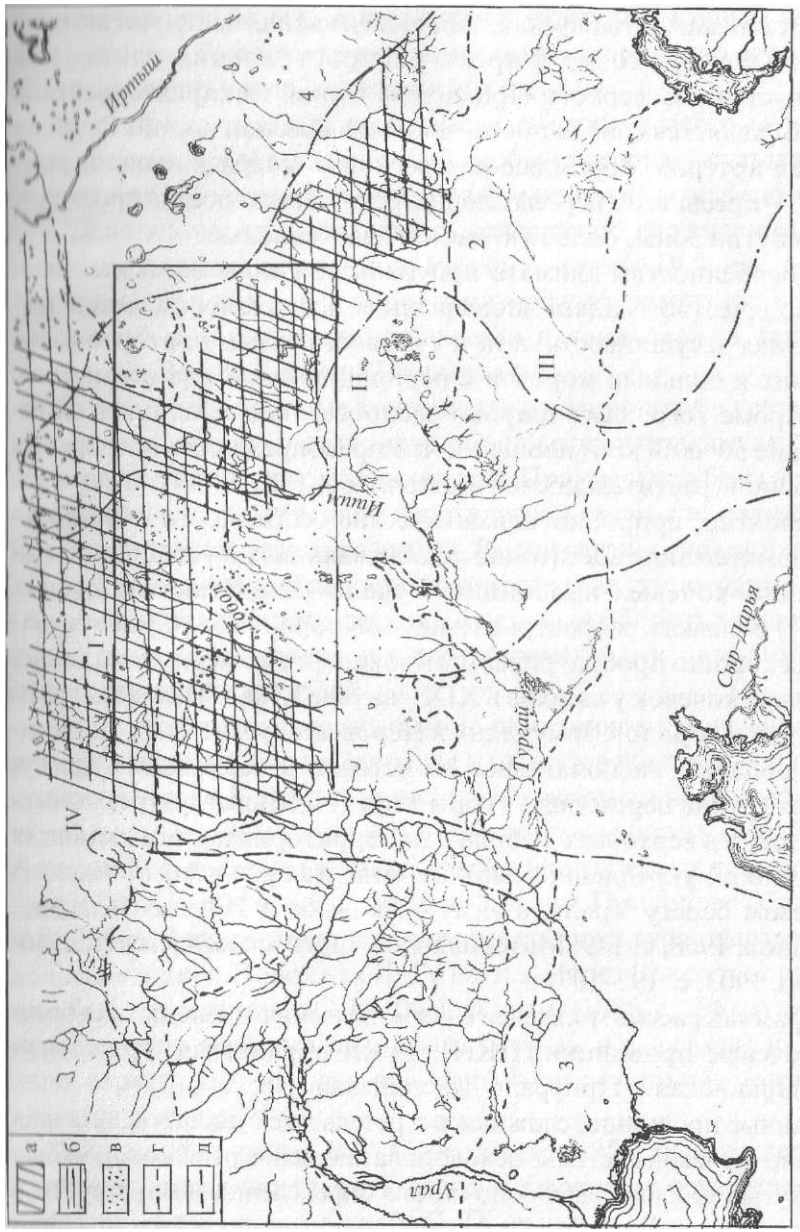


Рис. 1. Карта ландшафтно-климатических зон и границ пастбищно-кочевых провинций. I – лесостепная; II – степная; III – полупустынная; IV – горно–таежная. 1 – Урало-Аральская ПКП; 2 – Ишимско-Сырдарьинская ПКП; 3 – Приуральско-Каспийская ПКП; а – благоприятные почвы, степные пастбища для всех видов скота; б – засушливая, умеренно–теплая зона; в – районы со слабосоленными и соленными грунтовыми водами; г – границы ПКП

Большая часть территории Западного Казахстана (Западно-Казахстанская, Атырауская, западная и южная часть Актюбинском области) входят в ареал распространения глинистой полупустыни Северного Прикаспия. Одной из характернейших черт ее является слабая обеспеченность пресной водой. Главная водная артерия, обрамляющая регион с севера и запада, река Урал — пресная, но пересыхающие реки, заполняющие пространства внутри зоны, большую часть года - соленые.

К особенностям климата приуральской зоны относятся: малое количество осадков, повышенная испаряемость, четко выраженная засушливость лета и суровость зимы, повторяемость средних и сильных морозов с периодичностью раз в три-пять лет. Кроме того, здесь широко распространены солонцы, занимающие 50-60% всей площади, что предопределило господство пустынной растительности (Железчиков, 1983, с. 49).

Вероятно, природно-климатические особенности обусловили формирование достаточно локализованных и устойчивых пастбищно-кочевых провинций в урало-казахстанских степях (ПКП) в рамках рассматриваемых микрорайонов. Существование их хорошо просматривается в зональности меридиональных сезонных кочевок у казахов в XIX - начале XX вв. Так, одна группа казахских родов, зимующих в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области, располагалась на летовки в верховьях Сарысу, другая группа переходила в горы Улутау и Кишитау, третья имела летовки в верховьях Тобола и на территориях, примыкающих к Троицкой укрепленной линии, четвертая все лето проводила на левом берегу Урала, а зиму - на Эмбе и Иргизе (Востров, Муканов, 1968, с. 149; Материалы по киргизскому землепользованию, 1903, с. 192-197).

В рамках рассматриваемого региона нами выделены пастбищно-кочевые провинции (ПКП): Урало-Аральская, Ишимско-Сырдарьинская и Приурало-Каспийская (рис. 1, 1-3).

Данные провинции сложились в результате существования пастбищно-кочевой системы, основополагающей чертой которой был замкнутый цикл кочевания по строго определенным маршрутам в рамках регламентированных пастбищных угодий, он был имманен-

и м исем кочевникам Евразии (Масанов, 1984, с. 45). Незамкнутый пики кочевания, то есть выпас скота с нерегулированным земле-I ю lll. ованием, был практически невозможен в природно-климатических условиях урало-казахстанских степей.

Рассматриваемые в данной работе памятники гунно-сарматского времени представляют собой особый историко-культурный феномен в археологии Южного Урала и севера казахстанских степей. Дело в том, что, появившись совершенно неожиданно, они также неожиданно исчезают ко второй половине IV в. н.э., оставляя лишь свои реминисценции в материалах памятников Приуральской и Зауральской лесостепи и даже леса, а также в 11оволжье, Волго-Донье и Предкавказье.

Это наиболее крупные кочевнические некрополи в урало-казахстанских степях. В отличие от поволжских и прикамских комплексов или памятников лесостепного Приуралья рубежа эр, они не имеют непосредственной генетической связи с памятниками предшествующего этапа развития. В этой связи, основной целью данной работы является введение материалов гунно-сарматско-I о времени очерченного региона в научный оборот, и сопоставление данных комплексов с единовременными памятниками сопредельных территорий.

Непосредственное исследование памятников гунно-сарматской культуры в Южном Зауралье началось в 40-х годах нашего с толетия, когда К.В. Сальников (1950) раскопал несколько курганов в могильнике у села Агаповка на левом берегу реки Урал. II конце 50-х годов им же были обследованы первые четыре кургана Салиховского могильника в Южном Приуралье (Сальников, 1950). Автор отнес их к городецкой культуре, выделенной для памятников Поволжья П-1У вв. н.э. Через 10 лет этот памятник был доисследован С. М. Васюткиным (1986, с. 196), который передатировал данные комплексы IV-V вв. н.э. и связал их с по-ли, пе-сарматским населением, испытавшим сильное тюркское влияние в конце IV в. н.э.

В конце 50-х годов В.С. Стоколосом (1958) был исследован курган на восточном берегу озера Чебаркуль у села Малково, отнесенный автором к аланам П-1У вв. н.э.

В конце 60-х годов начинается систематическое исследование памятников Поишимья Северо-Казахстанской археологической экспедицией. В 1967 году Г. Б. Зданович (1968) раскапал курганы в могильнике Покровка, давшие великолепный материал II-III вв. н.э. В последующее десятилетие в рамках этого региона были исследованы погребальные комплексы первых веков нашей эры из могильников Жабай-Покровка, Берлик, Новоникольское (раскопки Г. Б. Здановича, С. Я. Зданович, М.К. Хабдулиной).

В это же время начинается исследование памятников этой эпохи на юге Зауральской Башкирии - курганные группы Комсомольский IV и Комсомольский VI; курганы II Сибайские, Темясовские, Альмухаметовские, III Бекешевские, Каратал. Материалы данных исследований были систематизированы и опубликованы А.Х. Пшеничнюком, и интерпретировались как комплексы позднесарматской культуры II—IV вв. н.э. (Пшеничнюк, Рязапов, 1976; Пшеничнюк, 1983). На территории лесостепного Зауралья археологами Уральской археологической экспедиции Л.М. Тереховой и Ю.П. Чемякиным (1983) был исследован позднесарматский курган 1П-1У вв. н.э. у села Шатрове, а сотрудником Миасского краеведческого музея Н.А. Полушкиным был раскопан курган № 2 Байрамгуловского II могильника на юго-восточном берегу озера Аргази.

В 80-90-е годы исследованиями курганов данного круга наиболее активно занимались археологи Урало-Казахстанской археологической экспедиции А.Д. Таиров, А.Г. Гаврилюк, И.Э. Любчанский и др. (Друженский, Большекараганский могильники, погребение Аркаим), экспедиции Челябинского государственного педагогического института (В.П. Костюков, курганы 5, 6 могильника Каменный Амбар 5), а также экспедицией Южно-Уральского отдела ИИА УрО РАН (могильники Малковский, Магнитный).

Начало изучения памятников этого круга в Западном Казахстане приходится на середину 20-х годов. В 1925 году в процессе разведки П.С. Рыковым (1926) было раскопано несколько курганов II -IV вв. н.э. у ст. Семиглавый Мар, Шипово, Уральск.

С ледующий этап изучения этой культуры в указанном регионе наступил спустя 30 лет. В 1955 году археологическим отрядом ЛОИА под руководством В.С. Сорокина (1955) исследовано несколько погребений данного периода. Чуть позднее, в середине 60-х годов, великолепный материал был добыт уральским краеведом Г. И. Багриковым при раскопках богатых курганов 11 III вв. н.э. у села Лебедевка в Западно-Казахстанской области (Багриков, Сенигова, 1968). В комплексах, отнесенных автором к погребениям позднесарматской знати, было встречено большое количество роскошных «импортных» предметов и украшений.

Дальнейшие исследования курганов у села Лебедевка были продолжены экспедицией Уральского педагогического института имени Пушкина и институтом археологии АН СССР в 1968-1969 гг., а затем во второй половине 70-х годов (Железчиков, Кригер, 1977; Железчиков, Кригер, 1979; Мошкова, Железчиков, Кригер, 1978; Мошкова, Железчиков, Кригер, 1980). Экспедицией УПИ имени Пушкина в начале 90-х годов также были развернуты широкомасштабные раскопки курганов на левом берегу Урала, в частности, могильников на плато у озера Челкар и у села Барбастау.

В 1975 году в верховьях Илека в могильнике Жаксы-Каргала I краеведом В.В. Родионовым был раскопан курган № 8, относящийся ко П-1У вв. н.э. В 1986 году в среднем течении Уила отрядом под руководством В.А. Иванова и В.А. Кригера (1986) было вскрыто 2 погребения позднесарматской культуры П-Ш вв. н.э. Дальнейшее изучение культуры кочевников 11-1У вв. на Илеке, а I акже в бассейнах Иргиза и Ори, было продолжено археологической экспедицией Актюбинского педагогического института имени Х.Жубанова с 1985 по 1995 гг. Был раскопан ряд позднесарматских некрополей на Илеке (Целинный I, Восточно-Курайлинский I, Восточно-Курайлинский II, Георгиевский бугор), в среднем течении Ори (Жанабаз (Урбаз), на Иргизе (Жолуткен, AI па I, Атпа II, Атпа III). Всего в этих могильниках было вскрыто более 60 погребений интересующего нас времени.

Рассмотрение материалов памятников гунно-сарматского круга, на наш взгляд, невозможно без привлечения основного массива археологического материала памятников позднесарматской культуры Нижнего Поволжья, благодаря которым, собственно, и были первоначально выделены комплексы Н-1У вв. в урало-казахстанских степях. В этой связи, считаем необходимым включить в историографический обзор основные этапы и проблематику исследований позднесарматских памятников Нижнего Поволжья.

Данные исследования наиболее полно были освещены в работах А.С. Скрипкина (1984; 1990).

Первые раскопки позднесарматских памятников проводились А.А. Спицыным. Краткие публикации раскопок близ Новой Норки, Гуселки, Лебяжьей, Машевки явились основой позднесарматской археологии (Скрипкин, 1984, с. 45). Большое значение для культурно-хронологической характеристики позднесарматских памятников Поволжья имели раскопки Н.И. Веселовского на Кубани и труды М.И. Ростовцева, который определил кубанские и нижневолжские материалы как сарматские (Скрипкин, 1984, с. 56).

Систематические широкомасштабные исследования сарматских комплексов начинаются в 20-х годах XX в. с началом работ Саратовского университета и Государственного исторического музея. В течение десяти лет было исследовано огромное количество сарматских памятников, среди которых значительное место занимали позднесарматские комплексы. Среди них наиболее яркими являются: Сусловский могильник, курганы у села Визенмиллер, Блюменфельд, Харьковка, Березняки, погребения около станции Баскунчак, у поселка Абганерово и Кегюльты, которые были исследованы П.С. Рыковым, П.Д. Рау, Б.Н. Граковым, В.В. Гольмстен и др. (Скрипкин, 1987, с. 7-10). Исследования новых памятников в Заволжье, Оренбуржье и Калмыкии продолжались вплоть до военных лет.

Результатом накопления значительного массива археологического материала явилось построение первых хронологических и этнокультурных интерпретаций позднесарматских памятников. Так, в работе «Сусловский курганный могильник (1925 г.)» П.С.

Гммжым была предложена четырехчленная схема распределении всего сарматского материала по культурно-хронологическ**кому** принципу **(А,** В, С, **Э).** За основу классификации им были примяты формы могильных ям и положение погребенных. Соб- | I пенно к позднесарматскому этапу были отнесены три группы погребений культуры В, датируемые П-Ш вв. н.э. и соотносимые им с аланами (Рыков, 1925, с. 25).

Однако данная схема была значительно изменена спустя два года в работах П.Д. Рау. Разделив сарматские древности на два п апа: раннесарматский и позднесарматский, он передатировал п впервые выделил позднесарматский этап в рамках Ш-1У вв. п. ». (Скрипкин, 1984, с. 9). Данные памятники он соотносил с аланами и считал их генетически связанными со всеми предшествующими этапами сарматской культуры.

Обобщающий характер для довоенного периода носили работы М.И. Ростовцева и П.С. Рыкова, в которых принципиально не были изменены взгляды на периодизацию сарматской культуры, однако высказаны особые взгляды на этнокультурную характеристику тех или иных этапов. Так, М.И. Ростовцев механизм сложения каждого этапа сарматской культуры связывает с приходом новых волн сарматского населения Центральной Азии » Поволжье. В частности, последняя волна сарматов в лице алан связана, по его мнению, с продвижением юэчжей. Несколько корректируя свои предшествующие взгляды, П.С. Рыков (1931, с. 46) высказывает предположение о том, что некоторые погребения в подбойных ямах могли принадлежать гуннскому населению. Возможная гуннская принадлежность позднесарматской культуры также высказывалась в специальной работе Е.В. Жирова по анализу антропологического материала памятников сарматов 11оволжья. Он связывал появление искусственной деформации черепов с продвижением в Поволжье и далее на Украину гуннского населения из районов Средней Азии (Жиров, 1940).

Дальнейшее уточнение хронологических позиций и этнокультурной принадлежности позднесарматских памятников было осуществлено в послевоенных работах К.Ф. Смирновым и Б.Н. I раковым.

К.Ф. Смирнов удревнил нижние даты позднесарматской культуры до II в. н.э., указав на ошибочность мнения П.Д. Рау о запаздывании отдельных типов вещей в памятниках кочевников (Скрипкин, 1984, с. 13), хотя в этнической интерпретации он не расходился с мнением П.Д. Рау. К.Ф. Смирнов (1950, с. 108) высказал мнение, что позднесарматское население являлось аланским, которое вызревало в Ш-П вв. до н.э. как самостоятельная политическая и военная сила внутри сарматской конфедерации, возглавляемой аорсами. В рамках данного этапа К.Ф. Смирнов отрицает не только внешнее влияние со стороны гуннов, но и в целом миграционное воздействие на формирование отдельных этапов сарматской культуры (Мошкова, 1989, с. 164).

Основополагающая четырехчленная классификация савромато-сарматских древностей была предложена Б.Н. Граковым (1947). Он называет поздний этап сарматской культуры шиповским, по названию наиболее яркого, на его взгляд, Шиповского могильника и датирует его также, как и К.Ф. Смирнов, П-1У вв. н.э. В этнокультурной интерпретации памятников этого этапа он принципиально не расходится с П.Д. Рау и К.Ф. Смирновым, считая шиповское аланское население прямыми потомками савромато-сарматских племен, тем самым определяя четырехэтапное преемственное развитие данной культуры на протяжении тысячелетия (Скрипкин, 1984, с. 13-14).

Наиболее масштабные исследования позднесарматских курганов начались в 50-х годах и продолжались в период строительства нижневолжских гидроэлектростанций, а также целевых исследований в Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской и Оренбургской областях. В Калмыкии, а также в районах Волго-Донья, были исследованы сотни новых комплексов, относящихся в том числе и к позднесарматскому времени. Экспедициями И.В. Спицына, К.Ф. Смирнова, В.П. Шилова, Ц.Э. Эрдиева были исследованы Бережновские I, Бережновские II, Калиновский, Быковский могильники, курганы Сидоры у поселка Ленинск, у станции Жутов, у хутора Кузин, Старица, Капитанский и др.

11риток нового материала, безусловно, отразился на характера его интерпретаций. В целом, не изменяя взгляда на хронолo-| ню сарматской культуры, различными авторами были предложены новые точки зрения на ее территориальные рамки и >1некультурные характеристики.

Так, генезис сарматов С. П. Толстов связывал с массагето-хорезмийским населением. Своеобразную миграционную схему возникновения позднесарматских памятников Нижнего Поволжья предложил Л.А. Мацулевич. Автором выдвигалось предположение о том, что районы Поволжья и Южного Приуралья были заселены автохтонным сарматским населением Северного Кавказа, Придонья и Кубани (Скрипкин, 1984, с. 17).

Бурную дискуссию вызвала работа Л.Г. Нечаевой (1961, с. 156), посвященная этническим проблемам Нижнего Поволжья в позднесарматское время. Сопоставив катакомбные погребения алан ("еверного Кавказа первых веков нашей эры и подбойные погребения поздних сарматов Нижнего Поволжья, она сделала вывод 0 том, что катакомбный обряд присущ аланам, а подбойные погребения Поволжья принадлежали гуннам. Вероятнее всего, данные выводы автор сделала под влиянием работ А.Н. Бернштама (1940, с. 29-38; 1951а), который связывал появление деформированных черепов, распространение подбойных и катакомбных погребений в Средней Азии с приходом гуннов. Однако последующая полемика с привлечением нового материала из памятников Южного Казахстана и Средней Азии, полученных в результате новых исследований С. С. Сорокина, О.В. Обельченко, Б.А. Литвинского, И. Кожомбердиева, А.М. Мандельштама, выявила ошибочность точки зрения на этнокультурную принадлежность и хронологическую позицию Кенкольского мо-11 шьника, как одного из опорных памятников в построениях А.Н. 1 .ернштама. Так С. С. Сорокин (1956, с. 97-117) считал, что подпойно катакомбные погребения принадлежат культуре местно-I с) населения предгорий Киргизии. О.В. Обельченко, исследовав курганы Куюк-Мазарского и Лявандакского могильников с подиойно-катакомбными захоронениями рубежа эр, пришел к выводу, что данные памятники принадлежат кочевникам, ранее

занимавшим районы Урало-Казахстанских степей (Скрипкин, 1984, с. 92). За местную принадлежность подбойных и катакомбных погребений Западной Ферганы и Южного Таджикистана высказывались впоследствии Б.А. Литвинский (1972, с. 69) и А.М. Мандельштам (1966, с. 158). Не вызывает сомнения и автохтонность земледельческого и скотоводческого населения, оставившего катакомбные могильники каунчинской и арысьской культур бассейна Сырдарьи в Южном Казахстане (Байпаков, Подушкин, 1989).

Таким образом, вопрос о гуннских влияниях в формировании позднесарматской культуры Нижнего Поволжья был снят. Однако несколько позже Т. Сулимирский в своей работе «Сарматы» высказал мнение, что восточные аланы, заселявшие Нижнее Поволжье, находились под большим влиянием гуннов. Данное влияние было обусловлено тем, что нижневолжские аланы являлись «арьергардом ираноязычного сарматского народа, который постепенно покидал азиатские степи под гуннским давлением». Они, очевидно, к тому времени были смешаны с гуннами (ЗиНппгзЫу, 1970, р. 143).

Итоговым исследованием по позднесарматской культуре явились работы А.С. Скрипкина (1984, с. 49-58), который обобщил и систематизировал весь ранее накопленный материал. Анализ вещевого инвентаря позволил ему выделить шесть хронологических групп: группа I (рубеж 1-П - вторая половина II в. н.э.); группа II (вторая половина II - середина III в. н.э.); группа III (вторая половина III в. н.э.); группа IV (конец III - IV в. н.э.); группа V (рубеж 1-П вв. - середина III в. н.э.); группа VI (рубеж 1-П вв - IV в. н.э.). Таким образом, нижняя временная граница позднесарматской культуры была им удревнена до рубежа 1-П вв. Несколько раньше данный рубеж был предложен В.П. Шиловым (1968, с. 310-323), который на основании датировок вещевого материала из погребений у сел Старица и Альтвеймер начало позднесарматской культуры отнес к рубежу 1-П вв. н.э.

Подобную датировку позволили А.С. Скрипкину (1984, с. 43) определить отдельные ранние типы фибул и зеркал, а также цилиндрических курильниц, мисок с желобчатыми бортиками и се-

рЭ1 пиняных лощенных кувшинов, встречающихся в памятниках Кубани и Нижнего Дона. Верхняя хронологическая граница была I н I авлена им без изменений IV в. н.э. По мнению А.С. Скрипкина (1[1])Х4, с. 116), эта дата может быть уточнена как 370-е годы, т.е. время разгрома сарматов Нижнего Поволжья гуннами. На его взгляд, археологически этот рубеж определен временем сооружения Шиповских комплексов, которые И.П. Засецкой (1968, с. 52-62) были включены в памятники гуннов последней четверти 1У-У ни. К этому мнению присоединяется и М.Г. Мошкова (1968). Однако в этой связи необходимо сделать следующее уточнение. Материалы, которые рассматривались И.П. Засецкой как памятники I уIшской эпохи 1У-У вв. (среди них приводятся и шиповские ком-11некс ы), были пересмотрены А.К. Амброзом, который предложил другую хронологическую схему. Считаем необходимым привести в этой работе основные этапы данной полемики.

Коротко ее суть сводится к тому, что А.К. Амброзом (1971; 1971а) выделены три хронологические группы: 1У-У вв.; VI-VII вв.; VII в., по мнению же его основного оппонента И.П. Часецкой, большая часть восточногуннских степных материаиов относится к единому периоду 1У-У вв. Разнообразие типологических особенностей этих комплексов связано с половозрастными и или какими-то другими различиями. Таким образом, древности делятся И.П. Засецкой (1978, с. 68-69; 1994, с. 111-131) на пять единовременных подгрупп от А (о Д. Принимая ту или иную точку зрения, приходится опре-ц-н ять существенно различающиеся хронологические позиции не только для Шипово, но и для Муслюмово (на 1-2 века), Борового и Каннатаса (на 2-3 века), а также для других комп-нексов, входящих в рамки II и III четверти 1-го тысячелетия. В п ой связи выделим некоторые наблюдения по данной про-о'к-ме. На наш взгляд, собрав и подытожив фактически весь ма териал по раннесредневековым древностям Евразии, А.К. \ мброз создал три хронопласта, которые включают в себя ряд чрм1 х эталонных комплексов различных категорий вещевого мл и'риала из разных погребальных памятников. Его система I миологических привязок с привлечением самого широчайше-

го круга аналогий не вызывает сомнений в тщательности и скрупулезности этой методики. Однако характер последующей дискуссии был вызван, прежде всего, несогласием ряда авторов, попытавшихся приложить локально-хронологические схемы к системе А.К. Амброза. Некоторые из их выводов против хронологии А.К. Амброза, строившиеся, как правило, на больших совокупностях материалов, были весьма весомыми и убедительными, что признавалось и самим А.К. Амброзом (Голдина, 1979; Засецкая, Маршак, Щукин, 1979, с. 124; Генинг, 1972, с. 228-235). Однако следует подчеркнуть, что, по сути дела, все доводы различных оппонентов носили частный, локальный характер.

Можно сказать, что спор между И.П. Засецкой и А.К. Амброзом сводится также к удревнению или омоложению Поволжско-Приуральских и Казахстанских материалов на основании существующей среди них технологической общности (Засецкая, 1978, с. 62-63, рис. 2). В целом, наиболее дискуссионным оказалось «восточное крыло» схемы А.К. Амброза. Хронологическая интерпретация материалов Западной Европы, Крыма, Кавказа в большинстве своем не вызвала ощутимого разнобоя мнений. Локальные корректировки дат целых групп памятников, безусловно, приводили к частичному разрушению многоэтажных хроноконструкций, и, вероятно, поэтому А.К. Амброз (1985) не принял большинство этих поправок. Таким образом, несмотря на то, что спор ушел в мельчайшие типологические особенности, дискутирующие не изменили своих точек зрения. Первопричина этих разногласий, как нам кажется, была оконтурена еще самим А.К. Амброзом (1971, рис. 1) на страницах своего фундаментального исследования, где приводилась таблица соотношения хронологической периодизации и монет. Подобно тому, как могут запаздывать монеты в различных погребениях, отдельные вещи или реминисценции их близких форм могут переживать значительный временной интервал. Думается, что не случайно участки хронологической схемы гуннских древностей оказываются более устойчивыми для Центральной Европы, где остановилась миграционная волна гуннского и других кочевнических

ш ро спаши, в Крыму и на Северном Кавказе, в предгорьях ко-I <=I и1 ч происходило активное оседание средневековых кочевни-ᴍ он.

II связи с этим, в большинстве своем такие различные погре-".I и.мыс памятники, как могильники гепидов в Венгрии, Кара-II \ мчи» (Югославия), Турне (Бельгия), Суук-Су, Дюрсо, Мокрая |>,1!1кл, Чми и др. (Крым, Кавказ) будут включать «пережиточные» материалы, несущие гуннские, аварские, тюркские и др. |р.|диции, датирующиеся У1-УИ вв. и даже VIII веком. Кроме I< м о, менее подвижный образ жизни в местах оседания кочевни-I ми приводил также к образованию крупных стационарных по-I ргнальных усыпальниц и к накоплению в них богатого археологического материала. На эту тенденцию и указывал А.К. \мороз (1980, с. 3).

I) процессе дискуссии уточнение датировок пошло двумя путямм 11ервый из них был достаточно традиционен. Ранее он успеш-I к> применялся при датировке кочевнических древностей (Мерперт, 1[1]>55) и древней Руси (Кирпичников, 1966, 1966а, 1071, 1973). На (н повании этого метода установление датировок категорий вещей выявилось благодаря построению их эволюционных рядов разни I пя. Таковыми явились работы по пряжкам и поясной гарниту-Iт 1М>. Ковалевской (1972; 1979) и по кинжалам и конской упряжи V VI вв. А.К. Амброза (1973; 1986; 1986а). Однако этот метод ока-1.1 1ся весьма уязвимым при переносе его на конкретные комплек-| ы вещевого материала. Логика исследований обусловила другой ме тод датировок, в основу которого были поставлены конкретные комплексы, их саморазвитие и взаимовстречаемость отдельных категорий и типов вещей внутри них. Ранее он успешно был применен к датировке прикамских памятников ломоватовской | \ п, туры Р.Д. Голдиной (1970; 1979).

<)дна из попыток привлечения более полного материала, дифференцированного по группам, в которых каждая остается суммой конкретных погребений, принадлежит И.П. Засецкой (1978). < » тако сравнительная малочисленность и разнородность гунн. I их материалов (34 комплекса с обширной территории Вос-н'чио Европейских степей) и, что особенно важно, слабая

' 1ик. 1488

документированность и сохранность коллекций, не позволили автору в полной мере применить корреляционный метод при построении своей схемы. Более эффективно данный метод сработал на примере датировки могильников Северного Кавказа в последней работе А.К. Амброза «Хронология древностей Северного Кавказа» и работах В.Б. Ковалевской (1996). А.К. Амброз (1980, с. 4) хотя и эмпирически, но достаточно убедительно, оценил взаимовстречаемость и продолжительность существования отдельных вещей. Каждый из выделенных хронологических периодов северокавказских древностей, на наш взгляд, более всего можно сравнить «с неподвижным снимком непрерывно двигающегося процесса». Однако в последней главе, касаясь вопросов хронологии степных гуннских древностей, отстаивая свои позиции по датировке памятников, автор прибегает к традиционному поиску широчайшего круга аналогий, довольно случайному сопоставлению различных категорий вещей. В результате чего, комплекс Боровое по аналогиям отдельных предметов датируется VII веком (Амброз, 1989, с. 71). Дата же Каннатаса опирается на круг аналогий костяных подпружных пряжек, которые существуют на протяжении более чем одного тысячелетия вплоть до ХП-ХШ вв.

Таким образом, вопросы датировок единичных степных комплексов, вероятно, в ближайшее время будут оставаться спорными до построения локальных шкал при достаточном количестве материалов. Возвращаясь к хронологии Шиповских комплексов, следует сказать, что на сегодняшний день имеются две даты Шиповских комплексов. И.П. Засецкая датирует их последней четвертью 1У-У вв. и соотносит с гуннскими памятниками, а А.К. Амброз (1989, с. 67-75)-У1-УП вв. и соотносит, по всей видимости, со следующим этнополитическим этапом в Евразийских степях. Отсюда, вопрос об установлении верхнего хронологического рубежа позднесарматской культуры, как непосредственно предшествующей шиповским комплексам, остается открытым. Тем более, что сегодня в работах, посвященных хронологии средневековых комплексов второй трети I тыс. н.э., наблюдается явная тенденция к омоложению материалов,

подобных шиповским также до VI вв. (Богачев, 1996; Гавриту-\ин, 1996). Учитывая сказанное, следует признать, что при наличии временной лакуны не менее чем в 100-200 лет, трудно говорить о том, что позднесарматская культура Нижнего Поволжья непосредственно сменяется гуннскими памятниками шиповского облика.

По вопросам этнокультурной интерпретации памятников позднесарматской культуры А.С. Скрипкиным также были внесены определенные коррективы. Прежде всего была отвергнута аланская принадлежность позднесарматских памятников Поволжья. По его мнению, позднесарматское население всего Нижне-I о Поволжья вероятнее всего не только не являлось аланским, но и, по всей видимости, не входило в их племенной союз. Механизм этнокультурных трансформаций, с его точки зрения, происходил следующим образом. Изменения, произошедшие на рубеже 1-Й вв. н.э. в Заволжье и положившие начало формированию позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье, были вызваны, в основном, продвижением иранских племен из Средней Азии (Скрипкин, 1984, с. 114). В целом, реконструкция меха-II изма этнокультурных перемещений внутри данного сообщества ираноязычного населения Азиатской Сарматии А.С. Скрипкина представляет развитие взглядов М.И. Ростовцева и К.Ф. Смирнова, утверждавших, что смена историко-культурных этапов сарматской общности связана с проникновением новых «волн» иранского населения или этнополитической перегруппировки ни утри нее. В последние годы в работах С. А.Яценко, посвященных анализу письменных источников начала I тыс. н.э., взгляды < '. Д.Скрипкина получили дальнейшее развитие и конкретизацию. По мнению С. А.Яценко, до середины II в. н.э. территории к востоку от Волго-Донья были заселены танаитами, в состав которых входили ассеи-ассы. Эти племена в 155 г. н.э. захватыилют политический центр аланов - Нижний Дон. С этого периода аланы, ранее называемые скифами, упоминаются как «бывшие млссагеты» (Яценко, 1993, с. 85). Таким образом, следуя данной юшке, возможно предположить, что в данный и последующий

периоды к востоку от алаиского союза действительно располагались иные племена сармато-массагетского облика.

Подытоживая историографический обзор исследований позднесарматской культуры Нижнего Поволжья, можно констатировать следующее. Памятники этой культуры занимают бассейн нижнего течения Волги (Волго-Донское междуречье, Заволжье). Основные черты погребальных комплексов - земляные округлые насыпи, могилы с подбоями, катакомбы, северная ориентировка погребенных, наличие искусственной деформации черепов. Большинство авторов рамки существования ее ограничивают 11 IV вв. н.э., К.Ф. Смирнов, В.П. Шилов, а А.С. Скрипкин - рубежом 1-Й - IV вв. н.э. Этнокультурная принадлежность данного населения определялась как аланская (Рыков П.С., Рау П.Д., Ростовцев М.И., Граков Б.Н.), сарматская (сармато-массагетская) (Скрипкин С. А., Яценко С, А.), гуннская (Жиров Е.В., Нечаева Л.Г.), восточно-аланская под влиянием гуннов (Т. Сулимирский). Особую точку зрения высказала Гольмстен В.В. Не устанавливая конкретную этнокультурную интерпретацию позднесарматской культуры, она, тем не менее, отрицает ее сармато-аланскую принадлежность (Гольмстен, 1924).

Подавляющее число авторов сходится во мнении, что позднесарматский этап генетически связан с предшествующими памятниками сарматской общности. Изменения в погребальном обряде, в составе вещевого инвентаря связаны с внутренними миграциями в широких территориальных рамках ареала Азиатской Сарматии, которые происходили на рубеже I - II в. н.э.. Они привели к притоку в Нижнее Поволжье нового сармато-массагетского населения Средней Азии и Южного Казахстана.

В общем историографическом анализе, рассматриваемой в нашей работе археологической проблематики, необходимо коснуться основных этапов исследования и общей характеристики отдельных культур и археологических типов приурало-поволжского региона.

Прежде всего, к этому типу относятся памятники турбаслинской культуры, которые располагаются в лесостепной зоне среднего течения реки Белой в месте слияния с рекой Уфа. Наиболее

крупными памятниками являются Дежневский и Ново-Турбасиинекий могильники. Исследование последнего еще в конце прошлого века было осуществлено Ф.Д. Нефедовым (1899), который раскопал 40 курганов. Основным исследователем этого памятника стал Н.А. Мажитов (1959, с. 114-142; 1968, с. 65-73; 1981, с. 23 -25), раскопавший большую часть курганов и выделивший на основе этих материалов вначале отдельный тип, а затем археологическую культуру. В 60-70 годы раскопками Дежневского мо-I ильника и Уфимских курганов занимались А.Х. Пшеничнюк (1968, с. 105-112), С.М. Васюткин (1970, с. 163-181), М.Х. Садыкова. В это же время Г.И. Матвеевой (1968, с. 5-20) был исследован Шареевский могильник. В последние годы раскопками гурбаслинских памятников активно занимается Ф.А. Сунгатов (1995, с. 118-137; 1995а).

Существуют разные точки зрения на хронологические рамки существования турбаслинской культуры. Впервые систематизировав археологический материал Ново-Турбаслинского могильника, Н.А. Мажитов (1968, с. 68-142) датировал его V - VII вв. Г. И. Матвеевой (1968, с. 19, 20) были предложены более широкие рамки существования этой культуры - VI - IX вв. Согласно хронологической схеме, предложенной А.К. Амброзом (1971а, е. 107), материалы Ново-Турбаслинского могильника датировались VII - VIII вв. Чуть позже эту точку зрения принял и Н.А. Мажитов (1981, с. 23). В.Ф. Генинг(1972) ограничил время существования турбаслинского археологического типа концом V - VI вв. С. М. Васюткин (1970) датировал эту культуру рубежом IV V - первой половиной VIII в. В различных работах В.А. Иванова определялись рамки существования турбаслинских памятников началом VI - серединой VII вв. (Иванов, Кригер, 1987; Кузеев, Иванов, 1983). Ф.А. Сунгатовым (1995а, с. 13, 14) был II ро веден статистический анализ всех известных памятников данон культуры, в результате которого он пришел к заключению, что время существования этих памятников можно определить как V начало VIII вв.

Дискуссионным сегодня остается вопрос происхождения и этнокультурной принадлежности рассматриваемой культуры. Боль-

шая схожесть плоскодонных сосудов из турбаслинских погребений с керамикой именьковской культуры позволила ряду авторов высказать предположение о принадлежности турбаслов к именьковскому кругу памятников, либо объяснять происхождение турбаслинской культуры переселением части именьковских племен из Поволжья в Приуралье (Сальников, 1964, с. 13; Васюткин, 1968, с. 62-66; Старостин, 1971; Смирнов, 1971). Однако бесспорная схожесть элементов погребального обряда (одиночные погребения, совершенные в прямоугольных могильных ямах, наличие заплечиков, подбоев, северная ориентировка умерших, деформация черепов, набор вещевого инвентаря), антропологическая близость, единство керамического комплекса на самом раннем этапе исследования позволили Н.А. Мажитову высказать, на наш взгляд, вполне обоснованное мнение об общесарматских истоках культуры турбаслинцев. В работах разного времени он делает весьма существенные дополнения. Так, на раннем этапе исследований Н.А. Мажитов (1968, с. 70-72) указывает, что турбаслинцы в основе своей сложились из южноуральского гунно-сарматского населения, находящегося, с одной стороны, под сильным тюркским влиянием, с другой, - активно смешиваются с оседлыми бахмутинскими племенами. Несколько позже, развивая тезис о среднеазиатском происхождении плоскодонной керамики и подбойного обряда у турбаслинцев, Н.А. Мажитов (1981, с. 25) рассматривает их как потомков южноуральских кочевников (сарматов), с одной стороны, и выходцев из степей Средней Азии (саков) - с другой. И, наконец, чуть позже автор говорит о том, что турбаслинская культура возникла в результате переселения большой группы кочевых племен, постепенно оседающих в среднем течении реки Белой. Благодаря анализу погребального обряда и керамического комплекса Н.А. Мажитов (1988, с. 9-11) приходит к выводу, что эти кочевые племена являлись потомками населения позднесарматской и саргатской культур Южного Урала, Сибири и Казахстана.

Близкую точку зрения по этому вопросу высказывает и А.Х. Пшеничнюк. В работе, не посвященной конкретно данной культуре, он, на наш взгляд, достаточно точно рисует схему формирования турбаслов. «Предполагается, что большая часть

позднесарматского населения была вовлечена в завоевательные походы на запад. Вполне вероятно, что какая-то часть сарматского населения была вынуждена уйти на север от основной магистрали движения гуннских племен. На это указывает появление в конце IV - V вв. больших курганных могильников так называемого турбаслинского типа в Центральной Башкирии» (Пшеничнюк, 1983, с. 132). Фактически смыкается с этой точкой зрения и позиция С. М.Васюткина (1986, с. 196), хотя он делает существенное дополнение: позднесарматские племена, продвинувшиеся в конце IV в. в лесные районы правобережья реки Белой, испытали «сильное тюркское влияние» (подразумевая под этим, вероятно, влияние со стороны гуннов).

Таким образом, исследователи принципиально сходятся во мнении о генетической преемственности позднесарматских и турбаслинских памятников. В последний период, с появлением исследований Ф.А. Сунгатова, данная точка зрения, на первый взгляд, не изменилась. Признавая в целом, что турбаслинцы являются прямыми потомками сарматов, он тем не менее подчеркивает, что существовал временной разрыв между поздними позднесарматскими памятниками (II - III вв.) (в это число, с его точки зрения, входят и курганы Салиховского могильника, датируемые ранее автором основных иследований С. М.Васюткиным, концом IV - первой половиной VI в. (Васюткин, 1986, с. 194). При этом Ф.А. Сунгатовым не были учтены памятники позднесарматского времени III - IV вв. примыкающих территорий Южного Приуралья и Южного Зауралья) и ранне-турбаслинекими комплексами V в. В это время, по мнению автора, ирототурбаслинцы (поздние сарматы) в составе гуннского военного союза участвовали в западных походах, а после разгрома гуннов сарагурами в Поволжье, часть волго-донского гунно-сарматского населения была вынуждена переселиться в Приуралье (('унгатов, 1995, с. 19-22). Эта точка зрения сильно перекликается с мнением, ранее высказанным В.Ф. Генингом, на происхожк'пие памятников типа «тураево». Указывая на наличие ярких аналогий в погребальном обряде и вещевом инвентаре тураевсмн о комплекса с памятниками азиатских гуннов, В.Ф. Генинг

приходит к мнению, что памятники типа Тураевского могильника в Прикамье оставлены тоже гуннами, возвратившимися из европейских походов (Оешп§, 1996). Однако эта точка зрения на возникновение памятников тураевского типа не была поддержана исследователями. Не дискутируя в данном изложении с точкой зрения Ф.А. Сунгатова по вопросу о юго-западном происхождении турбаслов, отметим как положительный момент то, что в последних целевых исследованиях по вопросу о турбаслинской культуре указанный автор пришел к мнению, что составляющие этой культуры сформировались и просуществовали до VIII в. в среде гунно-сарматского населения Южного Урала.

В заключение вводной части коротко коснемся историографии вопроса интерпретации немногочисленных письменных источников, позволяющих в той или иной мере картографировать гуннские племена на самой ранней стадии (II - вторая половина IV в.) их обитания на азиатско-европейском пограничье. Речь идет, прежде всего, об упоминаниях позднеримского поэта Дионисия Периегета, относящиеся к 117-138 гг., в его стихотворном землеописании, который в списке прикаспийских народов приводит неких уннов (Известие древних писателей..., с. 185, 186) и античного астронома и географа Птолемея (160-180 гг.), поместившего хуннов в юго-восточной Европе между бастартами и роксоланами (Известие древних писателей..., с. 232). Эти источники впервые переведены и прокомментированы В.В. Латышевым, который охарактеризовал их как самые ранние упоминания гуннов. Эти сведения по-разному интерпретировались отдельными исследователями. М.И. Артамонов (1962, с. 42, 43) идентифицировал уннов Дионисия с гуннами и поместил их за прикаспийскими скифами в местности, примыкающей к Аральскому морю, а гуннов Птолемея он картографировал где-то в районе Причерноморья.

А.Х. Халиков, ссылаясь на комментарий Ф. Алтейма, помещает гуннов Дионисия в степях Южного Урала и Устюрта в 160 г. (Халиков, 1987, с. 90; АШиат, 1960).

Для большинства последующих исследователей сведения Дионисия являлись спорными (Джафаров, 1985;Гмыря, 1980, с. 153, 156; 1995, с. 47; Засецкая, 1994, с. 132-138). Тем не менее, это не помешало им прийти к единому мнению, что уннов Дионисия можно картографировать в западном, северо-западном Прикаспии. Л.Б. Гмыря (1995, с. 47) очерчивает южные границы Дербентским проходом, а северные, - вероятно, северо-каспийскими степями. И.П. Засецкая, в целом, сомневаясь в сообщении Дионисия Периегета, провела подробнейший анализ его изложения и соотнесла эти сведения с ранними (Страбон) и более поздними (Иордан) авторами. В результате, исследователь пришла к выводу, что этноним «унны», скорее всего, соотносится с гуннами, а не с ранее известными утиями, проживавшими в южном Прикаспии (Засецкая, 1994, с. 134), тем более, что латинская традиция называть хуннов гунно-уннами широко известна у более поздних авторов (Созомен, Приск Понтийский). И.П. Засецкая локализует дионисиевых гуннов к северо-западу от Прикаспия, между реками Терек и Кума.

Сведения Птолемея, по мнению поздних исследователей, носят либо самый общий характер, либо являются эпизодическим упоминанием о незначительном (в общеисторическом смысле) присутствии гуннского компонента в Восточной Европе (Гмыря, 1995, с. 47; Засецкая, 1994, с. 137, 138).

Следующие упоминания относятся к первой половине III в. В сочинении армянского историка Агафангела, которые приводит Л.Б. Гмыря (1995, с. 47), содержатся более ранние сведения об участии гуннов вместе с армянами и другими кавказскими народами в борьбе против персов в 227 г. А И.П. Засецкая (1994, с. 136) приводит описания земель готов после их прихода в Южную Европу в середине III в. н.э., где гунны помещаются также севернее, северо-западнее Каспия. Еще одно упоминание о гуннах, находившихся в сбставе аланского войска, относится к началу IV в., содержится в сведениях другого армянского автора IV в. Фавстота Бузанда (Яценко, 1993, с. 85).

Таким образом, при всей разрозненности и эпизодичности упоминаний в приведенных письменных памятниках, наблюдается известная определенность. В период до Аммиана Марцелина (вторая половина IV в.) на протяжении двух столетий данные

племена упоминаются четырежды с интервалом 50 лет на территории, примыкающей к юго-западным границам Европы. С одной стороны, эти сведения весьма скудны, с другой, - не может не обращать на себя внимание долгое существование этих упоминаний. Это объяснимо, с одной стороны, тем, что в этот период гунны не играли той политической роли, которая была уготована им впоследствии, с другой, очевидно, что это была уже достаточно признанная и мобильная военно-политическая единица на Евразийском пограничье. Лишь постепенно (в течение двух веков), консолидируясь и осваивая политическую инфраструктуру региона, гуннское объединение смогло выступить против Великой Алании в 70-х годах IV в. После чего этот этноним долго е время не сходил со страниц средневековых хроник.

Таким образом, для памятников, рассматриваемых в данной работе, раннее было предложено название «гунно-сарматские памятники» или «памятники гунно-сарматской культуры» (Боталов, 1993, с. 142). Сравнительно давно и прочно укрепились названия «гунно-сарматский период», «гунно-сарматские памятники» за более ранними комплексами Тувы, Алтая и Притяньшанья (Руденко, 1960, с. 335, 336; Кызласов, 1958; Бернштам, 1951, с. 143). Мы сочли возможным применение данных терминов и для памятников урало-казахстанских степей II-V вв. н.э. По нашему глубокому убеждению, появление и дальнейшее существование этих археологических памятников своеобразно отражают процесс генезиса гуннской культуры в сарматской этнокультурной среде. Главенствующую роль в этом этнополитическом конгломерате играли собственно гунны - недавние потомки центральноазиатских хуннов. Вероятно, именно этим возможно объяснить наличие ярких центральноазиатских черт в знатных погребениях (северная ориентировка, большая монголоидность погребенных, наличие гробов, котлов, китайского импорта, наборных поясов - реминисценций поясов «ордосского» типа). Процесс гуннского культурогенеза растянулся на два столетия со второй половины II в. н.э. по вторую половину IV в., после чего кочевники, оставившие эти курганы, покидают урало-казахстанские степи и вторгаются в пределы Восточной Европы. С

этого времени в письменных источниках появляется этноним «гунны».

Основная часть представленной работы выполнена С. Г. Боковым. С. Ю. Гуцалов написал часть введения и главы 1. Однако, в процессе многолетнего накопления материала и его анализа соавторы пришли к схожим представлениям о хронологической позиции и этнокультурной интерпретации этих памятников. В этой связи имеют единое мнение по всем основным положениям данной работы.

ГЛАВА 1. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Памятники гунно сарматской культуры включают в себя комплексы середины II - нач. V в. н.э. Они делятся на два хронологических этапа: П-Ш вв. и IV - нач. V вв. На сегодняшний день исследовано в общей сложности 312 погребальных комплесов, расположенных как вдоль северной кромки степной и лесостепной зоны Казахстана и Южного Урала в пределах Урало-Ишимского междуречья, так и глубоко в степи (рис. 2). Территориально данная культура включает в себя четыре микрорайона: Западный Казахстан, Южное Приуралье, Южное Зауралье и североказахстанское Поишимье (рис. 2, 1-1У). Данные территории неравномерно представлены в памятниках на различных хронокультурных этапах. В этой связи рассмотрение региональных особенностей будет осуществляться с учетом двух основных групп: восточной (включающей памятники Южного Приуралья, Зауралья и Поишимья) и западной (памятники левобережья Среднего и Нижнего Урала). Приводим краткое описание по группам некоторых из них.

1. Восточная группа

АРКАИМ. ПОГРЕБЕНИЕ. Было обнаружено в валу укрепленного поселения Аркаим, в квадрате 1К/10. На уровне (0) появились очертания могильной ямы, ориентированной по линии С-Ю. Могильная яма в форме вытянутого овала длиной 2,7 м и максимальной шириной 0,55 м, имела неглубокий подбой (0,25) в северной торцевой стенке (рис. 3, I). Максимальной ширины яма достигала в своей центральной части, в ССВ и ЮЮЗ концах она сужалась. В материк погребение углублено на 0,15 м. Остатков какого-либо перекрытия не зафиксировано. На уровне (-20) обнаружена нижняя челюсть лошади. Челюсть лежала у северо-восточной стенки могильной ямы. На дне (-70) расчищен костяк человека, лежащего в вытянутом положении, головой на ССВ. Возле покойного лежали:

1. Железные удила сильно коррозированные, однако, судя по всему, это кольчатые удила с перехватом или кольцевым отводом средней части дужки (рис. 3,1, 5).

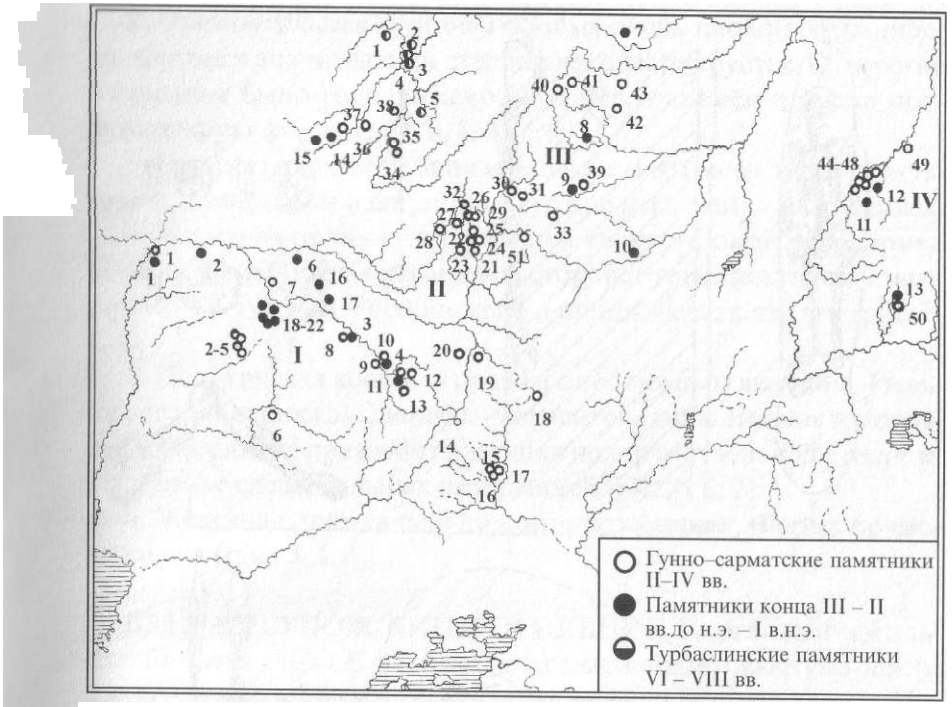


Рис.2. Карта памятников.

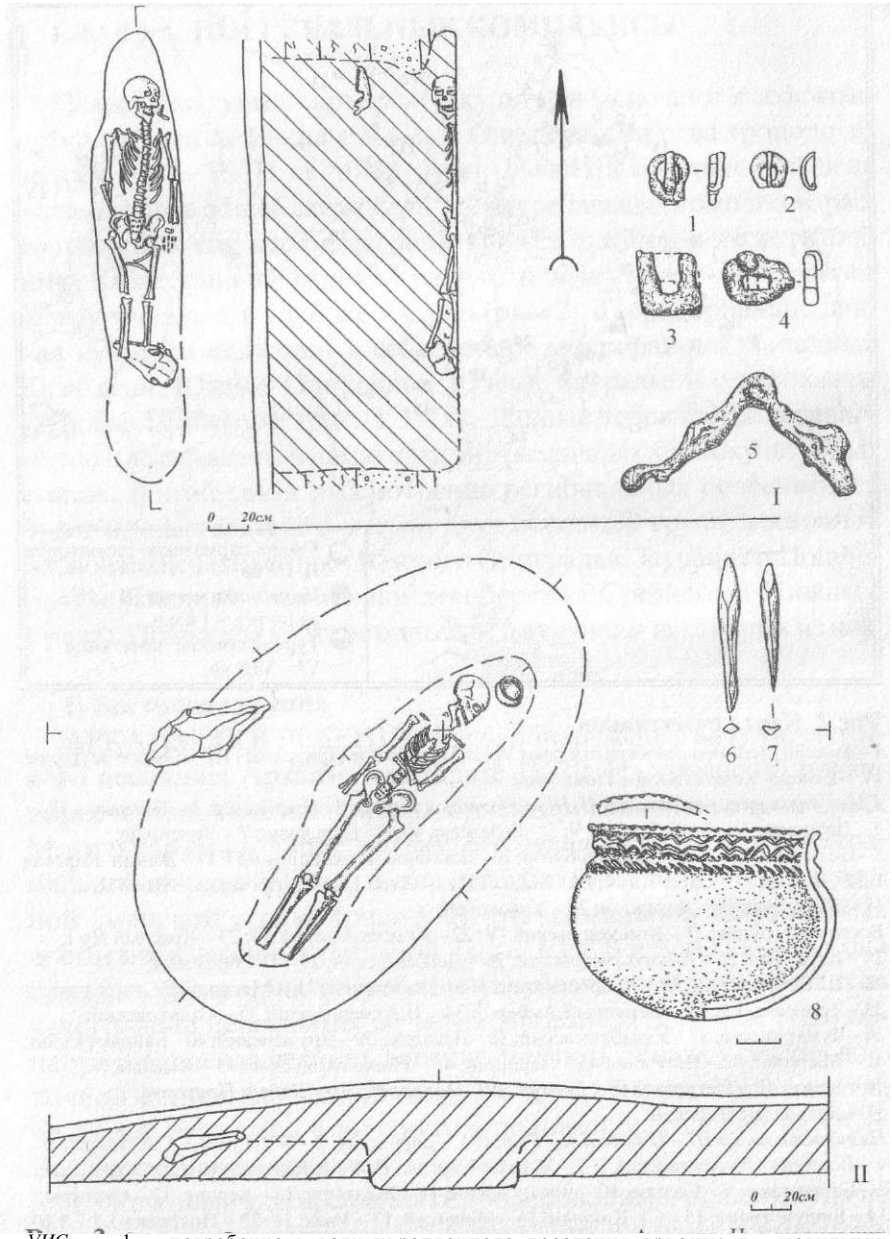
I - бассейн степного левобережья реки Урал; 11 - Южное Приуралье; 1l1 - Южное Зауралье; IV - Северо-Казахстанское Поишимье.

Гунно-сарматские памятники П-1У вв. Западная группа: 1 - Барбастау; 2 - Лебедевка II; 3 - Лебедевка IV; 4 - Лебедевка V; 5 - Лебедевка VI; 6 - Саралжин; 7 - Линевские; 8 - Целинный I; 9 - Георгиевский Бугор; 10 - Восточно-Курайлинский I; 11 - Жаман-Каргала I; 12-Ульке; 13 -Сары-Тау1; 14-Жанабаз; 15-Атпа I; *16*- Атпа II; 17-Атпа IV; 18 - Жолуткен; 19 - Джанатан; 20 - Красногор.

Восточная группа: 21 - Комсомольский IV; 22 - Комсомольский VI; 23 - Красный Яр I; 24 - Кара-Тал; 25 - Альмухаметовский; 26 - Дербеневский; 27 - II Сибайский; 28 - III Бекешевский; 29 - Хворостянские; 30 - Агаповский; 31 - Магнитный; 32 - Темясовский; 33 - Каменный Амбар 5; 34 - II Ахмеровский; 35 - Салиховский; 36 - Чумаровские; 37 - Уязыбашевский; 38 - Лекалды; 39 - Друженский; 40 - Байрамгулово; 41 - Малково; 42 - Шатрово; 43 - Першино; 44 - Новоникольское; 45 - Явленка; 46 - Кенес; 47 Петровка; 48 - Берлик; 49 Покровка; 50 - Жабай-Покровка; 51 - Большекараганский.

Памятники конца III - II вв.до н.э. -1 «н.э.: 1 - Барбастау; 2 - Жарсуай; 3 - Целинный I; 4 - Восточно-Курайлинский I; 5 - Жаман-Каргала И; 6 - Кардаиловские; 7 - Граултры; 8 - Стрелецкое; 9 - Солнце; 10 - Лисаковский; 11 - Жалтырь; 12 - Берлик; 13 - Саргары; 14 - Бишунгарово; 15-Ст. Киишки; 16-Мечетсай; 17-Увак; 18-22 - Покровка 1,2,7,8,10.

Турбаслинские памятники VI- VIII вв.: 1 - Кушнаренковский; 2 - Ново-Турбаслинский; 3 - Уфимский; 4 - Дежневский; 5 - Шареевский



УИС. э. 1 погребение в валу укрепленного поселения лркаим; и - могильник Малковский, курган 2. 1-5 - железо; *2,6,1* - кость; 8 - керамика

2. Прямоугольная железная обойма очень плохой сохранности. Форма в значительной степени реконструируется. Отверстие в середине было расположено по поперечной оси и имело прямоугольную форму (рис. 3,1, 3).

3. Предмет из тонкой бронзовой пластины имел листовидную форму длиной 4 см и шириной 2 см, при извлечении разрушился.

4. Железная пряжка с подвижным язычком, округлой формы. Планка, сохранившая на лицевой стороне отпечатки ткани, имела размеры 0,5х0,8 см. Расположена длинной осью к язычку (рис. 3, 1,1).

5. Полукруглая костяная пряжка с подвижным язычком. Тыльная сторона плоская, лицевая - сегментовидная. Язычок изготовлен из медной и бронзовой пластинки подпрямоугольной в разрезе. На пряжке следы сильных потертостей (рис. 3,1, 2).

6. Железная пряжка сильно коррозированная. Форма прямоугольная (рис. 3,1, 4).

БАЙРАМГУЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК. Курганный могильник Байрамгулово II находится на мысовидном выступе берега озера Аргази, в 2,5 км юго-западнее деревни Байрамгулово. (Полушкин Н.А. Отчет о раскопках кургана № 2 могильника Байрамгулово в Аргаяшском районе Челябинской области. Миасс, 1982. с. 2-13).

Курган 2. Насыпь правильной округлой формы, диаметр 12 м, высота 0,8 м. Имеет слабовыраженный ровик. В северо-восточной части насыпи выявлено пятно материковой почвы размером 1,4х1 м с включением угля и обугленного дерева. В ровике, в юго-западной поле кургана - кости барана. В северо-восточном секторе найдена плюсна лошади. На отметке 0,9 м от дневной поверхности, в юго-западном секторе расчищен круглодонный сосуд. В юго-восточном секторе - бессистемный разброс камней. Под насыпью выявлено два погребения (рис. 4).

Погребение 1 (рис. 4, III). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,07х0,54 м. Глубиной 0,05-0,08 м. Яма ориентирована по линии С-Ю с небольшим отклонением на В. На дне расчищен костяк ребенка, который лежал вытянуто на спи-

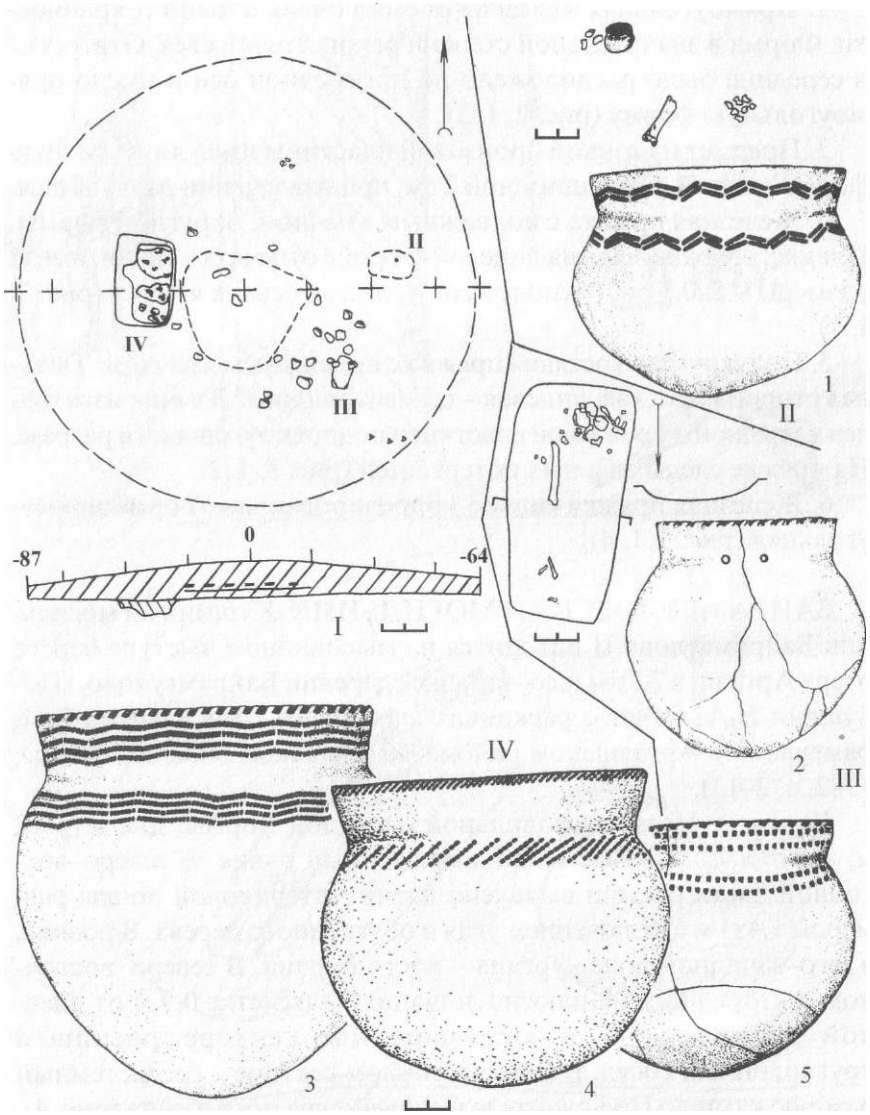


Рис. 4. Могильник Байрамгулово, курган 2.

I - общий план кургана; II -жертвенный комплекс; III - погребение 1; IV - керамика из погребения 2. 1—5 — керамика

не, головой на Ю. Возле скелета лежали горшок и астрагал барана (рис. 4, III).

Погребение 2 (рис. 4; 5). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии С-Ю. Размеры 2,8х2х1,68 м. Яма имеет уступ шириной 0,45 м. Покойник был перекрыт берестой. На перекрытии обнаружены: железное тесло, две подвесные бляшки, две накладки на ремень, шарнирная бляшка и подвеска. Костяк поврежден, ориентирован головой на С. В погребении обнаружены: три сосуда в развале, конская сбруя (удила, пряжки, наконечники ремней, накладки). У тазовых костей погребенного - обломки браслета, фибула (рис. 5, 3-5, 7, 1-38).

КУРГАН БЕРЛИК. Расположен у села Берлик, Сергеевского района Северо-Казахстанской области. (Зданович Г. Б. Памятники у села Берлик, Сергеевского района Северо-Казахстанской области // Отчет. Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 году. Петропавловск, 1973, с. 57-58).

Курган 2 (рис. 6, IV). Диаметр 12 м, высота 0,2 м. После снятия насыпи фиксировался прокаленный грунт. В юго-западдном секторе были зафиксированы контуры могильной ямы, размерами 2х0,9 м, ориентированной по линии ЗСЗ-ВЮВ. Погребенный слегка повернут на бок с подогнутыми ногами, головой на ЗСЗ. Кости скелета обуглены. Вещей нет.

МОГИЛЬНИК БОЛЫИЕКАРАГАНСКИЙ. Расположен в 3,5 км к ВСВ от села Александровка Брединского района Челябинской области. Выделяются две группы курганов, расположенных по взаимно перпендикулярным линиям (рис. 7, I). (Таиров А.Д. Исследование Большекараганского могильника в Брединском районе Челябинской области // Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции за 1987 год, Челябинск, 1988).

Курган 2 (рис. 8,4). Насыпь кургана овальной формы, размером 11,4х8,7 м, вытянута по линии С-Ю, высота 0,35 м. Могильная яма размерами 1,53х0,43 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, глубина 1,1 м. В юго-западной стенке зафиксиро-

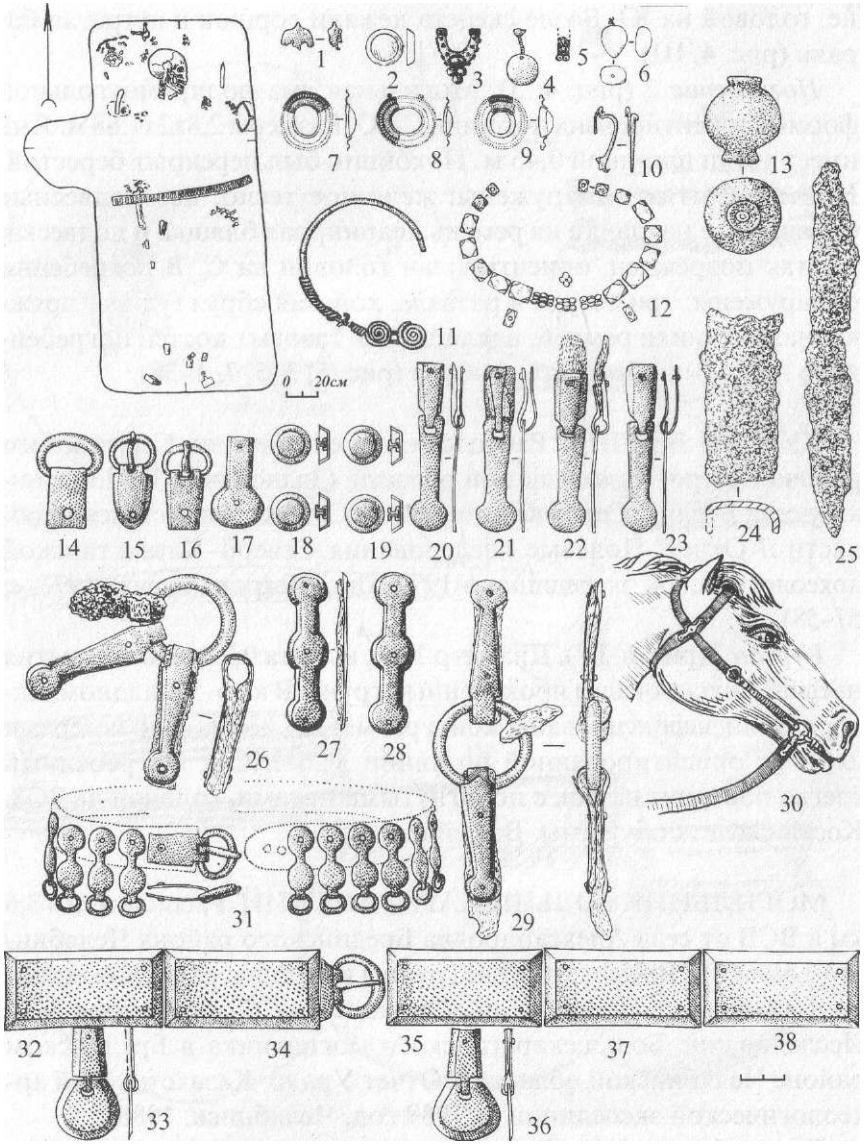


Рис. 5. Могильник Байрамгулово, курган 2, погребение 2.
1, 10, 14-23, 27-29, 31-38 - бронза; 2, 6, 12 - стекло; 3, 4 - золото; 5, 7-9, 11 - серебро; 13 - керамика; 24-25 - железо; 26 - бронза, железо, кожа; 30 — реконструкция конской упряжи

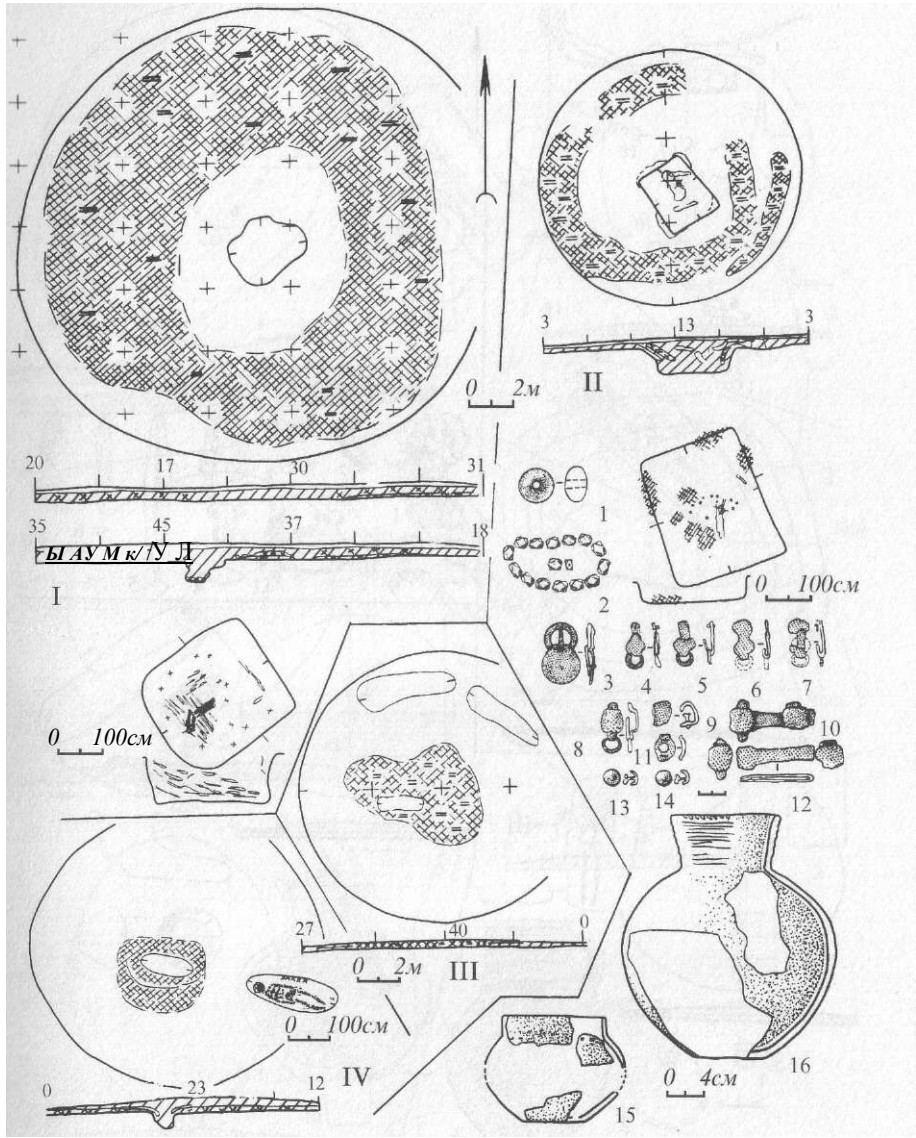


Рис. 6. I — могильник Новоникольское, курган 8; II - курган 4; III - могильник Кенес, курган 11; IV — могильник Берлик, курган 2. 1 — опал; 2 — стекло, сердолик; 3—12 — бронза; 13, 14 — бронза, золото; 15, 16 — керамика

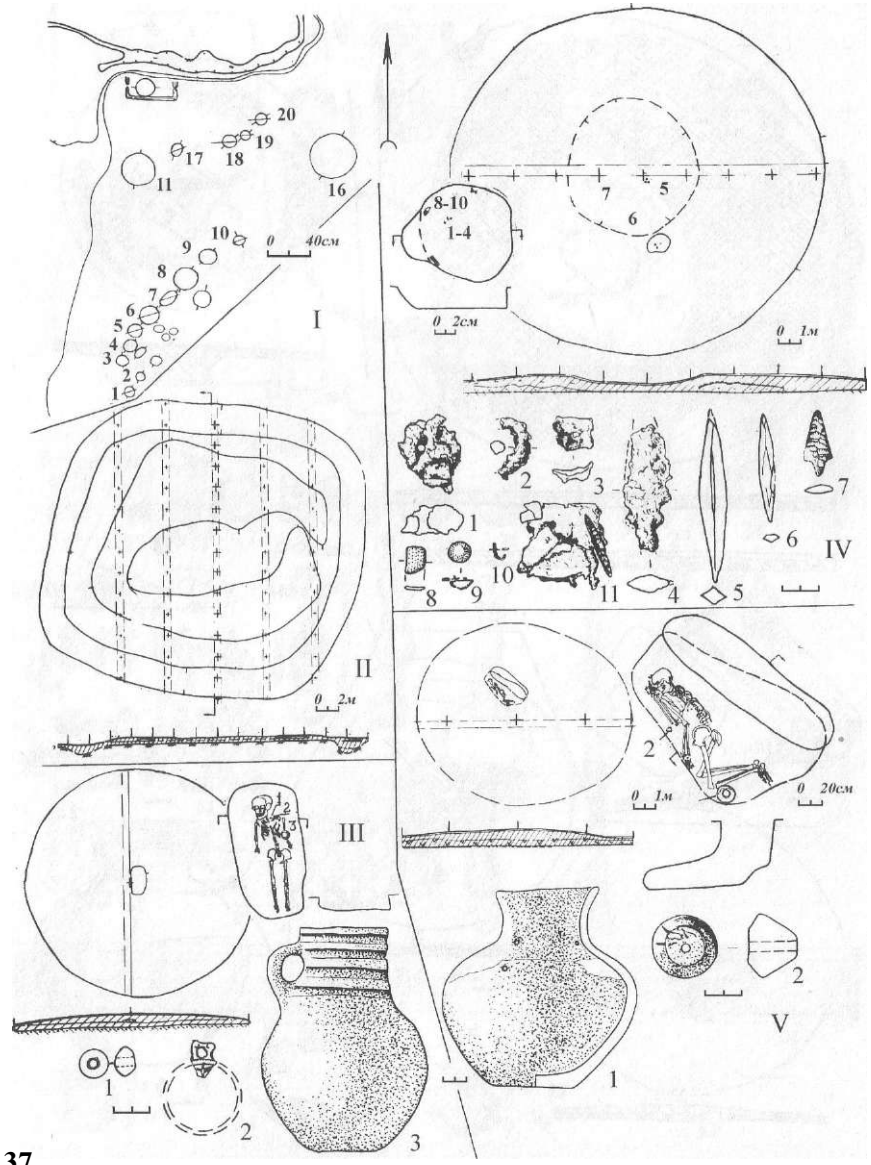


Рис. 7. Могильник Болынекараганский.

I — общий план могильника; II - курган 16; III - курган 19.
1 — камень, 2 — бронза, 3 — керамика. IV — курган 6. 1—4, 11 — железо;
5, 6 — кость; 7 — камень; 8—10 — бронза. V — курган 2. 1, 2 — керамика

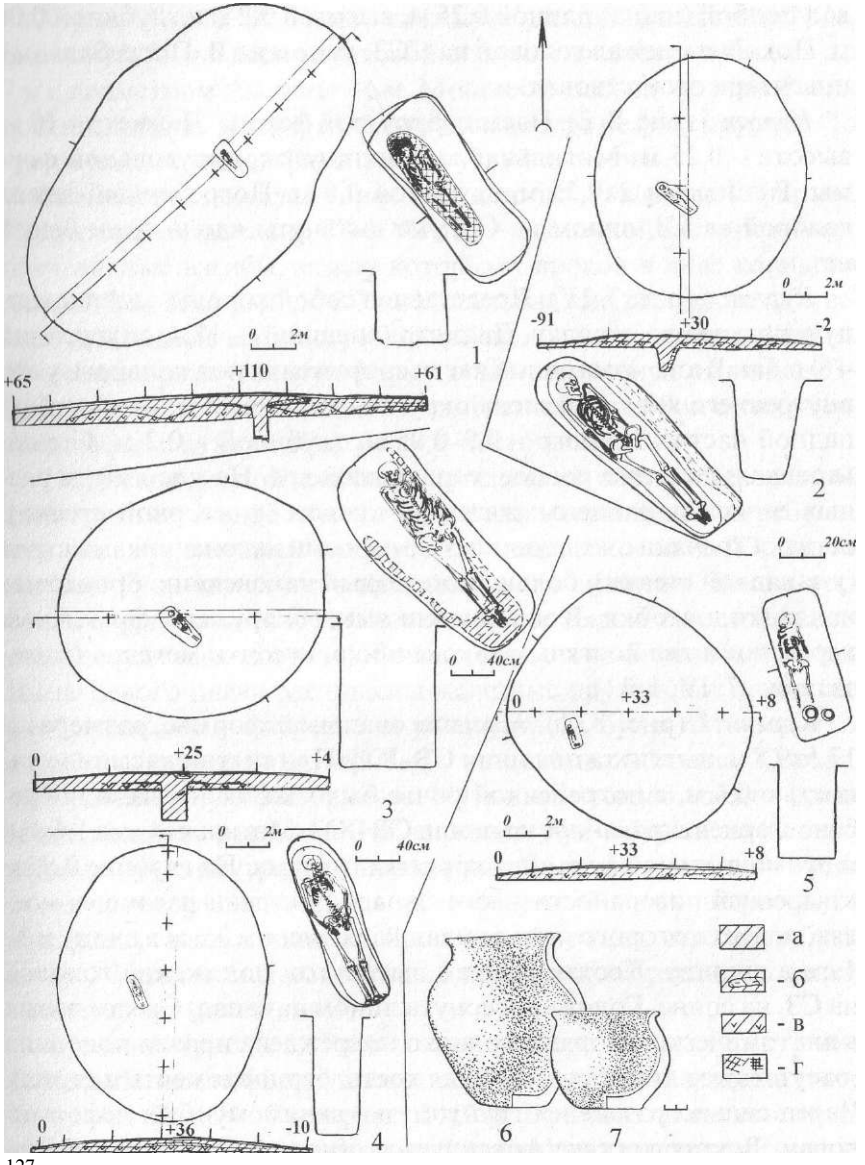


Рис. 8. Могильник Болынекараганский.

I - курган 7; 2 - курган 5; 3 - курган 1; 4 - курган 2; 5 - курган 10.
6, 7 - керамика, а - насыпь кургана; б — очертания углублений и ям;
в - погребенная почва; г - прокаленный грунт

ван подбой (ниша) длиной 0,25 м, высотой 0,2 м и глубиной 0,06 м. Покойник лежал головой на ССЗ, лицом на В. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган 5 (рис. 8, 2). Насыпь округлой формы. Диаметр - 10 м, высота - 0,25 м. Могильная яма вытянутопрямоугольной формы. Размерами 2х0,55 м, глубиной 0,8 м. Погребенный лежал головой на СЗ, лицом на С. Руки вытянуты вдоль тела. Вещей нет.

Курган 6 (рис. 7, IV). Представлял собой хорошо задернованную кольцевую оградку. Диаметр (внешний) - 17,4, внутренний - 6-6,5 м. В юго-восточной части сооружения под кольцом, у его внутреннего края, выявлена округлая яма с выступом в юго-западной части. Диаметр - 0,9-0,95 м, глубиной - 0,2 м. Стенки вертикальные, дно ровное, горизонтальное. На дне ямы, в разных ее частях найдены: железная пряжка (у северной стенки), остатки колчана с железными и каменными наконечниками стрел (у западной стенки), большой железный наконечник, бронзовые накладки и скобки. В заполнении ямы обнаружены фрагменты керамики и два костяных наконечника, кусочки металла (железа) (рис. 7, IV, 1-11).

Курган 7 (рис. 8, 1). Насыпь овальной формы, размерами 17,5х9,8 м, вытянута по линии СВ-ЮЗ. При снятии насыпи мощностью 0,6 м, в погребенной почве было зафиксировано погребение, ориентированное по линии СВ-ЮЗ. Могильная яма 1,6х0,6 м прямоугольной формы с округлыми углами. На глубине 0,85 м от древней поверхности у юго-западной стенки расчищен костяк, поверх которого лежала плашка размером 0,3 м в длину и 3-4 см в ширину. Костяк лежал в вытянутом положении головой на СЗ, на спине. Голова повернута лицом на запад. Скелет лежит в анатомическом порядке, однако повреждена правая половина (отсутствуют кисти рук, лучевая кость, берцовая кость и стопа). Череп сильно раздавлен грунтом, по-видимому, был деформирован. Вокруг костяка фиксируется обожженное дерево. Вероятно, погребенный лежал в гробу. На глубине 0,85 м могильная яма имеет уступчики с трех сторон. Размеры по дну -1,15х0,32 м. Сопровождающего инвентаря нет.

Курган 8 (рис. 9). Имеет сложную насыпь диаметром 21 м, высотой 0,55 м в виде грунтовой ограды с диаметром кольца до 7 м и диаметром впадины -6 м. Мощность насыпи по краям вала достигает 0,5 м. Погребенная почва в центре не фиксируется. По краям насыпи валов фиксируется углубление рва.

Ров имеет сложную конфигурацию подквадратной формы. Ориентирован по линии СЗ-ЮВ. В юго-восточной части ров имеет плечевидные изгибы, между которыми проход в виде коридора длиной 2 м, шириной до 0,7 м. Могильная яма расположена в северо-восточной части погребальной площадки, очерченной рвом. Яма имеет прямоугольную форму, ориентированную по линии СЗ-ЮВ, со скругленными углами. Размерами 2,60х1,00 м, стенки вертикальные, слегка подбиты в юго-восточной части.

На дне могильной ямы были прослежены остатки деревянной конструкции в виде колоды. В колоде расчищено погребение женщины (?), лежащей вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом вправо. Руки вытянуты вдоль тела, ноги смещены. В юго-восточном углу ямы был установлен сосуд. Рядом с колодой, еще один сосуд (высокая ваза). Возле колен стоял бронзовый котел. Выше левого плеча расчищены железные пружинные ножницы. В области шеи - ожерелье из разнотипных бус и пяти золотых подвесок, украшенных зернью, с вставками из стекла. Справа, на ключице - лучковая фибула. Чуть выше левого локтя - бронзовое китайское зеркало. На запястьях рук - браслеты из стеклянных бус с внутренней позолотой. Чуть ниже левого колена стоял сосуд, развалившийся на две части. В ногах погребенной лежали деревянная чашечка, бронзовая пуговица, перстень и бусы (2 экз.). Ниже шеи, левее плеча - биконическое пряслице и железный предмет (рис. 9, 1-61).

Курган 10 (рис. 8, 5). Расположен к северо-востоку от кургана 8. Насыпь имеет форму плохо выраженного овала, вытянутого по линии СЗ-ЮВ. Размерами 10х9 м. При снятии насыпи мощностью 0,7 м, в центре кургана была зафиксирована могильная има прямоугольной формы со слегка скругленной восточной стороной. Размерами 1,28х0,5 м, глубиной 0,95 м от уровня материка. Костяк подростка лежал в вытянутом положении на спине

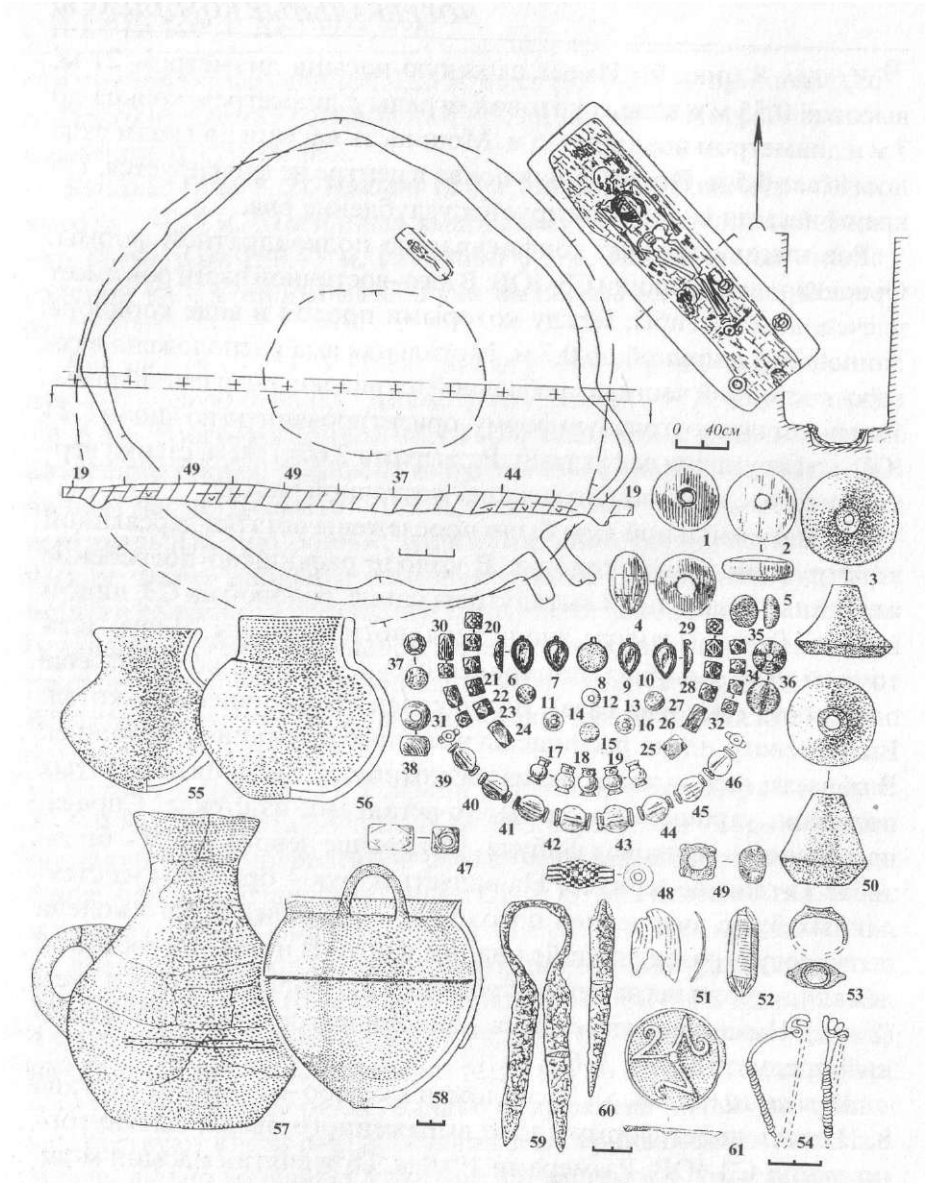


Рис. 9. Могильник Болынекараганский, курган 8

1, 2 4, 52 - камень; 3, 50, 55-57 - керамика; 6-10 - золото, стекло-
11-49 - стекло; 51 - ракушка; 50, 54, 58, 61 - бронза; 59, 60 - железо

головой на ССЗ. Голова лицом на ЮЗ. Скелет лежал в анатомическом порядке, но отсутствовали кисти рук и ступни ног. Череп погребенного сильно деформирован. В ногах покойного, в 10-15 см от юго-восточной стенки ямы стояли два небольших лепных горшка, (рис. 8, 6, 7) На глубине 105 см в северо-западной стенке сооружен подбой, уходящий вглубь на 0,14 м. Под черепом зафиксированы остати пастовой разноцветной бусины.

Курган 16 (рис. 7, **II).** Расположен в восточной части северной группы курганов. Представляет собой земляное сооружение подквадратной формы размерами 30х30 м, высотой 0,5 м. Сооружение окружено ровиком и сильно оплывшим валом.Ровик глубиной 0,3-0,5 м, шириной до 4 м, стенки пологие, плавно переходят в дно. Вал, разомкнут в восточной части шириной 3-8 м, окружает иодквадратиую площадку размерами 17-20 м. Остатков погребения нет.

Курган 17 (рис. 10). Насыпь округлой формы, диаметром до 12 м, высотой 0,4 м. По краю насыпи, на уровне материка, выявлен ров шириной до 2 м, глубиной 0,4 м. Ров оконтуривал площадку подпрямоугольной формы размерами 10х8х5 м, ориентированную С-Ю. По центру площадки на погребенной поверхности в углублении подпрямоугольной формы (1,1х0,7 м), ориентированном С-Ю, обнаружены обломки каменного жертвенника, фрагменты двух кувшинов, фрагменты глазуированной бутылочки и налепы от керамического котла, а также шесть бронзовых накладок (рис. 10, 1-13).

Курган 18 (рис. 11). Насыпь кургана диаметром 14 м, высотой 0,6 м (от уровня погребенной поверхности). В центре одна могильная яма, которая имеет сложную форму. Северная ее часть прямоугольная, южная - яйцевидная, размерами 2,5х0,87 м. На глубине 0,86 м в западной стенке' была зафиксирована ниша глубиной 0,3 м, шириной 0,4 м, высотой 0,4 м. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, череп лежит на затылке, руки вытянуты вдоль тела. В нише - два сосуда (кувшин и горшок). Между левой лопаткой и плечом - бронзовая игольчатая фибула великолепной сохранности. Слева от таза биконическое пряслице, в области запястья еще одно. Между

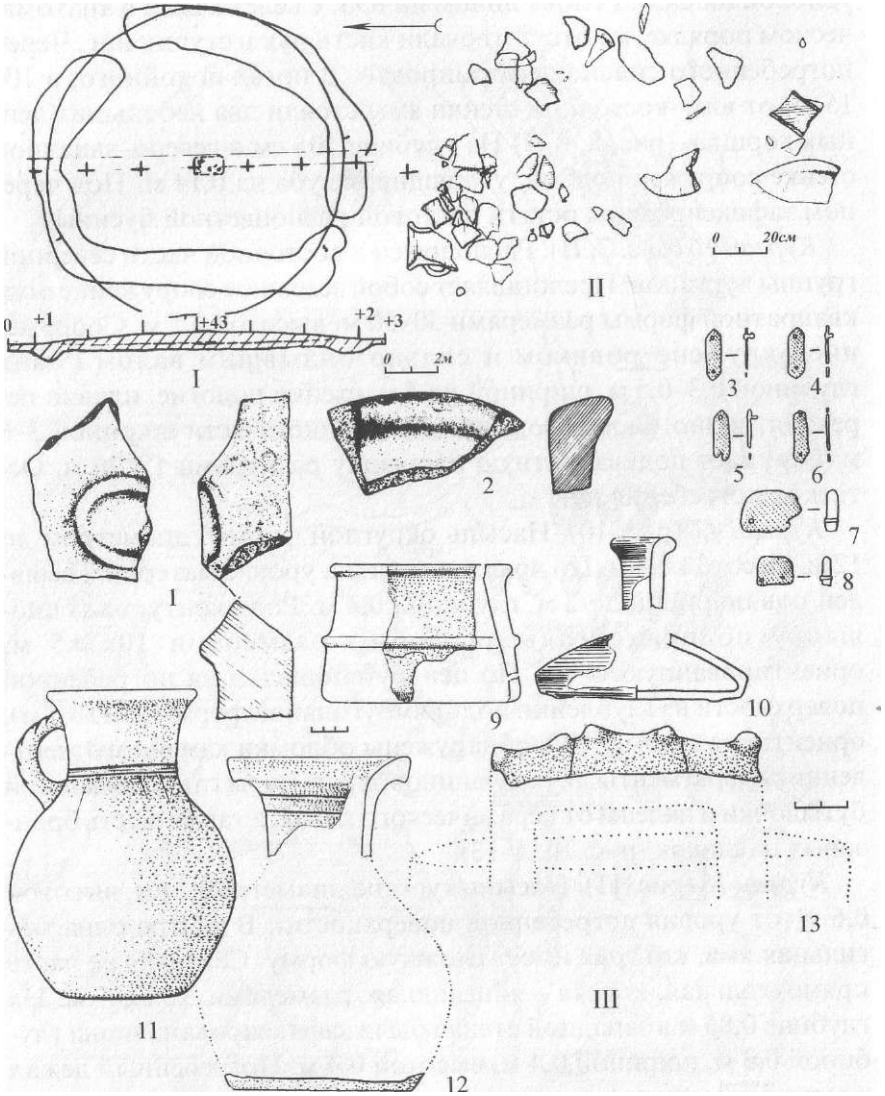


Рис. 10. Могильник Болынекараганский, курган 17.

I - общий план кургана; II - план расположения вещевого инвентаря; III - инвентарь. 1, 2 - камень, 3-8 - бронза; 9-13 - керамика

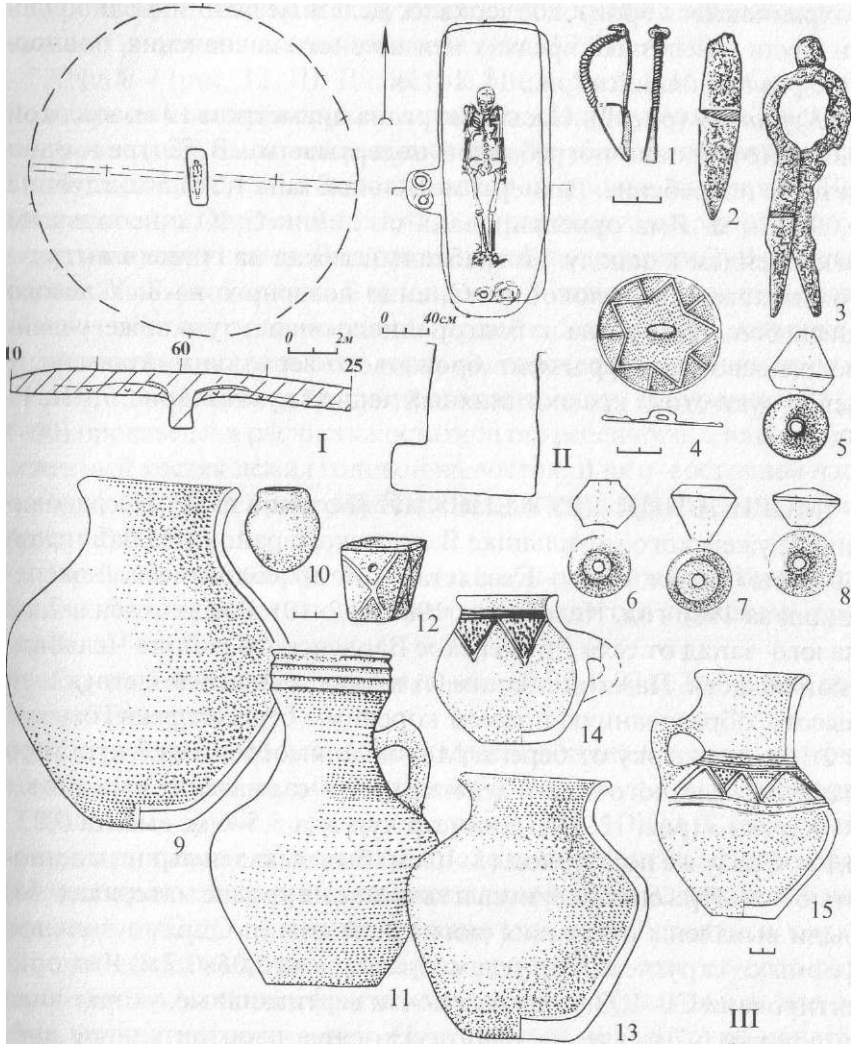


Рис. 11. Могильник Болынекараганский, курган 18.

I общий план кургана; II - общий план погребения; III - вещевой инвентарь. 1,4 — бронза; 2, 3 - железо; 5-15 — керамика

ногами - курильница и пудренница, ниже - кусок мела. У правой голени - небольшой сосуд в развале. На левой стопе - плохо сохранившееся бронзовое зеркало, железные ножницы. В области груди - железный предмет неизвестного назначения, полностью разложившийся (рис. 11, 1-15).

Курган 19 (рис. 7). Насыпь кургана диаметром 10 м, высотой 0,65 м (от уровня погребенной поверхности). В центре - одно детское погребение. Размеры могильной ямы 1,2х0,5 м, глубина 0,09-0,10 м. Яма ориентирована по линии С-Ю с небольшим отклонением к западу. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на С, лицо повернуто на З. У левого плеча большая бусина из благородного опала, чуть ниже, у шейного позвонка - фрагмент бронзового зеркальца-подвески, у левой руки стоял красноглиняный лепной кувшин (рис. 7, III, 1-3).

МОГИЛЬНИК ДРУЖЕНСКИЙ (Боталов С. Г. Исследование Друженского могильника Варненского района Челябинской области// Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции за 1986 год. Челябинск, 1987, с. 2-10). Расположен в 7 км на юго-запад от села Друженское Варненского района Челябинской области. Памятник занимает площадку на господствующей высоте, образованную правым коренным берегом рекиТогузак, в 2,5 км к востоку от берега. Могильник состоит из 3 курганов раннего железного века и десятка гунно-сарматских курганов.

Курган 3 (рис. 12, III). Диаметр кургана 5,5-6 м, высота 0,05-0,1 м. Сразу же под дерном (5-10 см) был выявлен выкид мощностью 3 см. При снятии гумуса и зачистке на уровне материка (-35) были выявлены очертания могильной ямы, подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,05х0,7 м. Яма ориентирована СВ-ЮЗ, стенки ее почти вертикальные, уходят вниз до уровня (-70), где округло переходят в горизонтальное дно. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СВ, нижняя челюсть отпала. Чуть выше левого плеча стоял сосуд. Под челюстью с правой стороны обнаружена стеклянная круглая вставка и обломки бронзовых предметов. Слева у шеи - две золотые спи-

ралевидные пронизи и бронзовая серьга. У грудных ребер обнаружено около 20 белых пастовых бусин. У левого локтя руки на уровне предплечья обнаружен золотой кулон с сердоликовой вставкой и сердоликовая подвеска (рис. 12, III, 4—10).

Курган 4 (рис. 12, II). Диаметр 6,5 м, высота 0,15 м. Сразу же под дерном были обнаружены примесь сажи и угольки. Здесь же на уровне (-27) была найдена пастовая голубая глазчатая бусина. Пятно могильной ямы было выявлено на уровне материка (-10). Очертания размерами 2,15х1,45 м подпрямоугольной формы со скругленными углами. Яма ориентирована по линии З-В. Стенки вертикально уходят вниз. В заполнении, у стенок чувствуется сильное воздействие огня, мощность прокала 5 см (внутрь материка). В заполнении встречаются угольки, головешки, кусочки прокаленной глины, сажа, кальцинированные кости. На уровне (-85) и (-90) произведена расчистка остатков погребенного. Сильно обожженный костяк лежал головой на восток. В юго-восточной части ямы, в 0,25 м от продольной стенки, найдены фрагменты сосуда (рис. 12, II, 3).

При дальнейшей расчистке были обнаружены очертания еще одного более раннего погребения, относящегося к сакскому времени.

Курган 5. Размеры 6,8х5,5 м, высота 0,05-0,07 м. Выявлено два погребения (рис. 12, I).

Погребение 1. Могильная яма расположена в северо-восточной части раскопа, имеет прямоугольную форму, размеры 2,25х0,55 м, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Стенки ямы отвесные, прямые. У западной продольной стенки зафиксировано несколько деревянных плашек длиной до 5 см, лежащих в направлении С-Ю. Здесь же фиксируется тлен бересты и коры. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север. Череп раздроблен, но по форме фрагментов можно предположить, что он был сильно деформирован. На запястьях правой руки обнаружены фрагменты бронзового браслета (рис. 12, 1).

Погребение 2. Имеет округлую форму с намечающимися углами по сторонам света. Размеры 0,68х0,64 м. В северо-восточ-

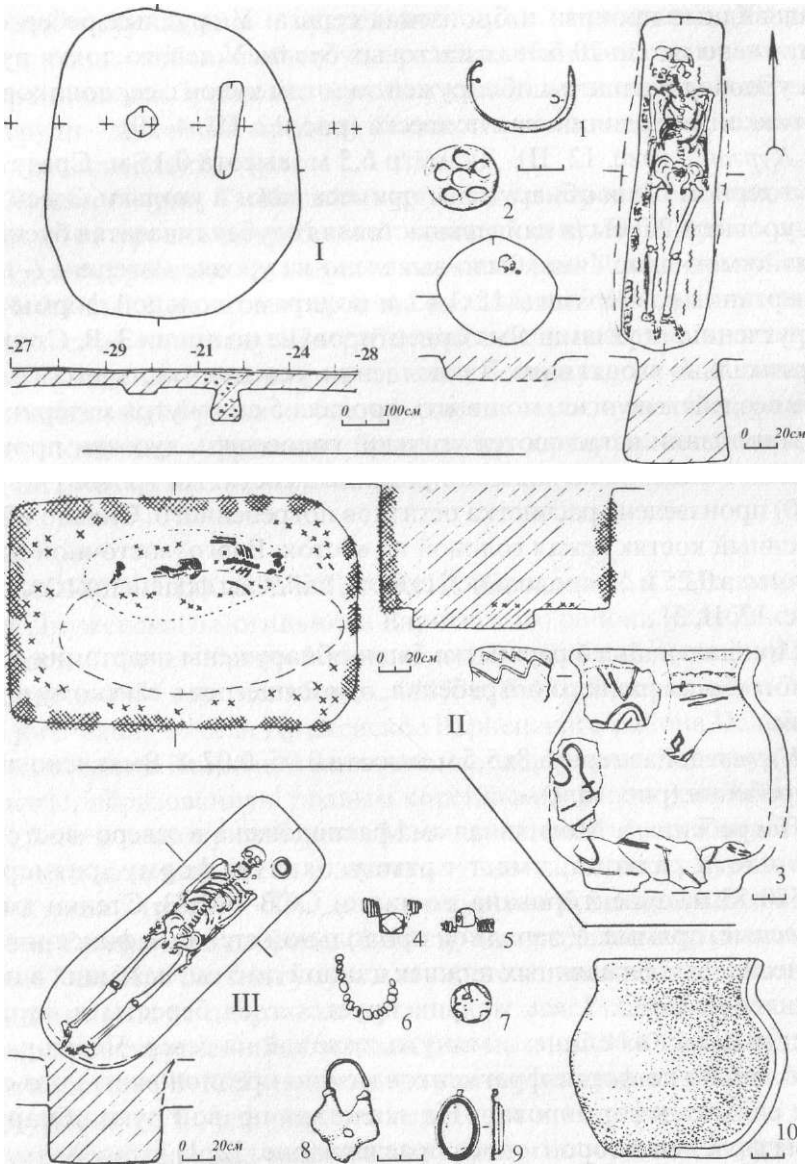


Рис. 12. Могильник Друженский.
I - курган 5; II - курган 4; III - курган 3.
1, 2, 8 - бронза; 3, 10 - керамика; 4, 5, 9 - золото, стекло; 6, 7 - стекло

ной части ямы найдена бронзовая колесиковидная подвеска, осколки детского черепа и кости (рис. 12, 2).

Сооружение (рис. 13). Прямоугольной формы, по линии С-Ю - 28 м, З-В - 21 м, высота 0,2-0,25 м. Обнесено валом, внешний диаметр которого 23,5 м (по линии С-Ю) и 19,5 м (по линии З-В). Внутренний - 13,5 и 11 м соответственно. В западной стороне этот вал размыкается, ширина прохода 5 м. Сооружение имеет овально-квадратную форму размерами 25х20,5 м, ориентировано по линии С-Ю. В засыпи встречены фрагменты красноглиняного сосуда, развал сосуда, бронзовый наконечник стрелы. На уровне материка была выявлена могильная яма прямоугольной формы со скругленными торцовыми сторонами, размерами 2,05х0,75 м. Яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Стенки вертикальные, прямые. В заполнении ямы встречены кости человека, обломки железных предметов, бронзовый поясной наконечник, фрагменты керамики. Костяк сохранился до пояса, лежал головой на ССВ (череп деформирован (?), лицом на восток. На лицевой стороне черепа прослежены остатки дерева. Справа от правого плеча лежали остатки конской сбруи. Ременная гарнитура - накладки, зажимы - вдоль западной продольной стенки (рис. 13, 1-19).

КРАСНОГОР. ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН (Материалы не опубликованы и хранятся в фондах Оренбургского краеведческого музея).

Инвентарь: два кувшина большого размера, металлический черпак, золотой медальон со вставкой из яшмы, украшенный зернью, ожерелье из стеклянных и каменных бус, бронзовое китайское зеркало, железный меч.

Курган исследован в 1936 году и датируется П-Ш вв. н.э.

МОГИЛЬНИК ЛИНЕВСКИЙ (Иванов В.А. Линевский могильник (рукопись). 1988 год. Выражаем глубокую признательность В.А. Иванову за предоставленные материалы).

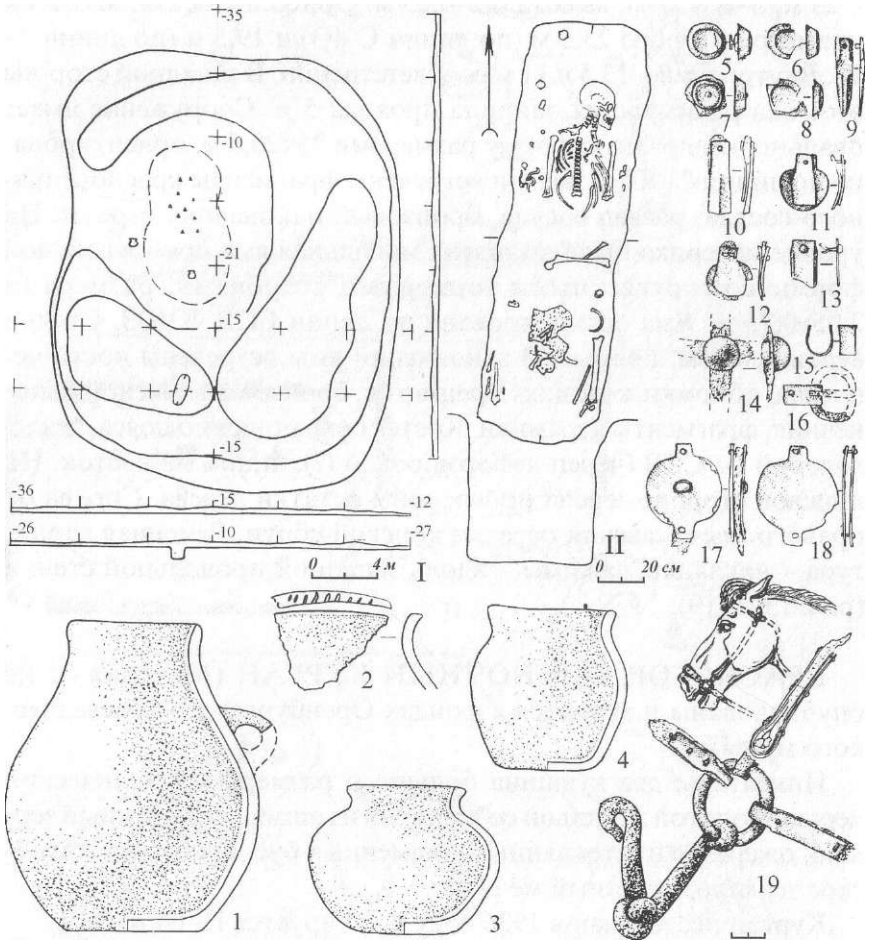


Рис. 13. Могильник Друженский, сооружение.

I — общий план; II — план погребения; III — вещевой материал.
1—4 — керамика; 5-16, 18 — бронза; 17 - бронза, камень; 19 - железо, бронза, кожа; 19 — реконструкция конской упряжи

Могильник расположен в 15 км к северо-западу от деревни Линевка Оренбургской области. Исследован отрядом Института истории языка и литературы БНЦ РАН.

Курган 10. Диаметр 10 м, высота 0,35 м, насыпь в южной части содержала камень. Могильная яма размерами 2,10х0,5х1,00 м. На дне лежал костяк вытянуто на спине, головой на север. Искусственно деформированный череп лежал на затылке. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте, ноги слегка сдвинуты в коленях. Погребение было перекрыто деревянными плахами, шириной 0,1-0,15 м. Плахи лежали по косой.

Инвентарь: железный нож - в области ключицы, бронзовая фибула - рядом с ножом. Фибула с пластинчатым приемником и коленчатоизогнутой спинкой в форме ромба.

Курган П. Диаметр 6 м, высота 0,18 м. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 1,90х0,6х0,55х0,90 м. Яма вплотную примыкала к восточной стороне бровки. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север. Череп повернут лицевой частью на В. Руки вытянуты и прижаты к телу, ноги слегка сведены в коленях.

Инвентарь: бусы - в области шеи; два биконических прясла, одно - орнаментировано. Бусы стеклянные (конические, биконические, трехчленные), агатовые цилиндрические и рубчатая из египетского фаянса и коралловая.

Курган 12. Диаметр 10 м, высота 0,35 м. Могильная яма прямоугольной формы, с округлыми углами, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ, расположена в северо-западном секторе, имела деревянное перекрытие вдоль длинной оси ямы. Его остатки зафиксированы на глубине 2,35 м. На отметке (-2,40) лежал костяк, на спине, вытянуто головой на ССВ. Левая рука вдоль тела, правая согнута в локте.

Инвентарь: бусы - двучленные, круглые, плоские, граненные, дисковидные, фигурные, цилиндрические с позолотой, пиритовые квадратные, каменные многогранные, агатовые; железный нож с горбатой спинкой, прямым лезвием и штырем, длина 13,6 см. Глиняный сосуд круглодонный с биконическим туловом, узким воронкообразным горлом со скошенным наружу венчиком.

Орнамент в виде каннелюра и трех зигзагообразных параллельных линий. Высота 11,5 см, диаметр тулова 13 см, диаметр горла 6,8 см. Глиняный кувшин с уплощенным дном, биконическим туловом, прямой высокой горловиной, по средней части проходят два канелюра. Высота 17 см, диаметр дна 8,5 см, диаметр максимального расширения 17,1 см. Бронзовое зеркало (разбито и деформировано), диаметром 15,3 см с выемкой по краю, где имеются отверстия. Мел в виде пирамиды высотой 8,4 см. Две деревянные, круглые чашечки - у ступней ног. Ножницы, биконические пряслица, конусовидное прясло, каменный оселок, нашивки из раковины, остатки кожаной сумки, брошь из бронзового височного кольца, глиняный круглодонный сосудик с почти шаровидным туловом, высокой воронкообразной горловиной и ровно срезанным венчиком.

МОГИЛЬНИК МАГНИТНЫЙ расположен у поселка Магнитный (Агаповский район, Челябинской области) на правом коренном берегу реки Гумбейка. Представлен 28 насыпями округлой, подпрямоугольной и гантелевидной конструкции (рис. 14,1)

Курган 3. Представлял собой земляной склеп подквадратной формы, расположенный в центре могильника. Насыпь задернованная, оплывших очертаний, имела в плане прямоугольную форму. Склеп ориентирован меридианально, со смещением к востоку на 14°. Его длина с севера на юг 26 м, ширина в перпендикулярном направлении 26 м. В центре объекта - понижение, в результате чего по периметру сооружения выделяется вал, отличающийся на местности более густой и яркой растительностью, причем юго-западный фас вала явно возвышался над остальной поверхностью.

Вал шириной до 5 м состоял из гумусированной супеси и бурой глины, укрепленной местами каменными плитками. В юго-западном углу сооружения зафиксирован квадратный склеп с шириной сторон около 3 м из глиняных сырцовых кирпичей. Склеп был выложен брикетами глины бурого цвета размерами 15х15х30 см в три-четыре слоя. Пространство между стенками заполнено комками бурой глины (остатки развалившейся стены),

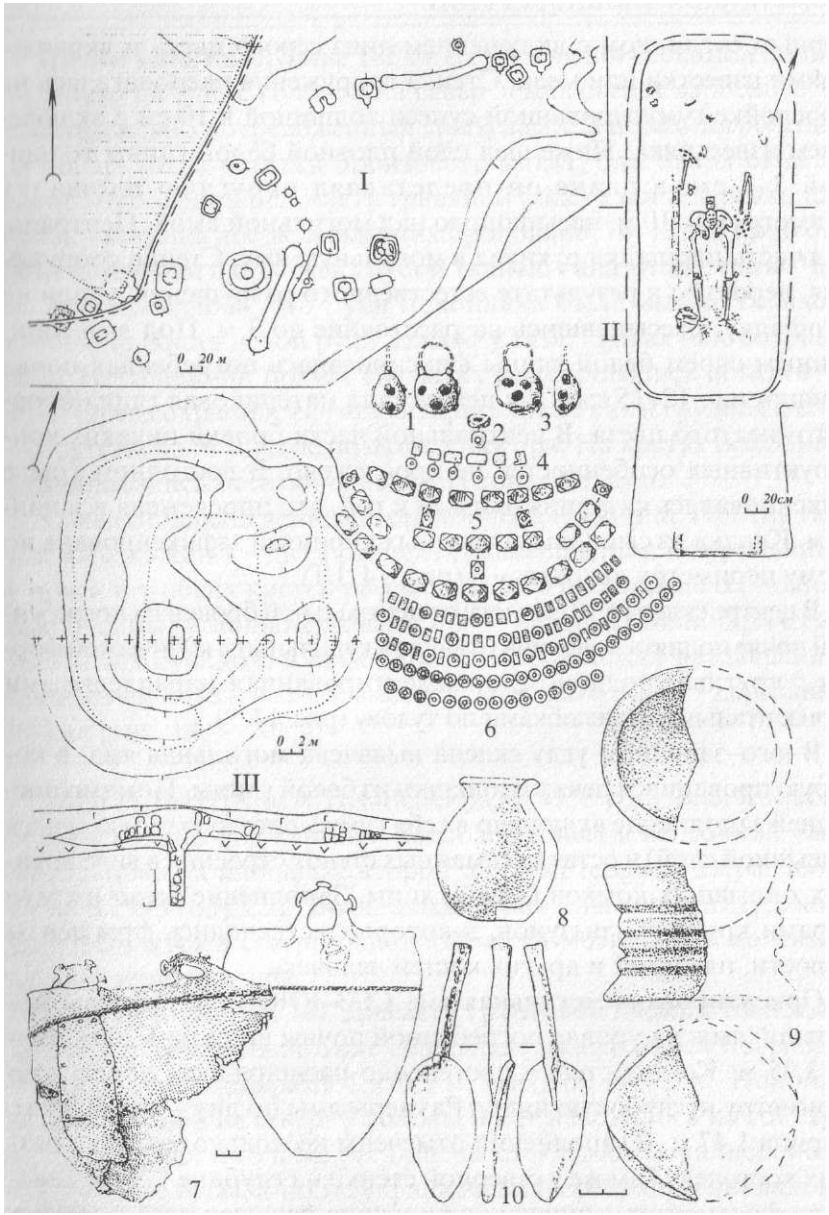


Рис. 14. Могильник Магнитный.

I план могильника; II — курган 3; III — курган 3, план погребения. 1,3 — золото, стекло; 2, 4 — стекло; 5 — сердолик; 6 - гагат; 7 — бронза; 8, 9 — керамика; 10 — дерево

черным суглинком с включением линз серого цвета и вкраплениями известки или мела. Стенка сооружения располагалась на прослойке гумусированной супеси толщиной в 10 см с включением известняка. Ниже шел слой плотной белой глины толщиной 5-7 см, в плане он представлял округлую площадку диаметром 9-10 м, насыпанную над могильной ямой. Центральная часть площадки рухнула в могильную яму. Стенки сооружения, вероятно в результате естественного разрушения, упали на площадку, рассыпавшись на расстояние до 3 м. Под вышеописанным слоем белой глины фиксировалась погребенная почва мощностью 12-15 см. Под ней лежала материковая глина буровато-желтого цвета. В центральной части бровки никаких конструктивных особенностей не прослежено. В восточном крыле фиксировалась ситуация близкая к той, что прослежена в западном. Кладка из сырцовых глиняных кирпичей зафиксирована по всему периметру «кургана» 3 (рис. 14, III).

В центре склепа в 10 см к югу от центральной бровки на погребенной почве поднята половина глиняной курильницы кубической формы с круглым поддоном, орнаментированная параллельными горизонтальными желобками по тулову (рис. 14, 9).

В юго-западном углу склепа выявлена могильная яма, в которую провалился центр площадки из белой глины. Помимо последней заполнение включало в себя гумус, плотную серую супесь (насыпной слой) и остатки саманных стенок строения в виде крупных оплывших комков бурой глины. Заполнение было изрыто норами крупных грызунов, в которых встречались фрагменты челюсти, плечевой и других костей человека.

Ориентирована могильная яма ССЗ-ЮЮВ (?). Размеры могильной ямы на уровне погребенной почвы ширина 1,25 м, длина 3,05 м. Ко дну стенки постепенно расширялись, образуя по периметру неглубокую нишу. Размеры ямы по дну - длина 3,2 м, ширина 1,47 м. В заполнении отмечены несколько мелких детских косточек. Там же у северной стенки на глубине 170 см лежали во фрагментах глиняная курильница грушевидной формы и золотая серьга (лунница) с вставками из цветной стеклянной пасты, а также бронзовая спиральная подвеска (рис. 14).

На дне ямы, на глубине 185 см от уровня погребенной почвы, вытянуто на спине головой на север лежал скелет взрослого человека, сильно потревоженный грызунами. В ногах погребенного обнаружены остатки бронзового котла, благодаря окислам которого сохранились часть травяной подстилки и деревянного гроба-ширина досок, лежавших продольно, 10-12 см. Гроб был обит войлоком и обложен грубой тканью типа мешковины. Четко фиксировалось, что руки покойника были вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки лежала у таза, правая - не сохранилась. Ноги лежали прямо. На ногах фиксировались остатки чулок. Череп сохранился фрагментарно, также как и грудная клетка отсутствовали многие позвонки и ребра. На костях покойника фиксировались остатки одежды из тонкой ткани.

Слева от черепа лежала вторая золотая лунница. Против таза, у левого запястья - два фрагмента вышеописанной курильницы, у пояса и у обеих кистей рассыпаны боченковидные сердоликовые бусины, у лодыжек обеих ног - низки из цилиндрических гагатовых бусинок, в ногах внутри гроба лежал раздавленный бронзовый котел, в котле вместе с остатками пищи - деревянная ложка (рис. 14, 1-10).

МОГИЛЬНИК МАЛКОВСКИЙ. В 1958 году В.С. Стоколосом раскопано два кургана, расположенных в восточной части могильника на площадке второй озерной террасы озера Чебаркуль. В 1993 году С. Г. Боталовым раскопаны курганы 1, 2, которые находятся в северо-западной части могильника на низкой первой террасе озера.

Курган 1 (рис. 15; 16). Диаметр грунтовой насыпи 10х8 м, высота 1,2 м. Погребение было совершено в катакомбе с погребальной камерой размерами 1,9х0,9 м, высотой до 0,5 м. Покойник лежал головой на север. У головы и ног находилось по сосуду. В области груди и головы расчищены стеклянные и халцедоновые 14-гранные бусы, а также украшения из серебряных накладок. У правого плеча - полусферическая бронзовая накладка. Слева у черепа - калачиковидная серебряная серьга. У левого бедра - две бронзовых пронизки. У задней стенки найдены остатки кон-

ской упряжи. В юго-восточном углу бронзовое зеркало, шарнирные ножницы (рис. 15, 1,2; 16, 1-23).

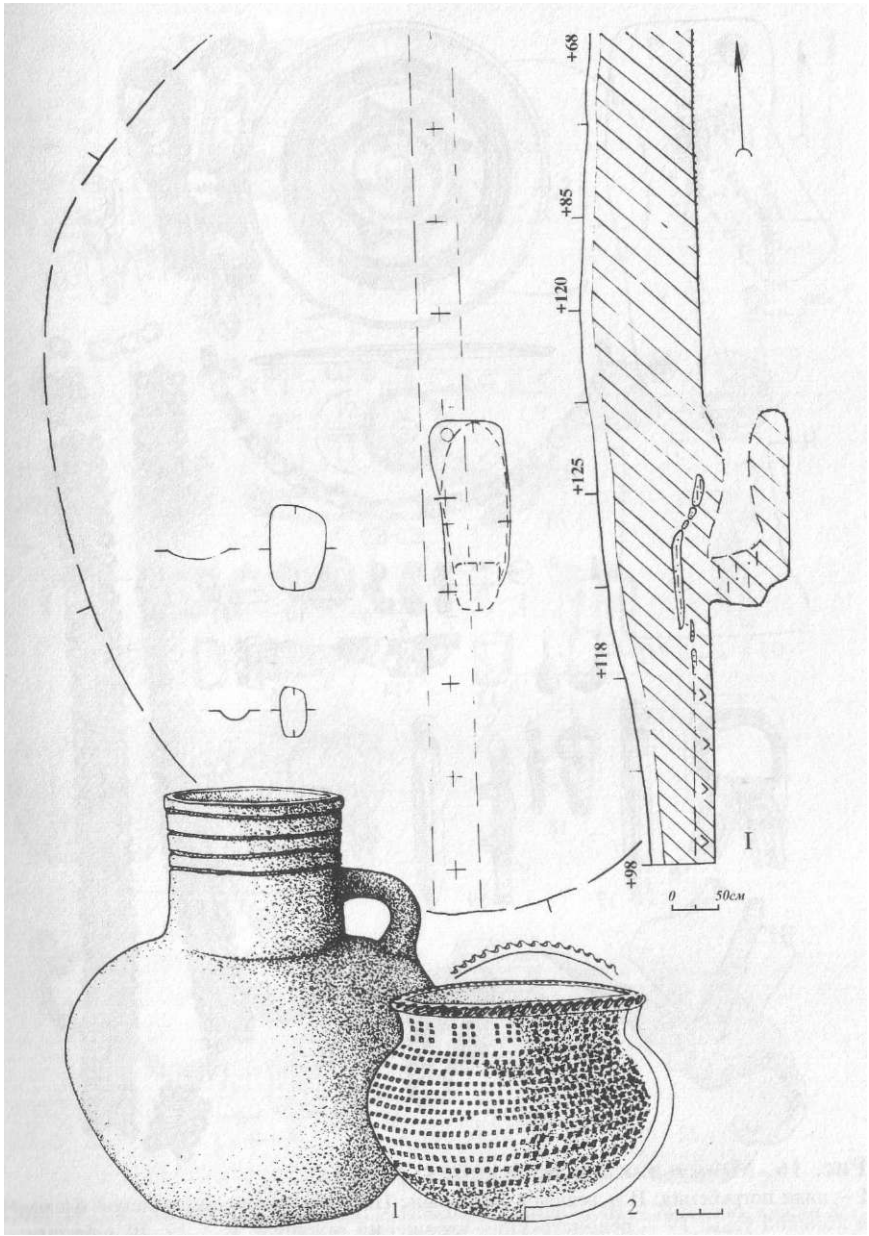
Курган 2 (рис. 3, II). Грунтовая насыпь размерами 4,8х1,6 м едва фиксировалась на поверхности. В северо-западной части насыпи расчищен камень. Яма размерами 2х0,5 м ориентирована по линии СВ-СЗ. Погребенный лежал головой на ССВ. У головы найдены обломки сосуда, у голени правой ноги два костяных наконечника стрел (рис. 3, II, 6-8).

Курган 8 (Стоколос В.С. Отчет археологической экспедиции Челябинского краеведческого музея в 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1980, с. 10-13). Центральная могила размерами 2,40х1,9 м, ориентирована по линии С-Ю, глубиной 1,70 м (рис. 17, III). Могила ограблена. Круглые камни, имевшие отношение к сооружению могилы, были разворочены и начали попадаться уже под дерновым слоем Многие из них оказались в могиле, на дне. От скелета уцелел деформированный череп в юго-восточном углу и некоторые кости у восточной и южной стенок.

Керамика представлена двумя сосудами. Один с отбитым горлом, высотой 22 см, диаметром тулова 22 см, плоским дном диаметром 6,3 см. По основанию горла - валик с косыми насечками. Цвет серый, со следами лощения. Второй - с узким горлом и раз^ дутым туловом. Имеется ручка с тремя валиками и насечками на них. Валик нанесен и на грани горла с туловом, по валику - косая насечка. Такие же насечки по краю горла. Из других вещей найден кусок железного кольца с остатками ткани и медная полусферическая бляшка с крючком. В насыпи кургана, с севера от могильной ямы - остатки конской сбруи в виде мелких блях, покрытых низкопробным серебром, и удила с медными кольцами (рис. 17, III, 23-26).

В курган впущено погребение поздних кочевников.

МОГИЛЬНИК НОВОНИКОЛЬСКИЙ I (Хабдуллина М.К. Исследования Новоникольского 1 могильника // Отчет северо-казахстанской археологической экспедиции в 1977 году. Челябинск, Петропавловск, 1978. Боталов С. Г. Отчет



1'ис. 15. Могильник Малковский, курган 1.

I общий план. 1, 2 - керамика

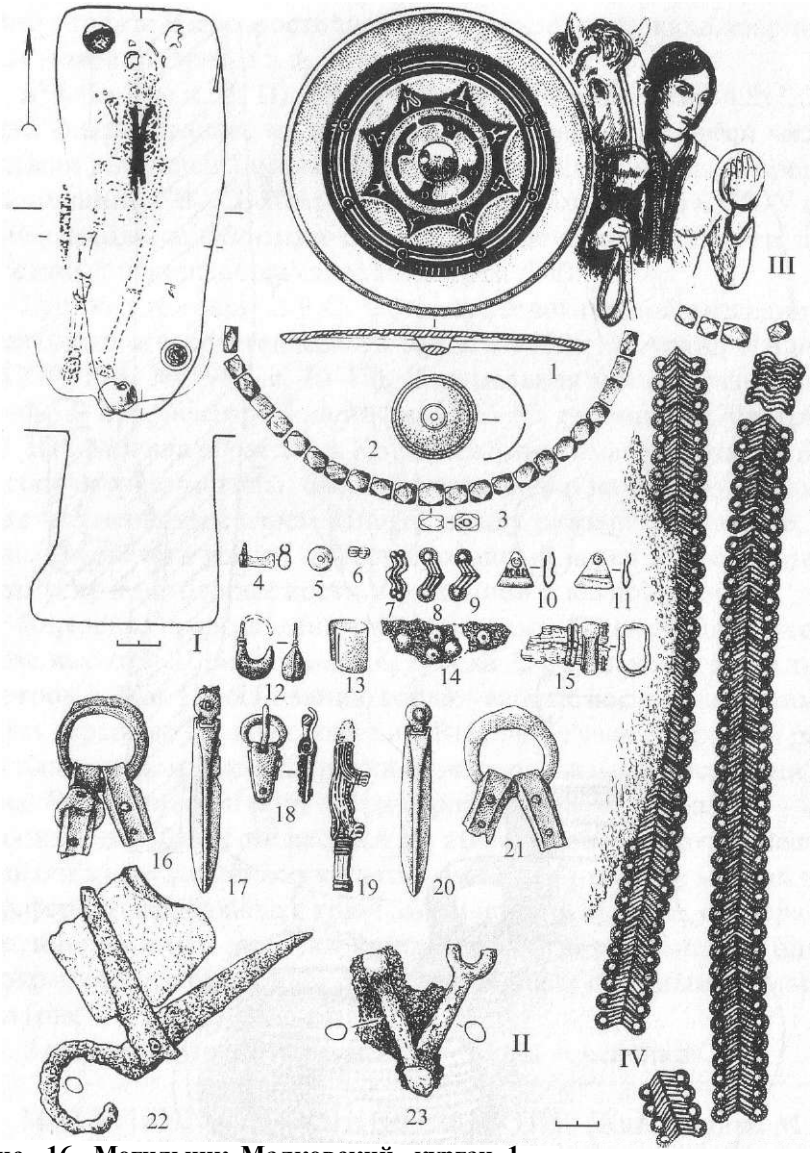


Рис. 16. Могильник Малковский, курган 1.

I - план погребения; II - вещевой инвентарь; III - реконструкция женской одежды и конской узды; IV - реконструкция украшений отворота. 1, 2, 19, 20 - бронза; 3, 5, 6 - стекло; 4 - стекло, серебро; 7-13 - серебро; 14 - серебро, кожа; 15 - бронза, дерево; 16-18, 21 - бронза, кожа; 22 - железо, камень; 23 - железо

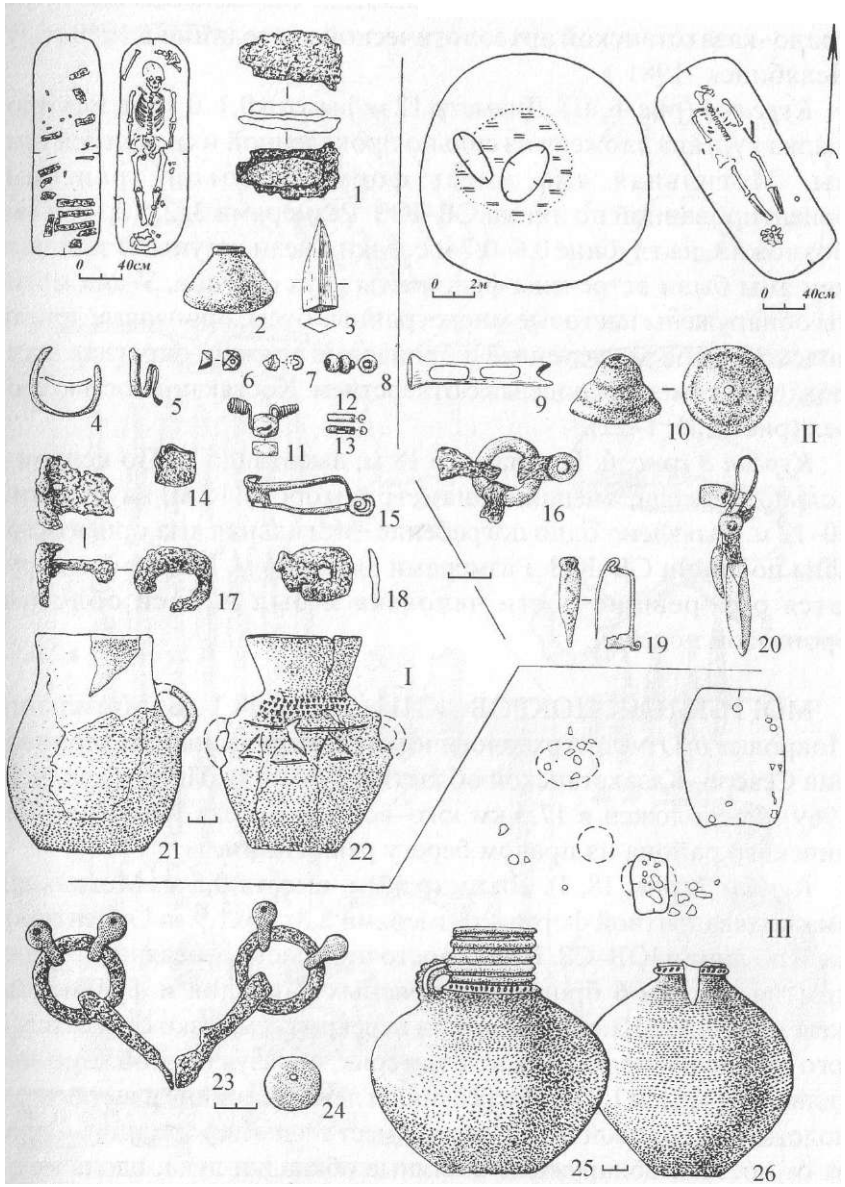


Рис. 17. I — Шатрово, курган 1; II — Агаповка, курган 4; III — Малково, курган 8. 1, 14, 17, 18 - железо; 2, 10, 21, 22, 24, 25, 26 - керамика; 3, 9 - кость; 4, 5, 12, 13, 15, 19 — бронза; 6-8 - стекло; 11- стекло, золото; 20 - бронза, кожа; 23 — железо, бронза

урало-казахстанской археологической экспедиции в 1980 году. Челябинск, 1981.)

Курган 4 (рис. 6, **II).** Диаметр 12 м, высота 0,1-0,15 м. Вся площадка кургана сложена из сильно прокаленной и спекшейся глины. Могильная яма имеет форму высокой трапеции, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Размерами 3х2,5(2,1)х1,7 м. Возможно, на глубине 0,6-0,7 м стенки имели уступы. В заполнении ямы были встречены фрагменты двух сосудов. У дна могилы обнаружены пастовые многогранные бусы, бронзовые детали поясного набора, железные и бронзовые пряжки, округлая шлифованная каменная поделка с отверстием. Костяк полностью сгорел (рис. 6, **II,** 1-12).

Курган 8 (рис. 6, I). Диаметр 18 м, высота 0,5 м. По центру - кольцо прокала, внешний диаметр которого 15 м, внутренний 10-12 м. Выявлено одно погребение. Могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размерами 3х2,6х1,6 м. На дне фиксируются обгоревшие кости человека и был найден обломок бронзовой поделки.

МОГИЛЬНИК ПОКРОВСКИЙ (Зданович Г. Б. Могильник Покровка // Отчет. Археологические исследования на территории Северо-Казахстанской области в 1968 году. Петропавловск, 1969). Расположен в 17,5 км юго-восточнее села Покровка Ленинского района на правом берегу реки Ишим.

Курган 2 (рис. 18, I). Диаметр 13 м, высота 0,5 м. Могильная яма подквадратной формы, размерами 2,8х1,6х1,9 м. Ориентирована по линии ЮВ-СЗ. В юго-восточной части деревянного перекрытия лежали 6 бронзовых поясных накладок и фрагменты железных удил. Ширина ямы под перекрытием резко ссужается, а юго-западная стенка уходит в материк, образуя подбой. Дно могильной ямы 2,2х1,2 м. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на СЗ, череп имеет следы деформации. Справа от костяка обнаружены костяные обкладки лука, вдоль юго-западной стенки подбоя лежал длинный двулезвийный меч. Недалеко от него, в юго-западном углу ямы, найден халцедоновый диск, рядом 19 костяных наконечников стрел. У ног - желез-

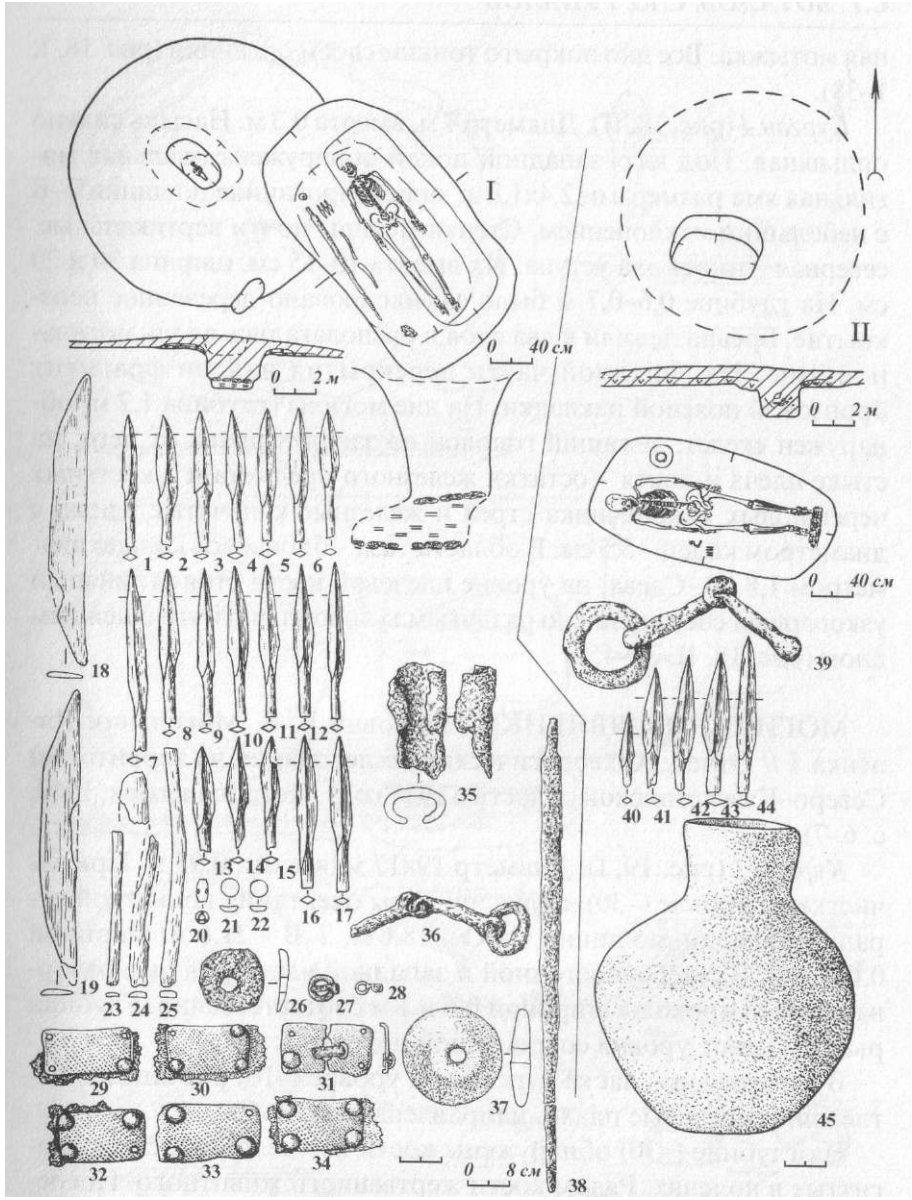


Рис. 18. Могильник Покровский.

1 - курган 2. Общий план и погребальный инвентарь; II - курган 4. Общий план и погребальный инвентарь. 1-25, 40-44 - кость; 26, 27, 35, 36, 38, 39 - железо; 29-34 - бронза, кожа; 37 - халцедон; 45 - керамика

ная мотыжка. Все дно покрыто тонким слоем органики (рис. 18,1, 1-38).

Курган 4 (рис. 18, II). Диаметр 7 м, высота 0,3 м. Насыпь сильно оплывшая. Под юго-западной полой обнаружена овальная могильная яма размерами 2,4x1,8 м, ориентированная по линии 3-В с небольшим отклонением. Стенки могилы почти вертикальные, северная - имеет два уступа. Их высота 10-15 см, ширина 30 и 20 см. На глубине 0,6-0,7 м было зафиксировано деревянное перекрытие. Бревна лежали в два слоя и располагались вдоль могильной ямы. На западной части перекрытия найден фрагмент бронзовой поясной накладки. На дне могилы (глубина 1,2 м) обнаружен скелет, лежащий головой на запад. Справа от него, на стыке плеча и локтя - остатки железного предмета и 5 костяных черешковых наконечника стрел и железные кольчатые удила, с диаметром колец - 5,5 см. В области таза - бронзовое кольцо диаметром 1,8 см. Слева, на уровне плечевой кости стоял глиняный узкогорлый сосуд с сильно раздутым туловом и чуть уплощенным дном (рис. 18, II, 39^5).

МОГИЛЬНИК ЯВЛЕНКА (Зданович Г. Б. Могильник Явленка 1 // Отчет. Археологические исследования на территории Северо-Казахстанской области в 1968 году. Петропавловск, 1969, с. 6-7).

Курган 1 (рис. 19,1). Диаметр 19x17 м, высота 0,95 м. При зачистке на уровне (-30) зафиксированы очертания кольцевой оградки-канавки, по линии С-Ю - 18,6 м, 3-В - 21,6 м, шириной 0,6-1,2 м. В северо-восточной и западной части ров был разорван и имел проходы шириной 0,6 и 1 м соответственно. Глубина рва 0,8-1 м от уровня современной поверхности.

В центральной части кургана на уровне (-10) расчищены истлевшие березовые плахи, направленные ЮВ-СЗ.

На глубине (-30) обнаружены кости ног человека, слегка согнутые в коленях. Рядом кости жертвенного животного. Погребенный, видимо, лежал на боку, головой на запад. Очертания могильной ямы нечеткие.

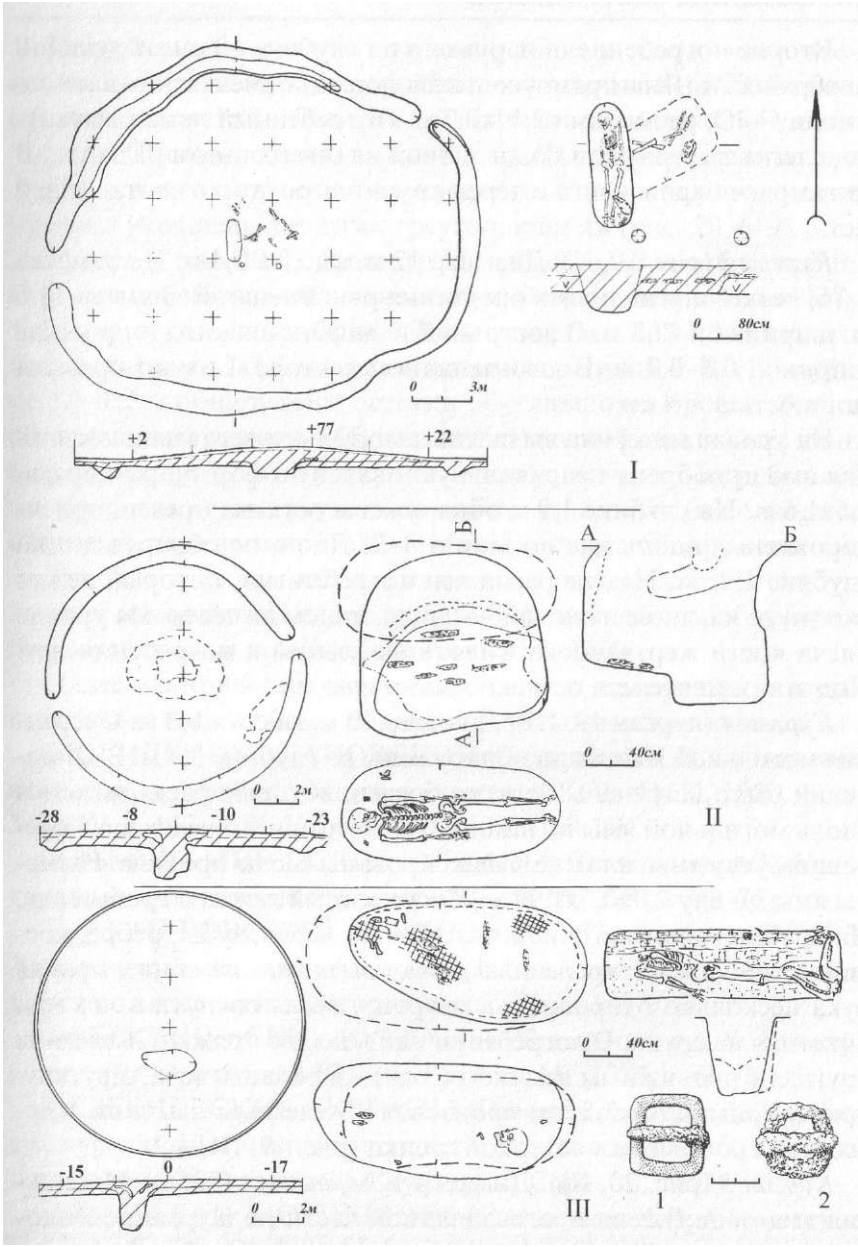


Рис. 19. Могильник Явленка.

I - курган 1; II - курган 2; III - курган 4. 1 - бронза, железо; 2 - железо

Второе погребение обнаружено на глубине 60 см от дневной поверхности. Яма прямоугольной формы, ориентированная по линии С-Ю, размерами 2,15х0,7 м. Погребенный лежал вытянуто, слегка повернут на бок, головой на север, лицом на запад. В ногах расчищены кости и череп крупного рогатого скота, вещей нет.

Курган 2 (рис. 19, II). Диаметр 12 м, высота 0,4 м. На отметке (-75) четко определились очертания рва. Внешний диаметр 11,5 м, ширина 0,6-0,8 м. В восточной и западной частях - проходы шириной 0,6-0,7 м. В юго-западном секторе - пятно прокала мощностью 3-4 см.

На уровне материка выявлены аморфные очертания, могильная яма приобрела неправильную овальную форму, размерами 1,5х1,6 м. На глубине 1,9 м обнаружены остатки бревен, ориентированных вдоль дна по линии 3-В. Дно ямы обнаружено на глубине 1,25 м. На дне расчищен погребенный, который лежал вытянуто на спине, головой на запад, лицом на север. На уровне плеча кости жертвенного животного, вещей в погребении нет. Под костями скелета остатки гробовища.

Курган 4 (курган 19, III). Диаметр 10 м, высота 0,3 м. Очертания могильной ямы были обнаружены на глубине 0,4 м. В заполнении были встречены остатки бревен, которые располагались вдоль могильной ямы по линии 3-В и череп человека в юго-восточном углу ямы, а также зафиксированы следы прокала. Размеры ямы по дну 2,0х0,6х1,90 м. Погребенный лежал в гробовище. На гробовище в восточной части ямы - череп, зубы, ребра, кости ног лошади. Погребенный лежал вытянуто на спине, правая рука несколько отброшена в сторону, левая согнута в локте и покоится на груди. В погребении найдено две пряжки. Железная круглая с подвижным язычком (3 см) - в области таза. Другая - прямоугольная (3х3,5 см) бронзовая с железным язычком - лежала на гробовище у северной стенки (рис. 19, III, 1,2).

Курган 5 (рис. 20, III). Диаметр 12 м, высота 0,25 м. Могильная яма обнаружена в юго-западной части подкурганной площадки. Яма овальной формы, размерами 1,3х1 м. В заполнении встречались остатки обожженного дерева.

Погребенный лежал вытянуто на спине, у северо-восточной стенки бревенчатой рамы, ориентирован головой на СЗ. В области шеи и запястий - бусы, на костях таза - обломок бронзового зеркала. Под погребенным - слой плах. За пределами рамы - два сосуда и кости жертвенного животного. Сосуды круглодонные, плечики украшены резными треугольниками (рис. 20, 6-9).

Курган 6 (рис. 20, Г). Диаметр 15 м, высота 0,3 м, в заполнении центральной части - спекшаяся глина. Очертания могильной ямы зафиксированы на глубине 0,7 м от современной поверхности. Яма размерами 2х1,1 м, ориентирована по линии 3-В. На глубине 1,3-1,2 м обнаружены остатки обугливших бревен. Все заполнение ямы до дна (-165) состоит из красной спекшейся глины и прослоек древесного угля. Яма имела уступчики. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Кости полностью обуглены, едва фиксировались. У левого плеча обнаружены кости животного, рядом поделка из камня; у тазовых костей - 4 обугленных наконечника стрел от 5 до 8 см длиной, перо в разрезе прямоугольное и ромбическое (рис. 20,1, 1- 4).

Далее мы приводим список памятников, материалы которых использовались в общей обработке статистических данных.

МОГИЛЬНИК АГАПОВСКИЙ (Сальников К.В. Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV, с. 117-119). Курган 4 (рис. 17, II, 9-20).

АЛЬМУХАМЕТОВСКИЕ КУРГАНЫ (Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 40-75).

II АХМЕРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК (Пшеничнюк А.Х. II Ахмеровский могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977).

III БЕКЕШЕВСКИЕ КУРГАНЫ (Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 68-70).

ДЕРБЕНЕВСКИЕ КУРГАНЫ (Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени// Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992).

ДЖАНАТАН МОГИЛЬНИК (Сальников К.В. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА, 1940. № 1. С. 127).

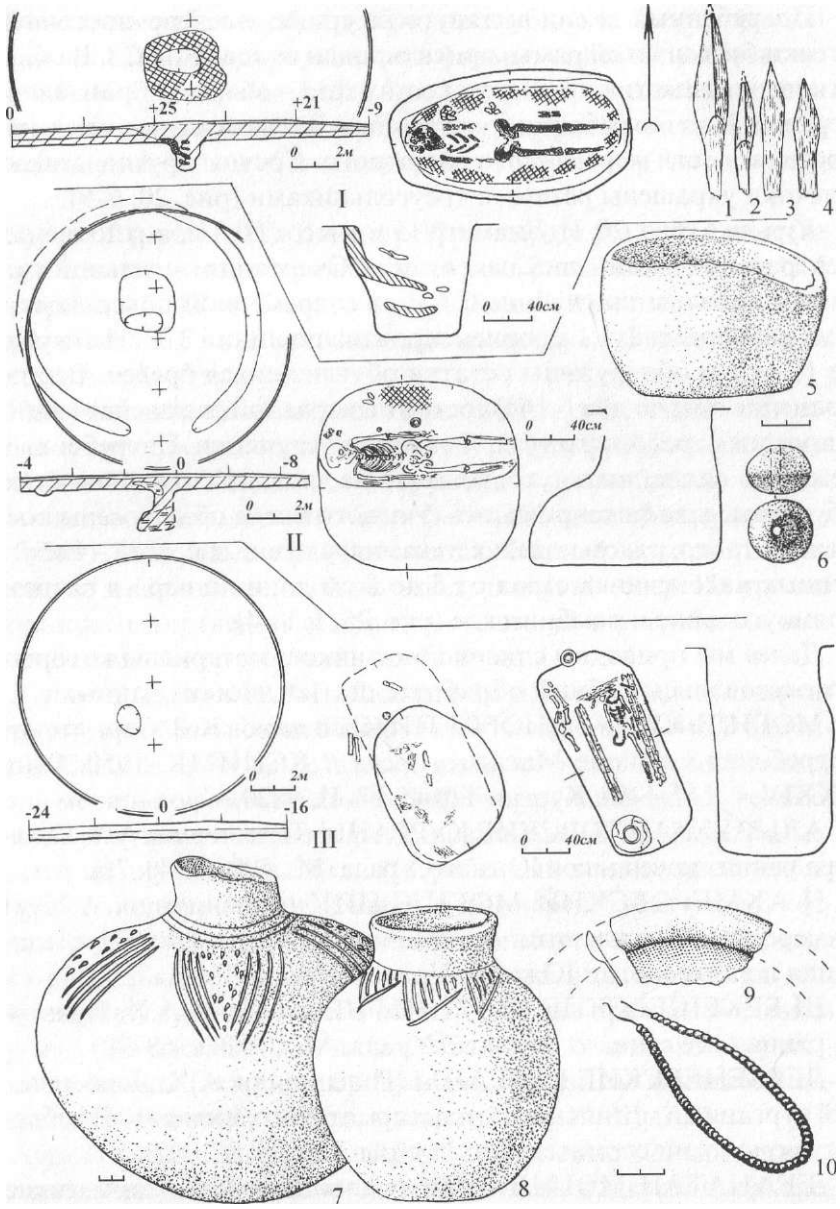


Рис. 20. Могильник Явленка.

I - курган 6; II - курган 3; III - курган 5. 1-4 - кость; 5-8 - керамика; 9, 10 - бронза

КАМЕННЫЙ АМБАР 5 (Костюков В.П. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар 5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1994).

КАРА-ТАЛ КУРГАНЫ (Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 70-71).

КОМСОМОЛЬСКИЙ IV. КУРГАННАЯ ГРУППА (Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 71-78).

КОМСОМОЛЬСКИЙ VI. КУРГАННАЯ ГРУППА (Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 75).

ПЕРШИНО. ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН (Сальников К.В. Сарматские погребения близ Магнитогорска // КСИИМК, 1950. Вып. XXXIV, с. 121).

II СИБАЙСКИЕ КУРГАНЫ (Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 52-56).

ТЕМЯСОВСКИЕ КУРГАНЫ (Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976, с. 132—149).

ШАТРОВО МОГИЛЬНИК (Терехова Л.М., Чемякин Ю.П. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов, 1983, с. 129-137). Курган 1 (рис. 17,1, 1-22).

2. Западная группа

МОГИЛЬНИК АТПА-1 (Гуцалов С. Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1986 года. Актюбинск, 1987). Расположен на водораздельном плато серповидной формы в 5 км на юго-восток от поселка Атпа и состоял из 27 земляных курганов (рис. 21,1).

Курган 1 (рис. 22, Г). Насыпь земляная, уплощенной формы, диаметр 8 м, высота 0,22 м. В 0,5-0,7 м северо-восточнее центра кургана в насыпи на глубине 0,2-0,3 м найдены кусочки обго-

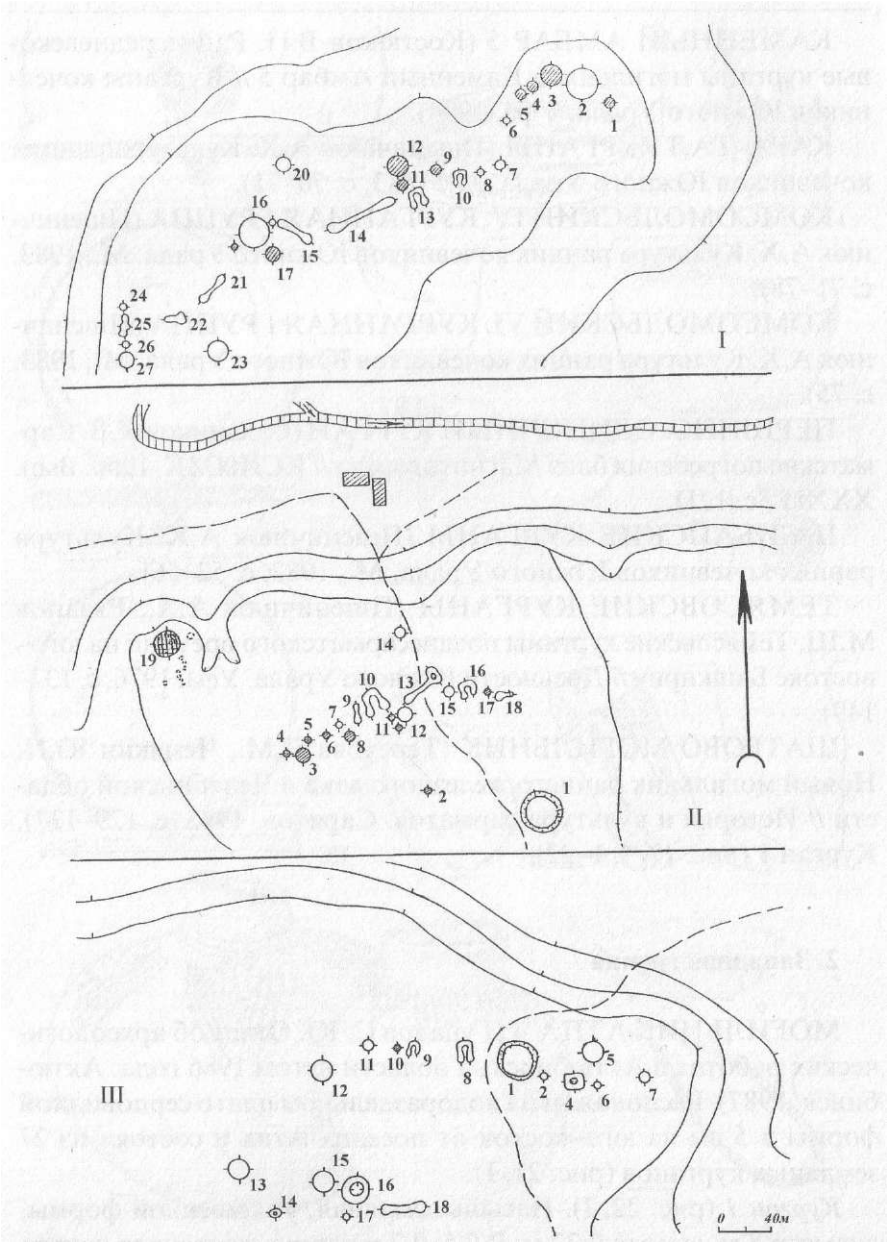


Рис. 21.

I — могильник Атпа I; II — могильник Атпа II; III — могильник Атпа III.

ревшего дерева. Могильная яма прямоугольная, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ с небольшим отклонением. Длина ее 2,1 м, ширина в южной части 0,4 м, в северной 0,5 м. В заполнении встречались комки извести, угольки и камешки со следами воздействия огня. На дне ямы, на глубине 2,2 м от уровня погребенной почвы, параллельно длинным стенкам могилы лежали прутья чилиги и тростника - остатки перекрытия, лежавшего, вероятно, над могилой.

Курган 3, погребение 1 (рис. 23, IV). Земляная насыпь диаметром 14,1 м, высотой 0,56 м. Основное погребение 2, совершенное в катакомбе, относится к VI в. до н.э. Вплотную к нему с запада примыкает впускное погребение 1, совершенное в яме подпрямоугольной формы (длина 2,1, ширина 1,1 м, углублена в материк на 1,2 м). Могила прорезала слой первичной насыпи, ориентирована длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ. На дне могилы в деревянном гробовигце (2х0,45-0,5 м) лежал скелет взрослого человека. Вытянуто на спине головой на ССВ, лицом на восток. Череп имел следы искусственной деформации. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти лежат у таза, ноги вытянуты. Инвентаря в яме не обнаружено.

Курган 4 (рис. 23, III). Уплощенная земляная насыпь имела диаметр 6,7 м, высоту 0,13 м. В западной поле насыпи встречен обломок лепного черноглиняного сосуда с примесью шамота в тесте, с прямым отогнутым наружу венчиком и двумя круглыми отверстиями по тулову. Погребение было совершено в широкой прямоугольной яме длиной 1,8 м и шириной 0,65 м, ориентированной по линии ССЗ-ЮЮВ. Стенки ее прямые, дно ровное. На дне могилы на глубине 1,5 м лежал скелет взрослого человека (женщины?), кости плохой сохранности, вытянуто на спине, головой на ССЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежат прямо. При погребенном был следующий инвентарь: плоскодонный красноглиняный сосуд биконической формы с отогнутым наружу венчиком и черной поливой по внешней стороне тулова, в тесте примесь крупного речного песка. Лепной плоскодонный сосуд грушевидной формы, неравномерного обжига, в тесте примесь шамота, высота 11 см стоял у северной стенки, сразу за че-

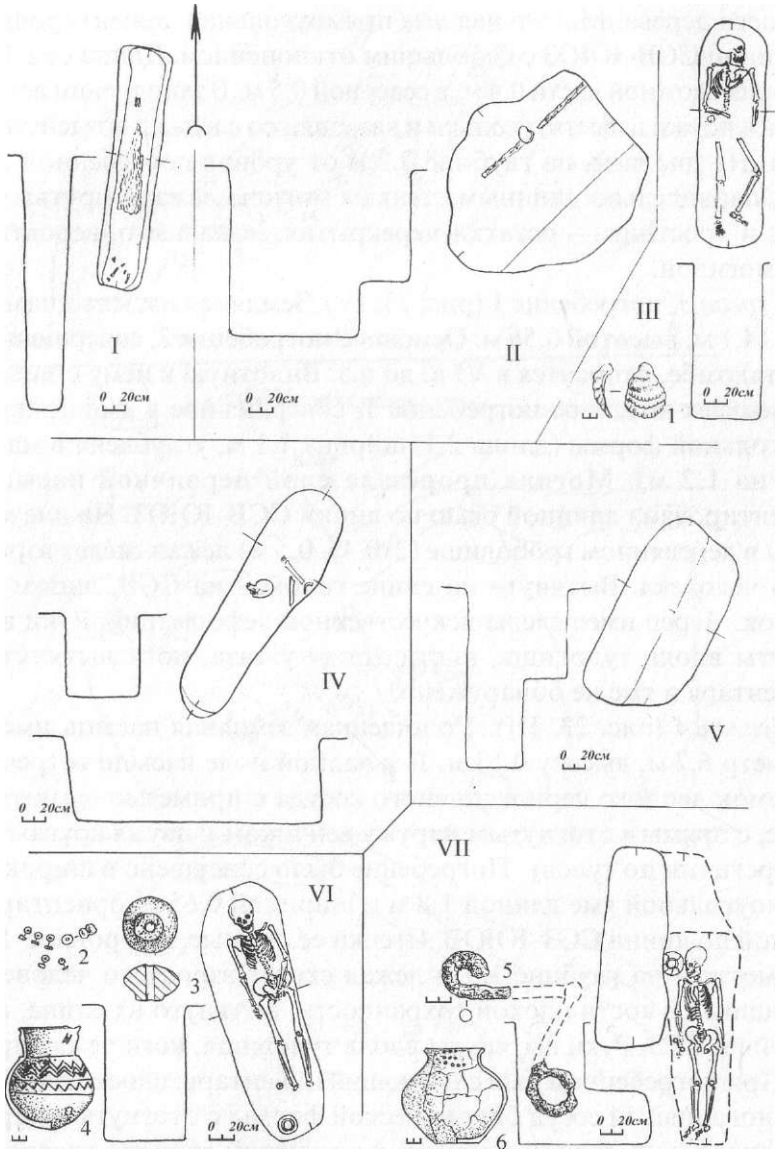


Рис. 22. I - Атпа I, курган 1; II — Целинный I, курган 56; III - Целинный I, курган 19. 1 - раковина; IV — Целинный I, курган 15; V - Целинный I, курган 42; VI — Восточно-Курайли, курган 4. 2 - стекло, 3, 4 -керамика; VII — Восточно-Курайли, курган 16. 5 - железо, 6 — керамика

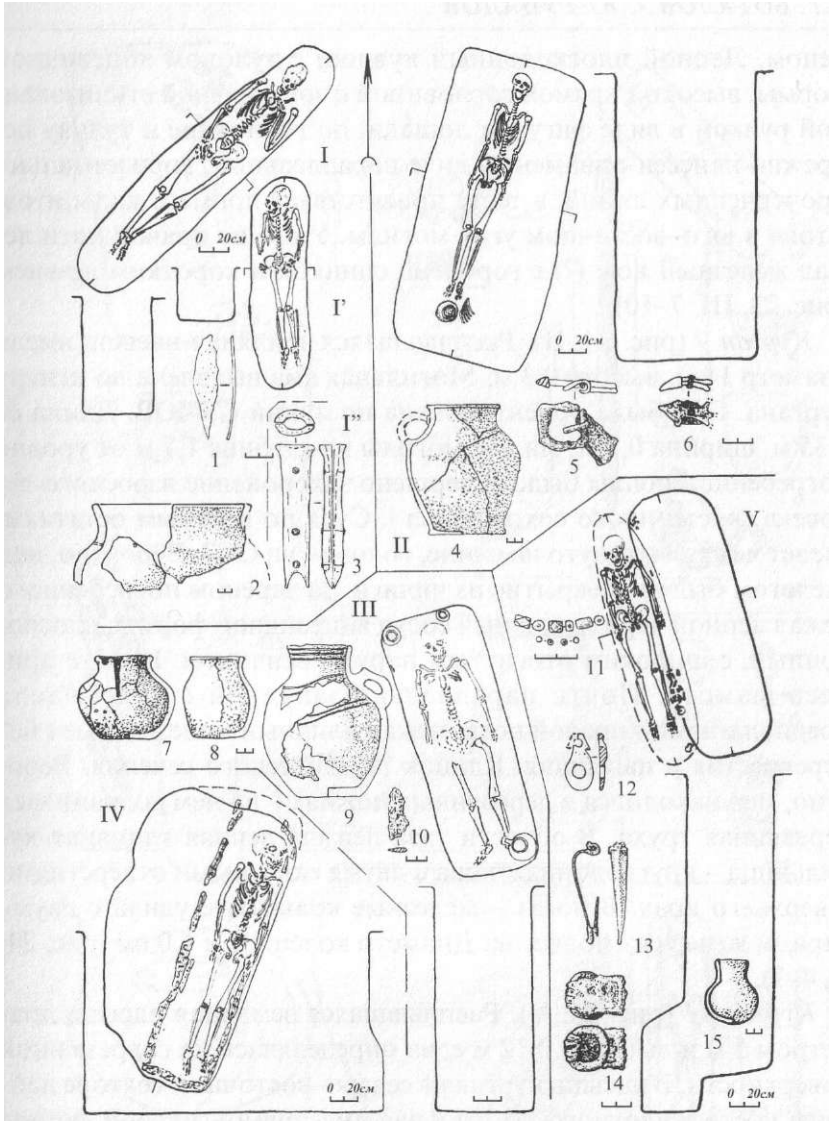


Рис. 23. I, 1 — могильник Георгиевский Бугор, погребение 19; Г — могильник Георгиевский Бугор, погребение 3; I", 3 — могильник Георгиевский Бугор, разрушенное погребение; II, 4—5 — могильник Жанатабаз, курган 3; III, 7—10 - могильник Атпа 1. курган 4; IV, 7—10 — могильник Атпа I, курган 3, погребение 2; V, 11—15 — могильник Жаман—Каргала I, курган 8.

1, 12 — кость; 2, 4, 7—9, 15 — керамика; 3 — кость, железо; 5, 6, 14 — железо, кожа; 10 — железо; 11 — стекло; 13 - бронза

репом. Лепной плоскодонный кувшин с туловом яйцевидной формы, высокой прямой горловиной и зооморфной стилизованной ручкой в виде фигурки лошади, по горловине и тулову небрежно нанесен орнамент в виде параллельных, горизонтально прочерченных линий, в тесте присутствует примесь кальцитов. Стоял в юго-восточном углу могилы. У стопы правой ноги лежал железный нож (?) с горбатой спинкой и коротким лезвием (рис. 23, III, 7-10).

Курган 9 (рис. 24, II). Расплывшаяся земляная насыпь имела диаметр 11 м, высоту 0,3 м. Могильная яма выявлена по центру кургана. Она была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Длина ее 2,35 м, ширина 0,7 м. На дне могилы на глубине 1,7 м от уровня погребенной почвы было совершено захоронение взрослого человека (кости плохо сохранились). Судя по костным остаткам, скелет лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Вероятно, над скелетом было перекрытие из чилиги. За черепом погребенного лежал лепной черноглиняный сосуд яйцевидной формы, плоскодонный, с широким отогнутым наружу венчиком. В тесте примесь шамота. Почти параллельно западной стенке, вдоль предполагаемой правой ноги, лежал длинный железный меч без перекрестия и навершия. Клинок ромбического сечения. Вероятно, меч находился в деревянных ножнах - на нем сохранилась деревянная труха. В области таза лежала лепная глиняная курильница - круглодонная чаша с двумя сквозными отверстиями у верхнего края. В ногах - железные кольчатые удила с двумя парами железных подвесок. Диаметр колец 4,1 и 5,0 см (рис. 24, II, 4-7).

Курган 11 (рис. 24, V). Расплывшаяся земляная насыпь диаметром 5 м и высотой 0,12 м едва определялась на современной поверхности. В насыпи кургана в северо-восточном секторе найдены кости животного. Могильная яма прямоугольной формы (1,8х0,8 м) ориентирована по линии С-Ю. Стенки прямые, но в северной половине вдоль западной стенки - слабый подбой высотой 55 см. Длина его 75 см, ширина 35-70 см. На дне могилы на глубине 1,1 м от уровня погребенной почвы лежали остатки человеческого скелета. Верхняя часть его не сохранилась, но по

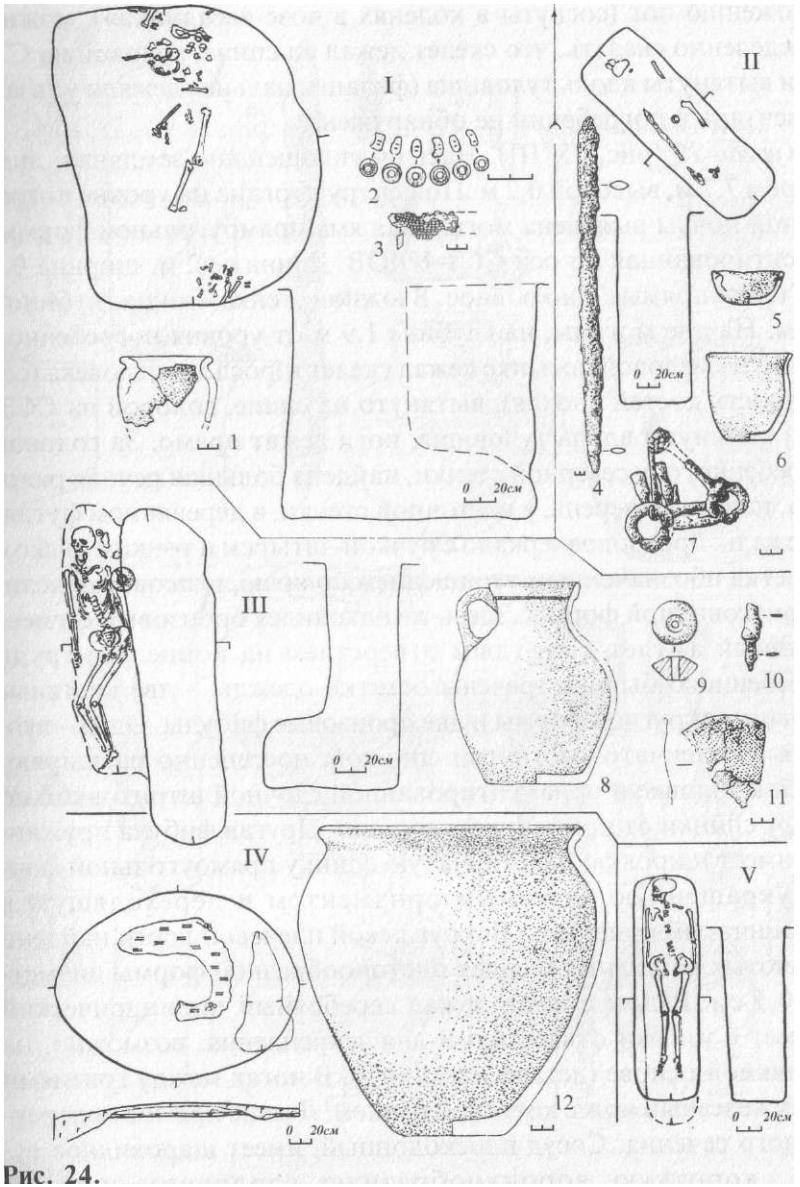


Рис. 24.

1_з _ Сарытау I, курган 9; II, 4-7 - Атпа I, курган 9; III - Сарытау I, курган 8; [V, 12 - Сарытау, курган 10; V - Атпа I, курган 11. 1, 5, 6, 8, 9, 12 - керамика; 2 - стекло; 3 - железо, ткань; 4, 7, 10 - железо; 11 - бронза

положению ног (согнуты в коленях в позе «всадника»), можно определенно сказать, что скелет лежал на спине, головой на СЗ, руки вытянуты вдоль туловища (фаланги пальцев лежали у таза). Инвентарь в погребении не обнаружен.

Курган 19 (рис. 25, **III).** Насыпь уплощенная, земляная, диаметром 7,7 м, высотой 0,2 м. По центру кургана на уровне погребенной почвы выявлена могильная яма прямоугольной формы, ориентированная по оси ССЗ-ЮЮВ. Длина ее 2 м, ширина 0,5 м. Стенки прямые, дно ровное. В южной стенке - ниша глубиной 25 см. На дне могилы, на глубине 1,9 м от уровня погребенной почвы, на меловой посыпке лежал скелет взрослого человека (сохранность костей плохая), вытянуто на спине, головой на ССЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежат прямо. За головой погребенного, у северной стенки, найдена большая речная раковина, напротив черепа, у восточной стенки, в деревянном футляре лежали: бронзовое зеркало с ручкой-штырем и тонким диском со слегка обозначенным утолщением по краю, гипсовое пряслице конусовидной формы. Здесь же находился бронзовый сегментовидный амулет с круглым отверстием на конце. На груди погребенного были встречены остатки одежды - две костяные пуговицы округлой формы и две бронзовые фибулы. Одна - лучковая с коленчато-изогнутой спинкой, постепенно расширяющейся к головке и орнаментированной елочной штриховкой по центру спинки от приемника к головке. Другая фибула пружинная, имеет широкую пластинчатую спинку прямоугольной формы, украшенную точечным орнаментом и переходящую в пластинчатый приемник. Вокруг левой плечевой кости найдено 13 золотых нашивных бляшек пистонообразной формы диаметром 0,5 см. Рядом с ними лежал серебряный цилиндрический предмет с узкими отверстиями для закрепления, возможно, на деревянной основе (детали нагайки ?). В ногах между голенями лежал железный нож с костяной ручкой. Лезвие прямое подтреугольного сечения. Сосуд плоскодонный, имеет шаровидное тулово, короткую воронкообразную горловину, плохой сохранности (рис. 25, **III,** 13-24).

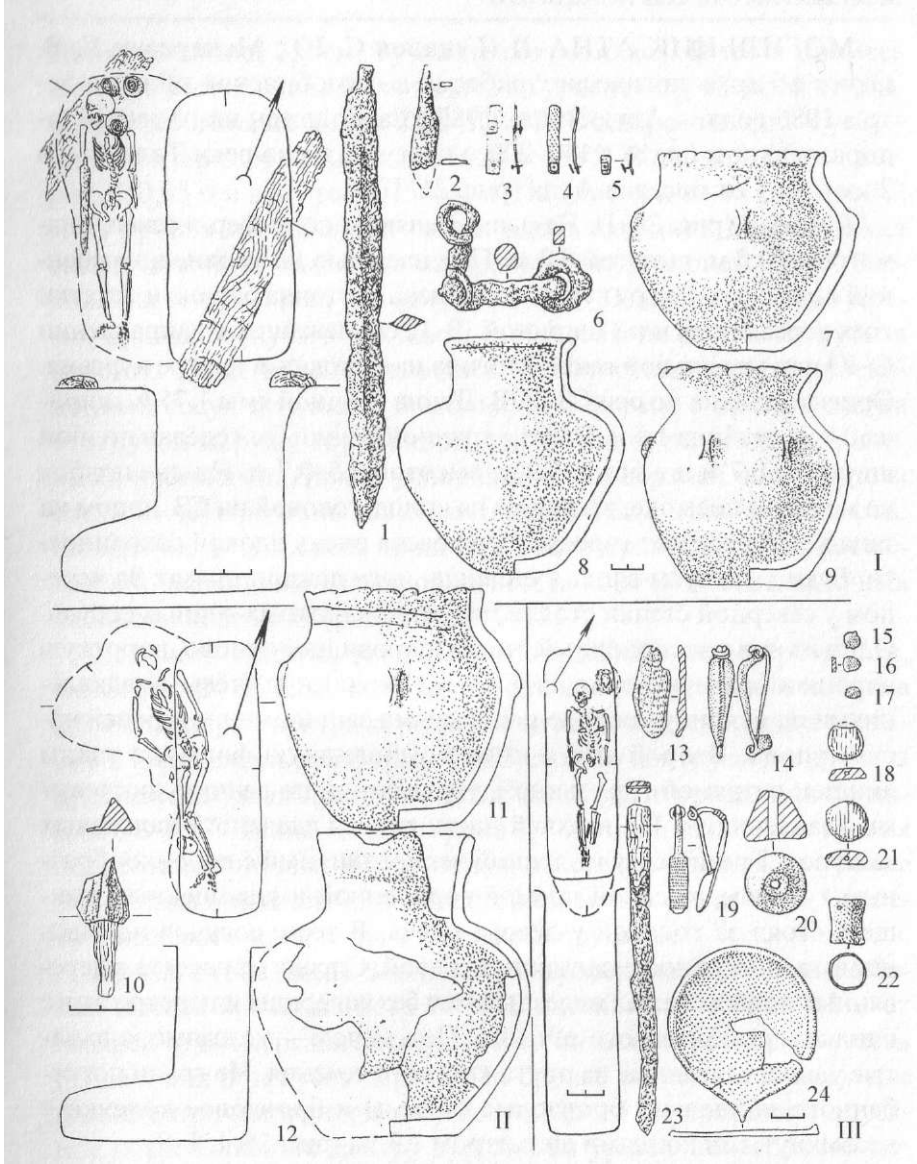


Рис. 25.

I - могильник Атпа II, курган 3; II — могильник Атпа II, курган 4; III — могильник Атпа I, курган 19. 1, 2, 6, 10, 23 - железо; 3—5, 14-17, 19, 24 - бронза; 7—9, 11, 12 — керамика; 13 — раковина; 18, 19, 21 — кость; 20 — гипс

МОГИЛЬНИК АТПА-Н (Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В. Отчет об археологических работах в Актюбинском области летом 1986 года. - Актюбинск, 1987). Расположен на плоском водораздельном плато в 140-200 м к югу от русла реки Талдык и в 2 км к югу от поселка Атпа (рис. 21, II).

Курган 3 (рис. 25, I). Насыпь земляная, полусферическая, диаметром 10,5 м, высотой 0,3 м. Под насыпью на уровне погребенной почвы, по центру кургана, найдена косточка барана и остатки трех деревянных плах шириной 10-12 см, лежащих в направлении С-Ю над могильной ямой. Могила находилась в центре кургана. Ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Длина входной ямы 1,75 м, ширина 0,8 м, глубина 1,5 м. Вдоль западной стенки был сделан подбой шириной 0,7 м и длиной 1,9 м, высотой 0,5-0,7 м. На дне подбоя на меловой посыпке, вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на запад, лежал скелет взрослого человека очень плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежали прямо. За черепом у северной стенки стояли два черноглиняных лепных сосуда. Один из них плоскодонный, имеет шаровидное тулово, короткую воронкообразную горловину. Сосуд украшен ногтевыми вдавлениями по венчику, шестью пальцевыми защипами по верхней части тулова. Второй сосуд имел бомбовидную форму, с узким днищем и прямой горловиной, украшенной по венчику ногтевыми вдавлениями. По верхней части тулова сделано 5 пальцевых защипов. Третий сосуд-лепной черноглиняный с воронкообразным туловом, высокой прямой горловиной и уплощенным днищем, стоял за головой у левого плеча. В тесте сосудов примесь шамота, поверхность заглажена травой. Справа от скелета в деревянных ножнах лежал железный меч без навершия и перекрестия с клинком ромбического сечения. Под мечом - железные кольчатые удила, сделанные из прута круглого сечения. На груди погребенного найдены 3 бронзовые обоймы и бронзовое колечко с несомкнутыми концами диаметром 1,3 см (рис. 25,1, 1-9).

Курган 4 (рис. 25, II). Насыпь земляная, уплощенная, диаметром 10 м и высотой 18 см. В северо-западной части насыпи обнаружен развал лепного, сероглиняного, плоскодонного кувшина с бомбовидным туловом и высоким воронкообразным горлом.

Диаметр днища 7,8 см. Ручка не сохранилась. В тесте примесь шамота. Могильная яма выявлена на уровне погребенной почвы. Ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. В северо-западном углу - ниша подпрямоугольной формы по оси 3-В длиной 1,05 м, шириной 0,85 м и высотой 0,25-0,4 м. На дне могилы на глубине 1,2 м от уровня погребенной почвы вдоль западной стенки лежал скелет мужчины, вытянуто на правом боку, головой на СЗ. Верхняя часть туловища находится в нише. Левая рука лежит прямо, правая согнута в локтевом суставе. Ноги слегка согнуты в коленях. Ниже колен, у западной стенки стоял лепной плоскодонный сосуд с туловом бомбовидной формы с прямой слегка отогнутой наружу горловиной, украшенной по венчику ногтевыми насечками. Днище уплощенное. По верхней части тулова сделано четыре пальцевых защипа. В тесте примесь шамота. Поверхность заглажена травой. У кисти правой руки лежал железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы, очень сильно окисленный (рис. 25, II, 10-12).

Курган 5. Насыпь земляная, уплощенная, диаметром 11 м, высотой 0,24 м. Под насыпью по уровню погребенной почвы в 2,6 м к западу от центра кургана было встречено скопление угольков в плане овальной формы (4х25 см). По центру кургана была прослежена узкая прямоугольная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Длина 1,1м, ширина 0,3 м, глубина 0,8 м от уровня погребенной почвы. В юго-западной стенке могилы на уровне дна - ниша шириной 0,3 м и длиной 0,4 м. Высота ее 0,4 м. Скелета и вещевого инвентаря в яме не обнаружено.

Курган 6 (рис. 26,1). Земляной, полусферической в плане формы, высота 0,4 м, диаметр 10 м. В насыпи на глубине 0,3 м от высшей точки кургана в северо-восточном секторе найдены часть ребра лошади и кусок дерева. По бровке четко прослежено две насыпи, причем первичную высотой 25-35 см прорезало впускное погребение. По центру кургана на уровне погребенной почвы было выявлено могильное пятно. Первичная яма овальной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, вдоль стенок которой сохранились остатки трех деревянных колов. Стенки прямые, дно ровное. Глубина 65 см, предполагаемые длина 1,9 м и ширина

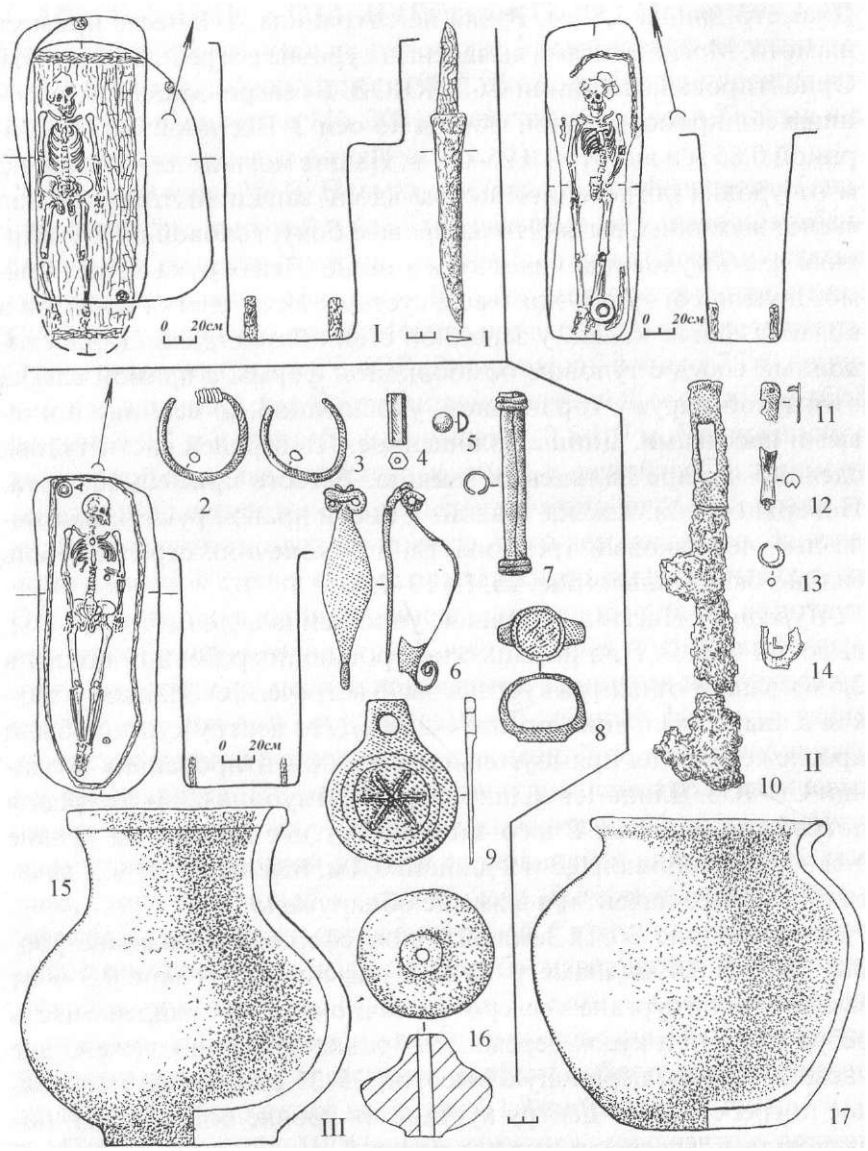


Рис. 26.

I - могильник Атпа II, курган 6; II - могильник Восточно-Курайлинский, курган 4; III - могильник Целинный I, курган 86; 1, 10 - железо; 2, 3, 5, 6-9, 11-14 - бронза; 4 — стекло; 15-17 - керамика

1,0-1,1 м. Большую часть этой могилы с запада прорезало впускное погребение, совершенное в яме подпрямоугольной формы, глубиной 1,9 м от уровня погребенной почвы, ориентированное по линии ССЗ-ЮЮВ. В южной стенке на уровне дна - подбой (высота 0,5 м и глубина 0,3 м). На дне могилы на меловой подсыпке в деревянном гробовище (1,8х0,55 м) лежал скелет взрослого человека, очень плохой сохранности. Вытянуто на спине головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль туловища, кистями у таза, левая нога лежала прямо, правая слегка отставлена в сторону. Справа от черепа лежал железный черешковый нож с горбатой спинкой. Лезвие подтреугольного сечения резко сужается к острию (рис. 26,1, 1). В западном углу гроба было найдено несколько сильно окислившихся бронзовых оковок.

Курган 11. Насыпь земляная уплощенная, диаметром 10 м, высотой 0,16 м. Могильная яма прямоугольной формы выявлена в центре кургана на уровне погребенной почвы. Ориентирована по линии С-Ю. Яма постепенно сужается ко дну. В южной стенке - ниша глубиной 25 см. Размеры могилы на уровне погребенной почвы 2,1х0,6 м, ко дну 2,35х0,5 м. На дне могилы на глубине 1,4 м лежал скелет взрослого человека, очень плохой сохранности, вытянуто на спине, головой на север, лицом на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямо и сведены в коленях. Инвентарь отсутствовал.

Курган 17. Насыпь земляная уплощенная, диаметром 10 м и высотой 0,28 м. Могильная яма выявлена в центре кургана. Могила прямоугольной формы длиной 1,8 м и шириной 0,5 м, ориентирована по линии С-Ю. Стенки прямые, дно ровное. На дне могилы, на глубине 100 см от уровня погребенной почвы на меловой посыпке лежал скелет подростка, вытянуто на спине головой на север (череп имеет следы искусственной деформации). Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежат прямо. В засыпи могилы над головой встречены лопатка и трубчатая кость барана. На дне могилы между черепом и западной стенкой в кучке лежали астрагалы, также между западной стенкой и голенью левой ноги был найден железный нож с коротким черешком для насада и лезвием

подтреугольного сечения. На костях лежали остатки чилижного перекрытия.

МОГИЛЬНИК АТПА-Ш (Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1986 года. - Актюбинск, 1987). Расположен на плоском водоразделе в 0,9 км к югу от могильника Атпа-П (рис. 21, III).

Курган 10 (рис. 27, V). Располагался в центре могильника. Насыпь земляная, уплощенная, диаметр 9,5 м, высота 0,27 м. Могильная яма подпрямоугольной формы выявлена в центре кургана на уровне погребенной почвы. Ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Стенки прямые, дно ровное. На дне могилы на глубине 1,3 м лежал скелет женщины вытянуто на спине, головой на ССЗ. Череп слегка развернут лицевой частью к западу. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежат прямо с разведенными врозь стопами. Между восточной стенкой и левым плечом - два глиняных пряслица усеченноконической формы. У западной стенки и на кисти правой руки найден развал гончарной кружки с широкой петлеобразной ручкой сбоку. На тулове имеются парные отверстия, вероятно, для скрепления сыромятными ремнями разваливающихся стенок сосуда (рис. 27, V, 6-8).

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ГЕОРГИЕВСКИЙ БУГОР (Гуцалов С. Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1991 году. - Актюбинск, 1992.) Расположен на левом берегу реки Илек, в его верховьях в центре поселка Георгиевка (Нижние Курайли). Грунтовые погребения открыты на бугре, находящемся в пойме реки Илек в 1-1,5 км южнее русла реки и возвышающемся над окружающей местностью на 4-6 м.

Курган 1 (рис. 28, II). Погребение находилось в юго-западной части бугра. Яма прямоугольной формы размерами 0,4-0,5х1,7 м ориентирована СЗ-ЮВ. Стенки отвесные, дно ровное. На глубине 0,7 м вдоль западной стенки - подбой шириной 0,9 м и высотой 0,6 м. В подбое - скелет женщины (?) вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на север. Череп искусственно деформирован. Левая

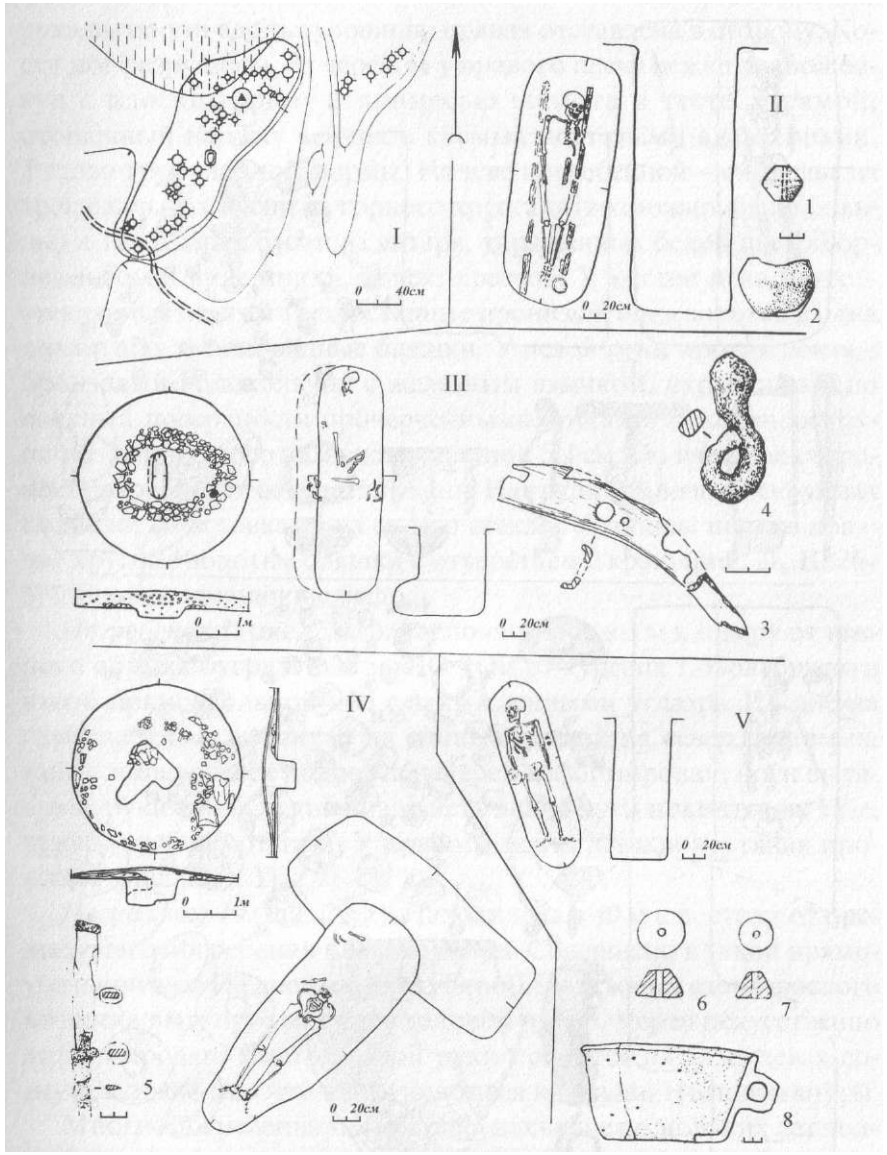


Рис. 27.
I - могильник Восточно-Курайлинский I. Общий план; II, 1, 2 - Восточно-Курайлинский I, курган 17; III, 3, 4 - Восточно-Курайлинский II, курган 3; IV, 5 - Жолуткен, курган 2; V, 6-8 - Атпа III, курган 10; 1, 2, 5-8 - керамика; 3 — кость; 4 — железо; 5 — железо, кость

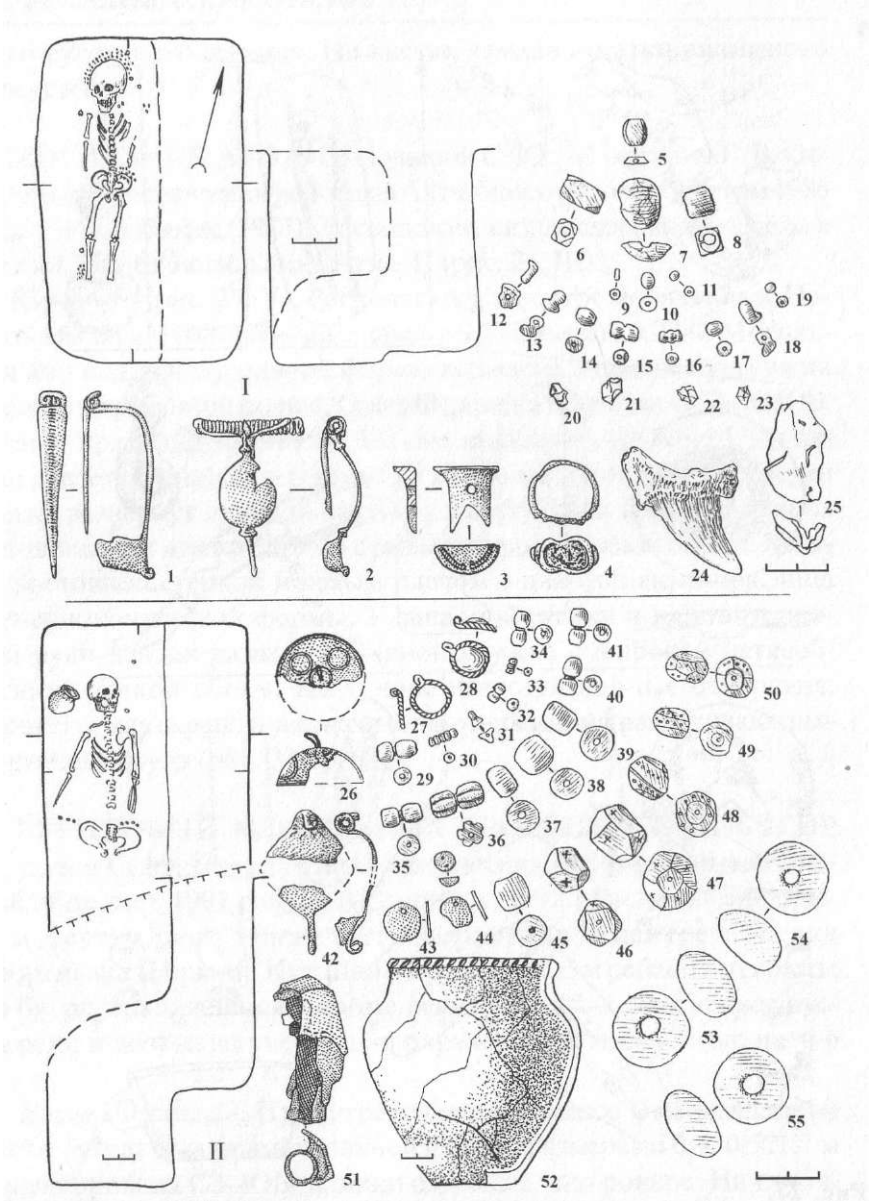


Рис. 28.

I - могильник Целинный I, курган 87; II - могильник Георгиевский Бугор, курган 1. 1—4, 26, 42-44, 51 - бронза; 5-23, 45-50, 53-55 - стекло, камень; 24, 25 - кость; 27, 28 — стекло, бронза; 52 — керамика

рука вытянута вдоль туловища, правая отставлена в сторону. Кости ног разрушены. За черепом у правого плеча лежал лепной сосуд с плоским дном и примесью шамота в тесте. Прямой, скошенный наружу венчик с косыми ногтевыми вдавлениями. Тулово грушевидной формы. На шее погребенной - ожерелье из трех овальных бусин из горного хрусталя (возможно, было больше) и 12 круглых бусин из янтаря, украшенных белой пастой орнаментом в виде линий, точек, крестов. У кистей и на поясе - стеклянные двух- и трехсоставные пронизки, одна золотая и одна серебряная куполовидные бляшки. У левой руки против локтя - бронзовый колокольчик с железным язычком, украшенный по внешней поверхности прочерченными кругами, и железная трубочка непонятного назначения длиной 5,4 см. На внешней стороне ее сохранились отпечатки ткани. На груди три золотых круглых подвески со вставками из синего стекла. У головы против лба - две круглые золотые бляшки с отверстием с краю (рис. 28, II, 26 55). Больше находок не было.

Погребение 3 (рис. 23, Г). Располагалось в 3 м к северу от южного обрыва бугра и в 20 м к Ю-ЮВ от кургана 1. Совершено в узкой прямоугольной яме с закругленными углами. На дне на глубине 0,4 м, вытянуто на спине, головой на север, лицом на запад лежал скелет подростка. Череп деформирован, ноги вытянуты, руки вдоль туловища. Кисть левой руки покоится на тазе, правой - сбоку от таза. У правого локтя лежала костяная проколка (рис. 23,1, 1).

Погребение 19 (рис. 23,1). Находилось в 40 м к востоку от предыдущего погребения на краю бугра. Совершено в узкой прямоугольной яме. На дне ямы на глубине 0,8 м лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на СВ. Череп искусственно деформирован. Кисть правой руки покоится на тазе, левая согнута в локте так, что кисть покоится на груди. Ноги вытянуты.

Многие погребения могильника в течение нескольких лет подверглись разрушению в ходе разработки карьера по добыче песка. В частности в промышленном перекопе были найдены фрагменты толстостенного лепного горшка и костяная рукоять железного ножа (рис. 23,1, 2, 3).

МОГИЛЬНИК ЖАМАН-КАРГАЛА I (Родионов В.В., Попов Н.В. Отчет об археологических работах в Актюбинском области летом 1975 года. - Актюбинск, 1976). Расположен в 11 км от Актюбинска по дороге в город Орск на узкой возвышенности, омываемой с юга и востока рекой Жаман-Каргала. Впервые был описан И.А. Кастанье в 1907 году, где им были раскопаны три кургана.

Могильник состоит из 45 земляных курганов, высотой 0,3-2 м и диаметром 15-32 м, растянувшихся по цепочке с севера на юг на расстоянии 400 м вдоль края возвышенности у поймы правого берега реки Жаман-Каргала.

Курган 8 (рис. 23, V). Находился в северной части цепочки. Диаметром около 10 м и высотой 0,15 м. В центре земляной, с включением щебня насыпи, обнаружена узкая прямоугольная могила с подбоем, ориентированная ССЗ-ЮЮВ. В подбое, расположенном в западной стенке могилы, имеющем ширину 50 см и углубленном на 20-25 см против ее дна, вытянуто на спине, головой на север, с небольшим отклонением лежал скелет молодой женщины, у левой голени которой находился сильно разрушенный скелетик ребенка, ориентированный головой на юг. На дне подбоя повсеместно имелась меловая посыпка. Ниже ступней женщины на 15 см, в южном конце подбоя лежал на боку круглодонный бомбовидный сосудик с узкой цилиндрической шейкой и уплощенным, отогнутым наружу венчиком. На шейке с двух сторон имелись дырочки для подвешивания на веревочке. Вся наружная поверхность сосуда присыпана тонко истертым меловым порошком. Под сосудиком находилась проржавевшая железная пряжка (плоское эллипсовидное кольцо, с одной стороны обжатое согнутым концом прямоугольной железной пластинки).

В районе шейных позвонков женщины были найдены стеклянные бусы (18 штук). В том числе восемь круглых, из них четыре бусины непрозрачных светло- и темно-серого цвета и четыре более мелких полупрозрачных стеклянных со следами внутренней позолоты (?), а из десяти 14-гранных уплощенных, одна бусина имеет форму шестигранной призмы, семь бусин окрашены в темно-серый цвет, одна пятнистая оранжево-розовая и зеленовато-серая и две светлые желтовато- и зеленовато-серые.

Под нижней челюстью, на груди, находилась комбинированная фибула, состоящая из клиновидно-сужающейся в плане треугольной бронзовой пластинки с отогнутым вниз широким концом, на котором крепилась железная пружина с иглой. Приемник прямой оттянут вниз от ссуженной части бронзовой спинки, самый конец которой за приемником закручен вверх наподобие небольшого завитка.

Среди костей ребенка найдена плоская костяная пряжка с двумя круглыми отверстиями. В плане она имеет яйцевидную форму, с круглым створом диаметром 8 мм посередине, усложненную трапециевидным выступом в нижней части, в середине которого просверлено второе отверстие диаметром 5 мм. Выступающие острые углы нижнего основания трапеции образуют своего рода шипы, один из которых отломан, а тупые углы верхнего основания закруглены.

У западной стенки могилы, против головы взрослого человека, находился вертикальный шест или столб, полностью сгоревший до ее засыпки. Он имел диаметр около 8 см. Фиксировался с уровня 0,3 м и до дна входной ямы. Следы золы и пепла были обнаружены на костях ребенка с правой стороны его черепа, на части левой голени и левой локтевой кости взрослой женщины. Слой прокаленной земли мощностью не более 3-5 см имеется в верхней части курганной насыпи. Он имел форму круга диаметром не более 1,5 м (рис. 23, V, 11-15).

МОГИЛЬНИК ЖАНАБАЗ (Гуцалов С. Ю,, Ткачев В.В., Бисембаев А.А. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1995 году. Актюбинск, 1996). Расположен на 4-5-метровом возвышении, над поймой правого берега реки Орь в 0,5 км к юго-востоку от зимовки Жанабаз (Урбаз) и в 1,5 км к ЮЮЗ от поселка газовиков Молодежный. Земляные курганы кучно расположены на вершине ровной площадки размерами 50х80 м.

Курган 3 (рис. 23, II). Насыпь земляная, уплощенная, диаметром 10 м, высотой 0,3 м. В насыпи были найдены обломок трубчатой кости лошади на глубине 20 см, кость передней ноги овцы и обломок тазовой кости лошади на том же уровне, фрагмент стенки лепного сосуда с примесью толченной раковины на глубине 30 см, кварцевый резец на отщепе на глубине 20 см, обломок тазовой кости и лопатка лошади на уровне погребенной почвы.

Могильная яма прямоугольной формы, размерами 1,0х2,2 м оказалась смещенной на 1,5 м к югу от условного центра кургана. Ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Из-за рыхлости материкового грунта в ходе расчистки подверглась сильному разрушению (до 0,5 м с длинных сторон). На дне, на глубине 2,1 м от погребенной почвы, под тонким слоем прогнившего тростникового перекрытия фиолетовобелого цвета, по центру ямы вытянуто на спине, головой на ССВ, лицом вверх лежал скелет взрослого человека.

Инвентарь: концевая (?) железная пряжка; прямоугольная рамчатая железная пряжка; красноглиняный лепной кувшин с шаровидным туловом и плоским дном. В тесте кувшина шамот с примесью кальцитов (рис. 23, II, 4-6).

КУРГАНЫ ЖОЛУТКЕН (КЕПИР-1) (Гуцалов С. Ю., Ткачев В.В., Бисембаев А.А. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1995 году. Актюбинск, 1996). Расположены у склона водораздельного плато левого берега реки Иргиз.

Курган 2 (рис. 27, IV). Земляной, полусферической формы. У восточной подошвы и в центре из насыпи торчали каменные глыбы. Диаметр 5-6 м, высота 0,35 м.

Могильная яма Т-образной формы, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. В северо-восточной части засыпи ямы остатки почти полностью истлевшего и разрушенного деревянного перекрытия. Судя по стратиграфии кургана, под ним было совершено подбойное захоронение.

Подбойная яма прямоугольной формы, размерами 0,7х2,0 м, глубиной 0,75 м, ориентирована СЗ-ЮВ. По центру южной стенки - подбой, углубленный в материк на 10 см, расположенный перпендикулярно входу и ориентирован ЮЗ-СВ. Размерами 0,35-0,7х2,4 м. Человеческий скелет был наполовину разрушен грабительским вкопом. Глубина 1,2 м. В засыпи встречены трубчатые кости ребенка. Судя по костям ног и таза, скелет лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Справа, над тазом, подобран железный нож с обломанным лезвием. В засыпи у входа в могилу - кости овцы (передние конечности, ребра) и береста (рис. 27, IV, 5).

МОГИЛЬНИК ВОСТОЧНО-КУРАЙЛИНСКИЙ 1 (Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1986 году. - Актюбинск, 1987; Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1987 году. - Актюбинск, 1988; Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1989 году. - Актюбинск, 1990; Гуцалов С. Ю., Ткачев В.В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1990 году. - Актюбинск, 1991. См.: Гуцалов С. Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1992 году). Расположен на правом берегу реки Илек в его верхнем течении, в 2,5 км к В-ЮВ от поселка Курайли, на вершине узкой водораздельной возвышенности, которая полого спускается к высокому, обрывистому берегу Илека, в 750 м к северу от его русла. Состоит из более чем 40 погребальных объектов (часть которых разрушила пашня в центральной части могильного поля). Памятники позднесарматского времени находились в центральной части (рис. 27,1).

Курган 3 (рис. 29). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр с севера на юг 14 м, с запада на восток 13 м. Высота от современной поверхности 0,28 м. Могильная яма трапециевидной формы, ориентированная ССЗ-ЮЮВ. Длина ее на поверхности 2,6 м, ширина короткой северной стенки 1,8 м, южной 2,2 м. В засыпи ямы с первого штыка встречались обугленная почва и остатки сгорев-

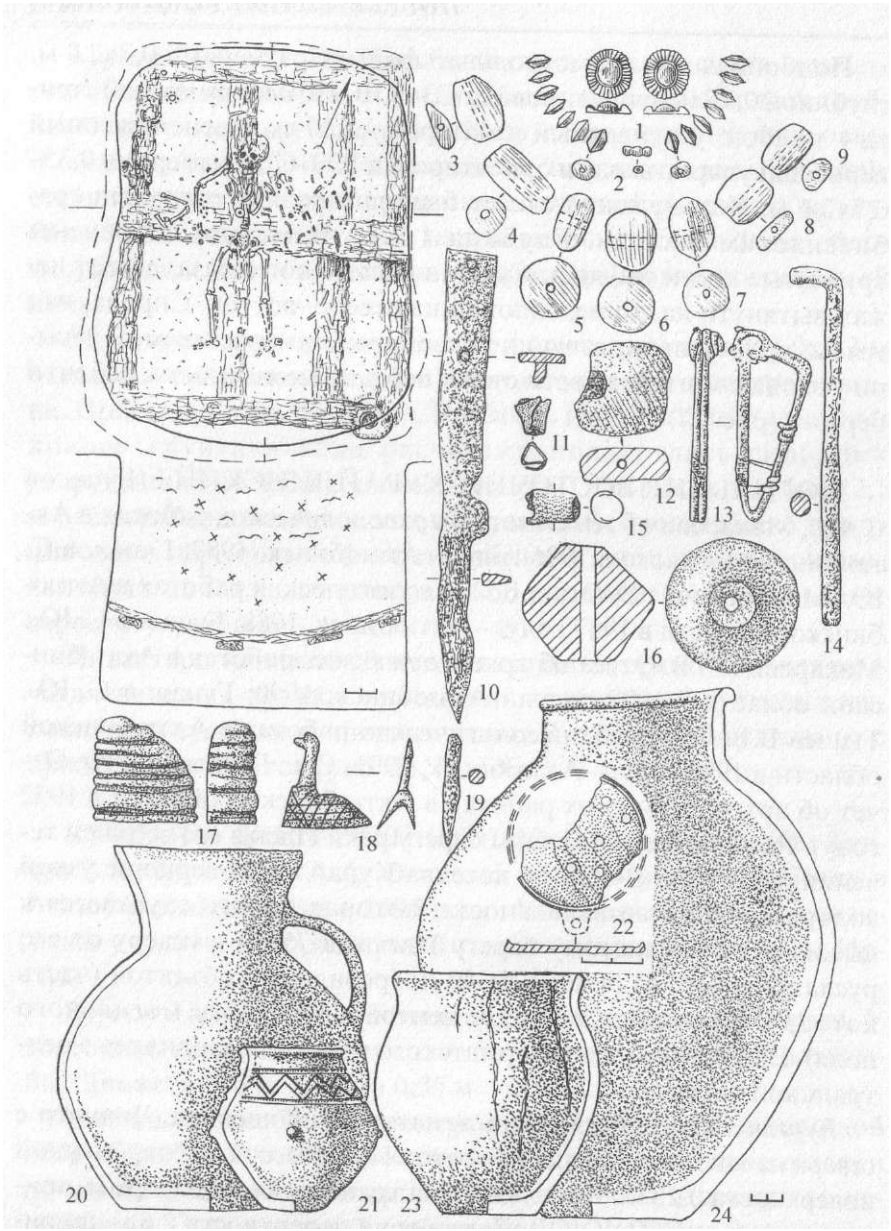


Рис. 29. Могильник Восточно-Курайлинский, курган 3.

1 - золото, стекло; 2-9, 12 - стекло, камень; 10, 14, 19 - железо-11, 13, 22 - бронза; 16-18, 20, 21, 23, 24 - керамика

шего деревянного перекрытия в виде обожженных плах и бревнышек, рухнувших на дно, не выдержавших давления земли. Большая часть их в виде трех поперечных и четырех продольных плах, лежавших под поперечными (ширина 15 см), зафиксированы на глубине 100-105 см от уровня погребенной почвы. На них у южной и северной стенок обнаружены расчлененные остатки черепа лошади и альчик овцы. Западная и южная стенки расширялись ко дну на 10-20 см. Длина ямы по дну 2,7 м, ширина 2-2,2 м. На дне ее на глубине 1,65 м от уровня погребенной почвы лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ, лицом на юг, скелет взрослого человека (женщины (?) 20 лет - черепные швы еще не совсем срослись). Череп искусственно деформирован. Руки откинуты в стороны, правая согнута в локте, кисть против таза, левая - лежит прямо, фаланги пальцев отсутствуют. Позвонки и правая ключица лежали между ног покойной. Левая нога - прямо, правая - слегка согнута в колене.

Против лучевой кости правой руки лежали лопатка и кости передней ноги овцы с воткнутым в них Г-образным железным штырем. Слева от скелета, у восточной стенки, лежали два ребра лошади. В северо-западном углу обнаружен кусочек мела, сама покойница лежала на прослойке белой глины. На шее обнаружено ожерелье из янтарных и халцедоновых (?) бусин, некоторые из них, вероятно, растащенные грызунами, валялись в северо-западном углу и вдоль туловища женщины. Всего найдено 8 халцедоновых и 13 янтарных, круглых бусин. Костюм женщины по рукавам был обшит бусинами биконической формы из синего стекла. На поясе зафиксированы две стеклянные позолоченные пронизки очень плохой сохранности, а на предполагаемых обшлагах рукавов две круглые бронзовые пуговички со вставным стеклом. Чуть выше пояса лежало глиняное пряслице биконической формы. Между ног погребенной у правого колена лежала железная лучковая фибула. Против локтя правой руки у западной стенки находился глиняный плоскодонный кувшин серого цвета. Тулово шаровидное, горловина воронкообразная. Закругленная ручка соединяет среднюю часть горловины с верхней частью тулова. В тесте примесь шамота. За кувшином, в се-

веро-западном углу могилы, - железный нож с горбатой спинкой, лезвием подпрямоугольного сечения и широкой рукоятью с заклепками для крепления деревянной ручки. Тут же лежала железная игла из тонкой проволоки. Рядом, на боку, лепной плоскодонный биконический сосудик с толстой воронкообразной горловиной. В верхней части тулова нанесен грубый орнамент в виде треугольного зигзага, в тесте примесь шамота. В месте наибольшего раздува тулова симметрично расположены четыре умбона. Вплотную к сосуду № 3 также на боку - лепной сероглиняный сосуд высотой 16 см с грушевидным туловом и уплощенным дном. Венчик плоский, горловина прямая, в тесте примесь шамота. Выше сосуда, в кожаном футляре, обшитом бисером (футляр восстановить не удалось), лежало бронзовое зеркало очень плохой сохранности с ручкой-петлей. У плечевой кости погребенной был найден клык кабана. В юго-восточном углу стоял раздавленный лепной сосуд с прямой высокой горловиной, бомбовидным туловом и уплощенным днищем, в тесте примесь шамота.

Слева от женщины, у восточной стенки, плохо сохранившийся скелет ребенка, так же ориентированный головой на север, вытянуто на спине. Его одежда была украшена синими коническими бусинами, аналогичными бусинам из погребения женщины. На животе ребенка лежали бронзовое кольцо и бронзовая трубка, в 30 см ниже, в ногах ребенка лежала концевая, бронзовая пронизь. Вероятно, все эти три предмета относятся к нагайке, деревянная и кожаная часть которой сгнили. В ногах ребенка, на ребре лошади лежали игрушки: миниатюрная бронзовая модель уточки с дуговидным полым туловом с прочерченной на нем ромбовидной сеткой и круглым отверстием на спине и овальный камешек с плоским основанием, орнаментированный поперечно прочерченными линиями, выделяющими голову и туловище человека, подобно тому как это делается на оленных камнях (рис. 29, 1-24).

Курган 4 (рис. 26, II). Земляной, диаметром 11-12 м, высотой 0,4 м. По центру насыпи на уровне погребенной почвы выявлена могильная яма прямоугольной формы, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ. Длина 2,25 м, ширина 0,65 м, глубина 1,7 м от уровня погребенной почвы. На дне ямы в плохо сохранившемся деревянном гробу лежал скелет мужчины, вытянуто на спине, головой на ССВ, руки вытянуты вдоль туловища - кисть левой руки лежала на тазе, правой - на бедре. В гробу, слева от ступней, стоял глиняный лепной сосуд с туловом бомбовидной формы, уплощенным дном диаметром 8 см, воронкообразной горловиной диаметром 14 см. В тесте примесь шамота и кальцитов. Внешняя поверхность заглажена травой. У правого плеча лежал биметаллический нож с бронзовой ручкой и железным, прямым лезвием. На лезвии остались отпечатки грубой материи, и сбоку приварилось две железных петли от ножен. У запястья правой руки лежали бронзовые обоймы и деревянная палочка, возможно от нагайки (рис. 26, II, 10-14, 17).

Объект 7 (святилище) (рис. 30, III). Располагается в южной части могильника в 80 м к юго-западу от большого кургана 1. Представлял из себя прямоугольную площадку, обнесенную едва заметным земляным валом, ориентированную по линии С-Ю. Средняя высота валов 30 см. Длина объекта 27 м, ширина 21,5 м. На глубине от 10 до 30 см, в различных квадратах, встречались кости овцы, жеребенка, фрагменты керамики. Основная масса находок была сосредоточена в южной половине объекта. У западной и восточной подошв «святилища» лежали каменные плиты. Такие же плиты обозначали и вход в него с южной стороны шириной 5 м. Длина входного коридора 2,5 м. Коридор соединялся с площадкой прямоугольной формы, ориентированной по линии З-В и посыпанной, как и вход, мелом или белой глиной. Длина ее 11 м, ширина 9 м. В центре данной площадки зафиксирован пьедестал из желтой глины широтной ориентации (2х5). Небольшие возвышенности из желтой глины были прослежены и в центре «святилища».

Курган 76 (рис. 22, VII). Насыпь земляная, уплощенной формы, диаметром 9 м, высотой 0,2 м от уровня современной поверхности. В юго-восточном секторе раскопа на глубине 20 см зафиксировано вкрапление угля, в северо-западном секторе на этой же глубине встречена кость животного (коровы?). Могильная яма

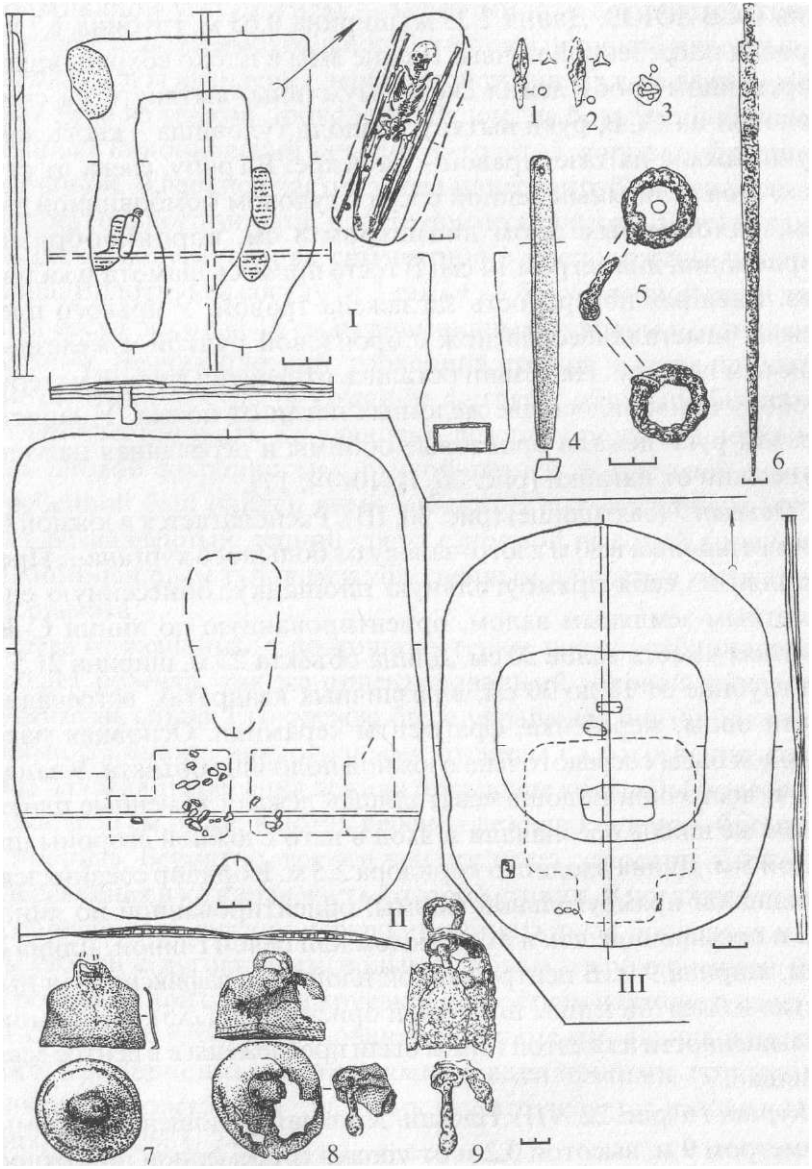


Рис. 30.
I - могильник Целинный I, сооружение 13; II - могильник Сарытау, сооружение 12; III - могильник Восточно-Курайли I, объект № 7 (святилище).
1-3, 5, 6 - железо; 4 - камень; 7-9 - бронза, железо

ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Длина ее 1,8 м, ширина 0,4-0,6 м (яма сужается к северу). Стенки прямые, дно ровное, глубина ямы 1,1 м. В западной стенке был обнаружен подбой, удлиненный на 0,9 м к югу от входной ямы, совершен на одном уровне с входной ямой. Стенки и уступ его сужаются. Стенки к югу до 0,4 м (ширина в центре 0,6 м), уступ (высотой 20 см и длиной 0,8 м) - до 0,35 м к северному концу камеры. Высота подбоя 0,5 м, стенки прямые, дно ровное. По центру подбоя вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека. Головой на север, лицом на восток, череп искусственно деформирован, руки были вытянуты вдоль туловища, ноги лежали прямо.

Вплотную у лба погребенного стоял в развале плоскодонный лепной сосуд с биконическим туловом с округлым плечиком. На короткой прямой горловине с отогнутым наружу венчиком симметрично расположены две круглые дырочки диаметром 0,7 см. В тесте примесь шамота. У восточной стенки на лучевых костях против таза лежали плохо сохранившиеся железные удила. Сохранилось только одно кольцо с частью стержня. На груди покойника найдена деревянная труха (небольшой кусочек) (рис. 22, VII, 5, 6).

Курган 7 7 (рис. 27, II). Насыпь земляная, полусферическая в разрезе. Диаметр ее по оси С-Ю - 12 м, З-В - 10,5 м. Высота кургана 0,35 м. На глубине 10 см от поверхности, в центре насыпи, зафиксирован слой прокаленной почвы и обгоревшего дерева мощностью около 40 см. Кострище овальной формы. У юго-восточной подошвы кургана зафиксирована каменная плита. Могильная яма была выявлена под кострищем в центре кургана. Имела она подпрямоугольную форму с закругленными углами. Ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Длина ее 2 м, ширина 0,8 м. В изобилии встречались остатки сгоревшего деревянного перекрытия в виде кусков бревен, плах, прутьев чилиги. Судя по их остаткам, по углам ямы располагались столбы, на которых лежали поперечные плахи, на которые были плотно уложены продольные плахи толщиной 2-3 см и шириной 15-20 см. На перекрытие был набросан хворост. После того, как был разведен костер, деревянная конструкция рухнула на дно. Дно могилы ровное, стенки прямые. По центру могилы вытянуто

на спине, головой на ССВ, лицом на ЮВ, на глубине 1,6 м лежал скелет взрослого человека (женщины?). Многие кости скелета отсутствовали. Череп искусственно деформирован. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые. У ступней в юго-восточном углу стоял лепной плоскодонный сосуд очень плохой сохранности. Венчик отсутствовал. Высота сохранившейся части 8,8 см. За пределами гробовища, в ногах у восточной стенки лежало глиняное пряслице биконической формы (рис. 27, II, 1-2).

Курган 26. Длинная уплощенная насыпь (длина 18 м, ширина 6,5-7 м) вытянута ЗЮЗ-ВСВ. Высота 0,2 м. В западной половине насыпи подобран альчик барана и обнаружена каменная плиТа. В районе плиты фиксировалось углубление в материк, в котором были разбросаны фрагменты сероглиняного сосуда (кувшинчика).

Курган 33 (рис. 31, VII). Земляная насыпь уплощенной формы высотой 0,3 м, диаметром 10 м. На глубине 30 см в южной подошве насыпи обнаружен фрагмент днища красноглиняного гончарного сосуда, по центру насыпи на той же глубине - обломок кости животного, вероятно, овцы. Засыпь по цвету почти не отличалась от материка. Входная яма была ориентирована СЗ-ЮВ, имела прямоугольную форму размерами 2,1х0,7 м, стенки прямые. В ней на глубине 0,5 м и 1 м встречены соответственно одно и два ребра барана. Вдоль западной стенки - подбой высотой 0,55 и шириной 0,68 м. На дне могилы на глубине 1,55 м от погребенной почвы, на прямоугольной деревянной раме (частично сохранилась деревянная труха), вытянуто на спине, головой на ССЗ, лицом к востоку лежал скелет молодого человека (20 лет). Руки вытянуты вдоль туловища, кисти слегка разведены в стороны. Ноги лежали прямо. Череп искусственно деформирован. За головой скелета в западном углу стоял круглодонный лепной сосуд с высокой узкой цилиндрической горловиной, отогнутой наружу, и бомбовидным туловом. В тесте шамот с примесью кальцитов. Сразу за черепом находился лепной сосуд № 2 - плоскодонный с примесью шамота в тесте. Поверхность серая пористая. Короткая горловина отогнута наружу, тулово бомбовидной формы было украшено по плечику рядом сосков (вероятно 4 шт.) сосуд сохранился во фраг-

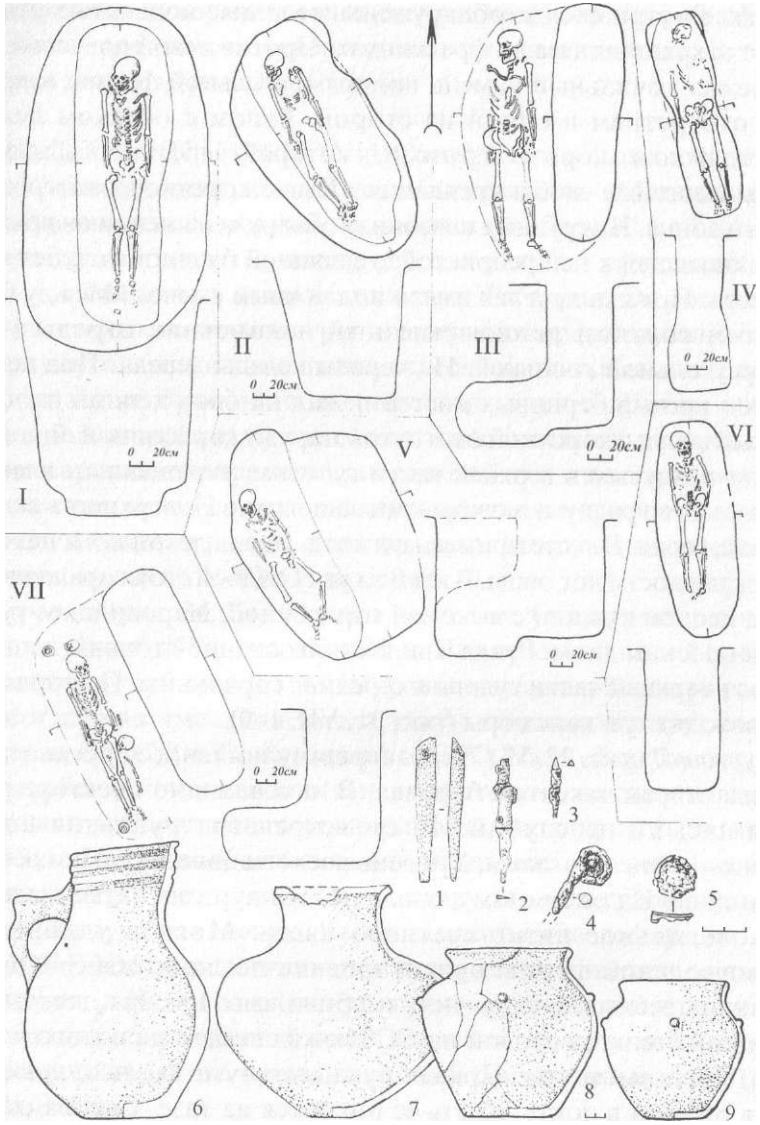


Рис. 31.

I - Целинный I, курган 72; II - Целинный I, курган 5; III - Целинный I, курган 12; IV - Целинный I, курган 53; V - Целинный I, курган 37; VI - Целинный I, курган 45; VII, 1-9 - Восточно-Курайлинский I, курган 33. 1 — камень; 2—5 - железо; 6-9 - керамика

ментах. Внутри сосуда обнаружены железные кольчатые удила, также сохранившиеся во фрагментах. Против левой плечевой кости лежал точильный камень подпрямоугольной формы и круглым отверстием в одной из сторон. Рядом с оселком лежал железный нож с короткой ручкой, к которой, вероятно, были припаяны железные скобы крепления. Лезвие короткое, заострено с одного конца. На грудных позвонках обнаружена железная пряжка с прикипевшей к ней ребристой стеклянной бусиной голубоватого цвета. Пряжка круглая имела подвижный язычок. Между берцовыми костями лежал железный наконечник стрелы (?) с подтреугольной головкой. На черешке следы дерева. Под левой кистью против берцовых костей лежал на боку лепной плоскодонный сосуд с короткой отогнутой наружу горловиной, биконическим раздутым в верхней части туловом, украшенным в месте наибольшего раздува пальцевыми защипами. Поверхность заглаженная, серая. В тесте примесь шамота. Вдоль левой ноги человека лежали кости ног овцы. В южном углу подбоя стоял оранжевого цвета лепной кувшин с высокой горловиной, шаровидным туловом и плоским дном. Ручка в виде стилизованной головы лошади идет от верхней части тулова к середине горловины. По горловине проходят три канелюры (рис. 31, VII, 1-9).

Курган 41 (рис. 22, VI). Через вершину земляного кургана проходила старая пахотная борозда. В юго-западном секторе раскопа насыпи на глубине 15 см встречена трубчатая кость крупного рогатого скота. Уровень раскопа доведен до погребенной почвы. На ее темном фоне, в центре кургана четко выделялось могильное пятно светлого цвета. Могила удлиненно прямоугольной формы ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Стенки отвесные, дно ровное, глубина ямы 1 м. На дне, вдоль западной стенки, головой на ССЗ лежал скелет взрослого человека. Ноги вытянуты. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Кисть ее покоится на тазе. Справа от черепа лежали стеклянные бусы. У левой голени поднято боченковидное, глиняное пряслице диаметром 4,4 см, высотой 3,1 см. У южной стенки стоял сероглиняный, лепной, круглодонный горшок с шаровидным туловом и высокой слегка отогнутой наружу горловиной. По верхней половине тулова проходит резной орнамент в виде двух поясков горизонтальных лесенок. В тесте примесь шамота (рис. 22, VI, 2-4).

МОГИЛЬНИК САРЫТАУ-1. Расположен в 10 км южнее поселка Табантал (центральной усадьбы хозяйства «Магаджановский» Хромтауского района Актюбинской области) на вершине водораздельного плато, между пересыхающими речушками Сокырсай и Тайкеткен, впадающих в реку Табантал. Он состоял из трех отдельных могильных групп: северной - представленной двумя прямоугольными каменными склепами, относящимися, вероятно, к эпохе бронзы, соединенными друг с другом узким коридором из вертикально стоящих каменных плит, центральной (позднесарматского времени), состоявшей из пяти компактно расположенных уплощенных земляных курганов и склепа, южной - цепочки из пяти курганов с камнем в насыпи, растянувшейся от вершины плато ССВ-ЮЮЗ на 250 м.

Курган 8 (рис. 24, III). Насыпь земляная, уплощенная, в плане круглая. Диаметр 8 м, высота 0,16 м. Под северной полой прослеживался ров глубиной 0,5 м. На уровне материка, в центре раскопа, могильная яма. Она имела узкую прямоугольную форму размерами 0,5х2,2 м. Ориентирована С-Ю. На глубине 1 м от уровня погребенной почвы вдоль западной стенки был сделан подбой с горизонтальным потолком, шириной 0,4 м, длиной 1,7 м, высотой 45 см. На дне подбоя головой на север лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях. Череп искусственно деформирован. Слева от него лежали: глиняное коническое пряслице, сегмент бронзового зеркала со слегка утолщенной закраиной и двумя отверстиями в нем, железный нож с коротким черешком. Вплотную к левому плечу стоял красноглиняный гончарный кувшин (рис. 24,111,8-11).

Курган 9 (рис. 24, I). Насыпь земляная, диаметром 6 м, высотой 0,3 м. Могильная яма располагалась в центре кургана. Форма подквадратная, размерами 1,45х1,75 м. Ориентирована по линии С-Ю. В засыпи встречены фрагменты лепной сероглиня-

ной курильницы. На дне на глубине 1,5 м от уровня погребенной почвы встречались вразброс кости человека. В восточной стенке, вероятно, был сделан подбой высотой до 0,4 м, размерами 0,9х1,9 м. У южной стенки ш зки лежали кости стопы, судя по которым скелет был положен вытянуто на спине головой на север. У северной стенки среди верхних костей скелета найдены стеклянные бусинки и фрагмент железного ножа, некогда завернутого в грубую ткань (рис. 24, 2, 3).

Курган 10 (рис. 24, IV). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 6 м, высота 0,14 м. На уровне погребенной почвы, в северо-восточном секторе, ближе к подошве, был зафиксирован развал крупного лепного сосуда с бомбовидным туловом и уплощенным дном. В тесте примесь шамота (рис. 24, 12).

Курган 11. Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 8 м, высота 0,2 см. В центре раскопа была выявлена могильная яма узкой прямоугольной формы размерами 0,6х2,1 м, ориентированная по линии С-Ю. На глубине 0,8 м - полукруглая ступенька шириной до 1 м. Вдоль западной стенки был прорыт подбой, углубленный на 25 см по сравнению со входом. Размеры подбоя 0,5х1,8 м. На дне его, вытянуто на спине, головой на север, лицом к западу, лежал скелет взрослого человека. Череп искусственно деформирован. Руки вытянуты вдоль туловища. Инвентаря не обнаружено.

Сооружение 12 (рис. 30, II). Представляло собой площадку, обнесенную уплощенным валом, в плане, подквадратной формы, размерами 26х31 м. Ориентировано длинными сторонами С-Ю. В южной части объекта был разбит раскоп. Сетка квадратов была ориентирована стенками по сторонам света. По бровке прослеживалось, что стены вала были сложены из сырцового самана и укреплены местами камнями. Внутри сооружения под юго-западной стенкой в кучке лежало три колокольчика: первый - бронзовый с бронзовым язычком, второй - бронзовый с железным язычком, третий - железный с железным язычком (рис. 30, II, 7-9). Под гумусным слоем в раскопе встречались кости мелкого и крупного рогатого скота и деревянный тлен.

МОГИЛЬНИК ЦЕЛИННЫЙ I (Гуцалов С. Ю,, Макаревич Г. В. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1987 году. Актюбинск, 1988; Гуцалов С. Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1988 году. Актюбинск, 1989; Гуцалов С. Ю. Отчет об археологических работах в Актюбинской области в 1989 году. Актюбинск, 1990; Гуцалов С. Ю., Ткачев В.В. Отчет об архео-логических работах в Актюбинской области в 1990 году. Актюбинск, 1991.).

Расположен на левом берегу реки Илек, в 6 км к ЮВ от станции Яйсан и в 1,5 км к западу от поселка Целинный. Находится на вершине Г-образной водораздельной возвышенности, северный склон которой полого спускается ко второй надпойменной террасе реки Илек. Состоит из 97 могильных объектов. Памятники позднесарматского времени занимают центральную и южную части могильника (рис. 32,1).

Курган 0 (рис. 32, III). Земляной, уплощенной формы, в плане круглый. Диаметр 6 м, высота 0,12 м. На уровне древнего горизонта, по центру выявлена узкая могильная яма прямоугольной формы (0,5х2 м). Ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Стенки отвесные. Дно ровное. На дне, на глубине 0,7 м, вытянуто на спине, головой на СЗ лежал скелет взрослого человека. Череп искусственно деформирован. Между локтем правой руки и грудной клеткой лежали фрагменты лепного сероглиняного горшка (рис. 32, III). В тесте примесь шамота.

Курган 3 (рис. 32, II). Насыпь земляная, уплощенной формы, в плане круглая, более пологая к юго-западу и крутая к северо-востоку. Диаметр 12 м, высота 0,25 м. В юго-западном секторе на глубине 45 см встречены кости овцы в 2,7 м от центра к югу и в 2,2 м к западу. На этой же глубине во всех секторах встречались вкрапления древесного угля, разбросанного по площадке от центра на запад - 2 м, на юг - 1,5 м, на север - 90 см, на восток - 65 см. Могила узкой прямоугольной формы, размерами 2,15—0,6 м на поверхности, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На дне могилы, на глубине 1,6 м от уровня погребенной почвы обнаружен скелет взрослого человека (мужчины?), лежащий вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на восток. Череп имеет следы

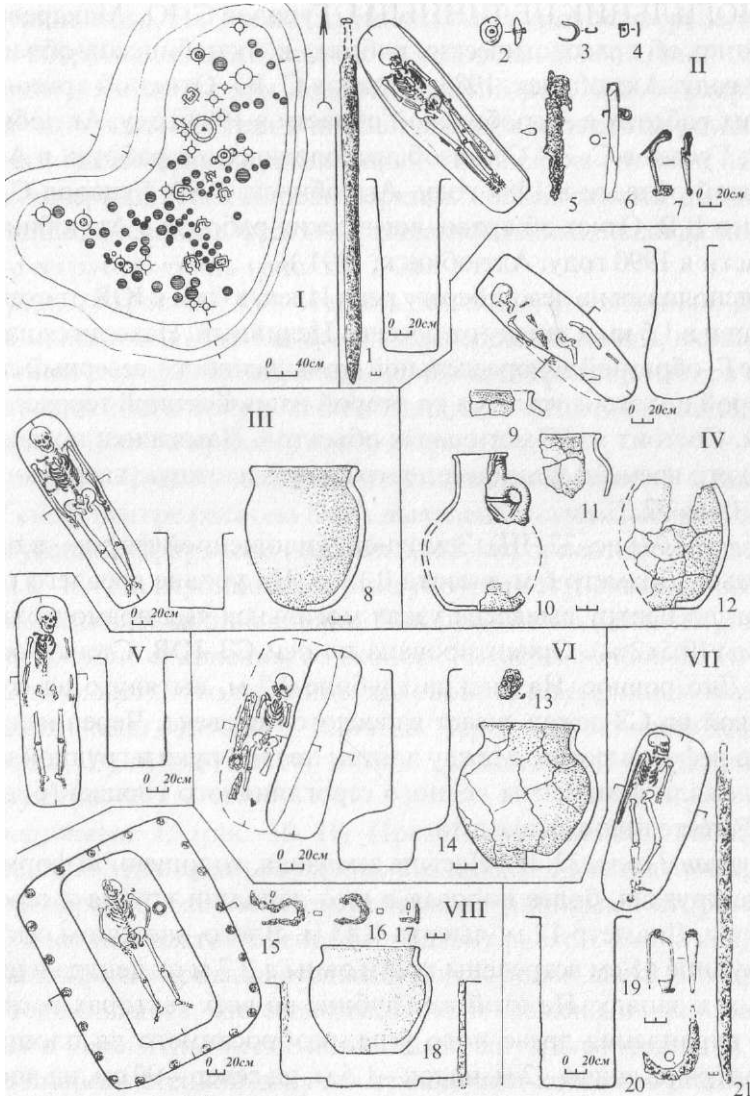


Рис. 32. Могильник Целинный I.

1 — Общий план; II, 1—7 — курган 3; III, 8 — курган 0; IV, 9—12 — курган 17; V - курган 18; VI, 13, 14 - курган 24; VII, 19-21 - курган 47; VIII, 15-18 - курган 38.

1, 5, 15-17, 20, 21 - железо; 2 — камень, бронза; 3, 4, 7, 19 — бронза; 6 — дерево, железо; 8—12, 14, 18 — керамика; 13 — железо, ткань

затылочной деформации. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть правой лежит на тазе, ноги сведены в коленях. Инвентарь: железный меч, без навершия и перекрестия с клинком линзовидного сечения, длиной 95 см, и шириной клинка 4 см, длина рукояти 8 см, ширина 2 см (сохранность плохая). Лежал с левой стороны, рукоятью на костях предплечья. Сохранились остатки деревянных ножен, окрашенных в пурпурный цвет с бронзовыми элементами крепления. Нож железный с черенком круглого сечения лежал у правой бедренной кости. Длина 12 см, ширина 2 см. Бронзовая пружинная пластинчатая фибула, сохранившаяся в обломках, лежала в районе таза (рис. 32, **II,** 1-7).

Курган 5. Насыпь земляная, полусферической формы, в плане круглая. Могила прямоугольной формы, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Длина 2,35 м, ширина 1,2 м на уровне материка. Длинные стенки постепенно сужались ко дну. Ширина ее по дну 0,9 см. В засыпи (желтая супесь) в южной части могилы обнаружена скорлупа двух-трех яиц птицы. На дне могилы на глубине 1,35 м от уровня погребенной почвы, на меловой подсыпке лежал скелет взрослого человека (сохранность плохая) вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на запад. Череп имел следы искусственной деформации. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти покоились на тазе. Инвентарь не обнаружен.

Курган 6 (рис. 33). Высота 1 м, диаметр 14 м. После снятия насыпи на уровне погребенной почвы в западной поле, в 5 м на запад и в 2 м на юг, найден лепной глиняный горшочек с уплощенным дном, высокой горловиной и биконическим туловом (рис. 33, 32). В тесте примесь шамота. Над ямой были зафиксированы следы плохо сохранившегося деревянного перекрытия из концентрически сходившихся деревянных плах. Могила овальной формы, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ, имела длину 3,3 м и ширину 1,8 м. Стенки отвесные, вдоль восточной стенки на глубине 2 м от уровня погребенной почвы была небольшая ступенька шириной 30-45 см. По дну на глубине 2,4 м, от уровня погребенной почвы, яма приобрела прямоугольные очертания. На дне могилы по центру, вдоль западной стенки лежал скелет мужчины (лет сорока), вытянуто на спине, головой на ССЗ, ли-

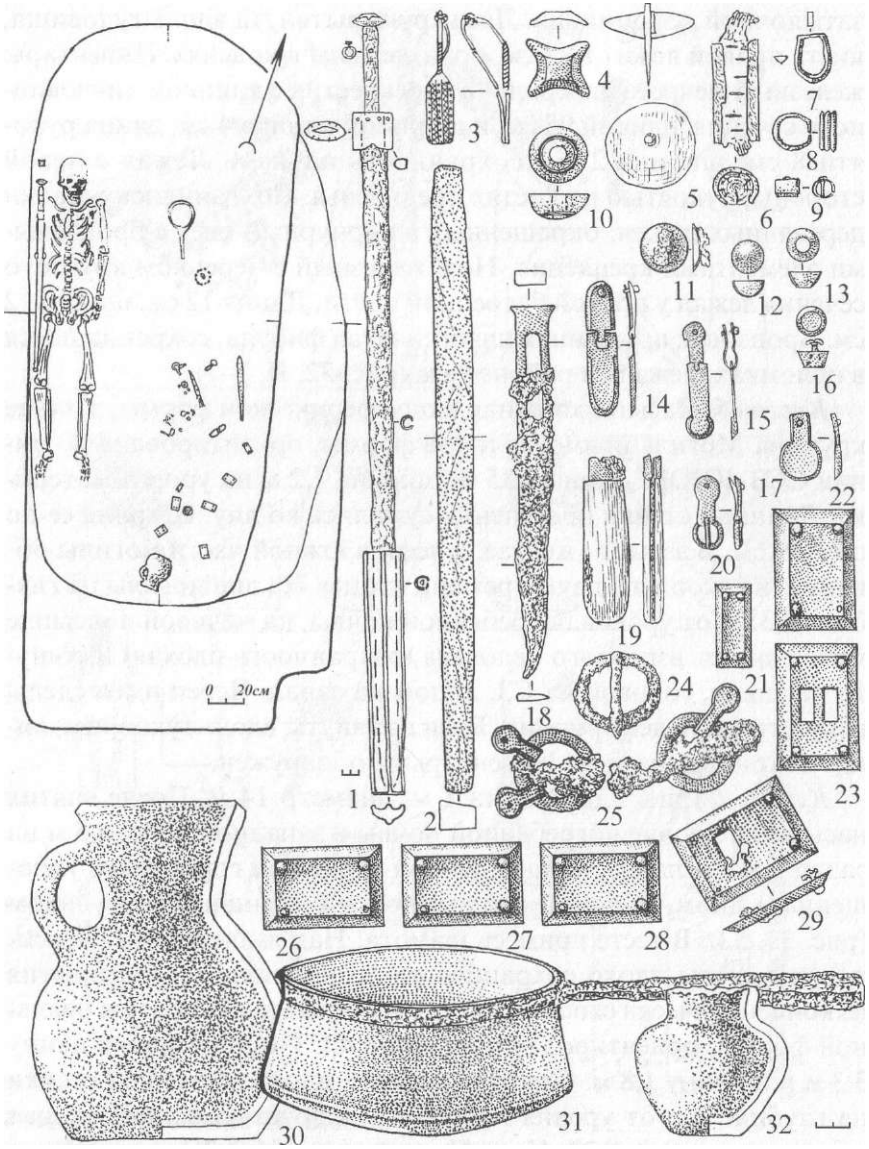


Рис. 33. Могильник Целинный I, курган 6.

1 - железо, бронза, дерево; 2—4, 5, 7-9, 12—17, 20-23, 26, 27 - бронза и халцедон; 6, 11 — дерево, бронза; 10 — кость; 18, 25, 28, 29, 31 — железо, бронза; 19 — бронза, кость; 24 — железо; 30, 32 — керамика

цом на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти лежат у таза, ноги прямо. В центральной и южной части погребения встречен многочисленный инвентарь.

Под тазом - бронзовая фибула и складной перочинный нож с железным лезвием и костяной ручкой, покрытой позолотой. У западной стенки - железный меч в деревянных ножнах красного цвета, украшенных бронзовыми обоймами. У острия клинка, у рукояти и в верхней части меча - крепления к поясу - бронзовая пряжка, янтарная ворворка с железным штырем. Клинок в разрезе линзовидного сечения, перекрестие отсутствует, навершие из халцедонового диска и бронзового гвоздя с четырехлепестковой шапочкой. Против левого плеча по центру могилы - бронзовый ковш усеченнотрапециевидной формы с округлым дном. У ручки ковша лежал круглый деревянный предмет (чаша), от которого сохранились 15 оковок из белого металла (треугольные, круглые, трапециевидные). Ниже этого предмета, напротив берцовых костей - подпружные пряжки, пронизи и удила. Рядом с удилами биметаллический нож с железным клинком подтреугольного сечения и бронзовой ручкой с овальным навершием, находившийся в кожаных ножнах. Восточнее сбруи лежал массивный каменный оселок подпрямоугольной формы, подпрямоугольного сечения. Южнее сбруи фрагменты упряжи, состоящие из шести прямоугольных пластин из белого металла и одной прямой пластиной. Пластины крепились к кожаным ремням с помощью бронзовых заклепок, шляпки которых были из белого металла. Рядом с одной из пластин лежала железная, круглая пряжка, изготовленная из проволоки прямоугольного сечения. Вся упряжь была покрыта тканью пурпурного цвета. У южной стенки, по центру, гончарный, красноглиняный, плоскодонный кувшин с шаровидным туловом (рис. 33, 1-32).

Курган 12 (рис. 31, III). Насыпь земляная, уплощенная, в плане круглая. Высота ее 0,15 м, диаметр 8 м. Могильная яма прямоугольной формы оказалась смещенной на 1 м к западу от условного центра. Ориентирована строго по линии С-Ю. Стенки прямые, дно ровное. Длина ее 1,9, ширина 0,35-0,5 м, глубина 1,2 м. Вдоль западной стенки был вырыт подбой, углубленный на 15 см по от-

ношению к входной яме. Потолок ровный. Высота камеры 0,5 м, ширина 0,75 м. На дне подбоя, вытянуто на спине, головой строго на север, лицом на запад лежал скелет взрослого человека (мужчины?). Череп имел искусственную деформацию. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти - у таза. Ноги лежат прямо. Между тазом и кистью левой руки найден плохо сохранившийся железный предмет, возможно нож.

Сооружение 13 (святилище) (рис. 30, I). Расположено в центральной части могильника. Земляное, уплощенной формы, четырехугольное в плане, ориентировано СЗ-ЮВ. По периметру просматривались невысокие валы. Сооружение размерами 18х14 м. В пределах сооружения на глубине 15-35 см от поверхности встречены обломки сосудов. В северном углу - от лепного, толстостенного, сероглиняного, в центре - от красноглиняного, плоскодонного, гончарного. В южном, западном и восточном углах вала зафиксированы остатки кострищ (уголь, зола, обожженная почва, обожженные кости животных). У южного кострища обнаружено могильное пятно, засыпь которого (желтый песок) четко выделялась на фоне черно-серой, золистой почвы. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Длина могилы 2,1 м, ширина в южной части 40 см, в северной 55 см. Стенки расширяются ко дну, образуя ниши (глубиной 10-20 см). На дне могилы, на глубине 1,75 м в деревянном гробу вытянуто на спине головой на ССЗ, с небольшим отклонением лежал скелет взрослого человека. Лицом к западу, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямо. У кисти правой руки лежал кусок серы. Между ребрами и лучевой костью левой руки - круглая галька. Инвентарь: между гробом и правой плечевой костью - каменный оселок удлиненной, прямоугольно-овальной формы, ромбического сечения. В одном из концов круглое отверстие. На тазовой и между берцовыми костями обнаружены два железных, черешковых, трехлопастных наконечника стрел. Железная пряжка, круглой формы, со спекшимся язычком - у стенки гроба против правой берцовой кости. Железные, кольчатые, двусоставные удила. Вдоль левой ноги, лежал железный меч без навершия и перекрестия (рис. 30,1, 1-6).

Курган 15 (рис. 22, IV). Диаметр 5 м, высота 0,06 м. Под насыпью почти в центре выявлена узкая прямоугольная могила с закругленными углами, длиной 2,3 м, шириной 42-59 см, глубиной 75 см, ориентирована СВ-ЮЗ. По центру лежал человеческий череп с искусственной затылочной деформацией и в беспорядке некоторые другие кости человеческого скелета.

Курган 17 (рис. 32, IV). Насыпь земляная, уплощенной формы, в плане круглая, диаметром 6 м, высотой 0,06 м. В юго-восточном секторе у подошвы кургана на глубине 15 см от высшей точки кургана найдены обломки лепных сосудов (рис. 32, IV, 9-12). В одном из горшков найдена лошадиная лопатка. В юго-восточном секторе четко выделялось пятно могильной ямы подпрямоугольной формы, ориентированное СЗ-ЮВ. На древней поверхности у стенок ямы и в самой яме встречались куски обгоревшего дерева (остатки перекрытия).

Размеры ямы на поверхности: 1,65х35-53 см. В засыпи на глубине 70 см встречались куски обгоревших жердей, лежавших поперек. Ко дну западная стенка могилы расширялась, образуя неглубокую нишу. На дне могилы, на глубине 1,35 м лежал плохо сохранившийся скелет взрослого человека (женщины?), вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на запад, руки вытянуты вдоль туловища, правая нога согнута в колене, левая - прямо. В районе шейных позвонков обнаружено ожерелье из пастовых и гагатовых, цилиндрических и звездообразных бусин.

Курган 18 (рис. 32, V). Насыпь земляная, уплощенная, в плане круглая. Диаметр 10 м, высота 0,16 м. В насыпи на глубине 15 см в северо-восточном секторе раскопа встречены трубчатые кости барана. Яма прямоугольной формы (0,55х2 м) ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Глубина 1 м. На дне могилы вытянуто на спине, головой на ССЗ, лежал скелет взрослого человека. Череп искусственно деформирован. Никаких находок при нем не обнаружено.

Курган 19 (рис. 22, III). Насыпь земляная, уплощенная, в плане круглая. Диаметр 12 м, высота 0,35 м. В центре кургана выявлено могильное пятно. Прямоугольная яма ориентирована строго по линии С-Ю. Длина ее 2 м, ширина 0,6 м. На дне могилы, на глубине 1,25 м лежал скелет взрослого человека на спине,

головой на север. Лицо обращено к западу. Череп искусственно деформирован. Правая рука вытянута, левая согнута в локте. Левая нога вытянута, правая согнута в колене, образуя «атакующую» позу. Под левым локтем поднята раковина. Она обильно покрыта песчинками (рис. 22, III, 1).

Курган 20 (рис. 34, IV). Насыпь земляная, уплощенная, в плане овальная. Диаметр 7 м, высота 0,2 м. В насыпи встречена кость барана (?). Под насыпью, в центре кургана, на уровне погребенной почвы встречены обломки красноглиняного, гончарного сосуда. Могильная яма подпрямоугольной формы длиной 2 м и шириной 0,9 м, ориентированаССЗ-ЮЮВ, выявлена в центре насыпи. В западном углу могилы была зафиксирована небольшая ступенька, высотой 1 м от уровня дна. Общая глубина ямы 1,2 м, стенки прямые, дно ровное. На дне могилы лежал скелет мужчины (?) плохой сохранности, вытянуто на спине, головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямо, носками врозь. Справа, вплотную к черепу, обнаружен лепной плоскодонный сосуд в развале с шаровидным туловищем, с округленным, отогнутым наружу венчиком и украшением в верхней части рядом из шести умбонов-сосков. В тесте примесь шамота. Между лучевыми костями левой руки и восточной стенкой обнаружен в обломках лепной красноглиняный уплощенный сосуд с шаровидным туловом и высокой прямой горловиной. В верхней части горла прослеживается горизонтальное ребро. Вертикально по плечу нанесены прерывистые линии черно-коричневого ангоба. В тесте примесь шамота. У кисти левой руки лежала бронзовая, пружинная фибула с коленчатоизогнутой, ромбической спинкой (рис. 34, IV, 32-34).

Курган 24 (рис. 32, VI). Насыпь земляная, уплощенная, в плане круглая, диаметром 8 м, высотой 0,14 м. В насыпи, на глубине 25-30 см встречены фрагменты лепного сосуда - у южной периферии, трубчатая кость животного - у северной. В центре насыпи выявлена прямоугольная яма (0,45х1,61 м), ориентированная ССВ-ЮЮЗ. Глубина ее 1,25 м. Вдоль ее западной стенки прослежен подбой, углубленный на 45 см по отношению к входной яме. Ширина подбоя 0,65 м. Ширина ступеньки 0,25-0,35 м. Стен-

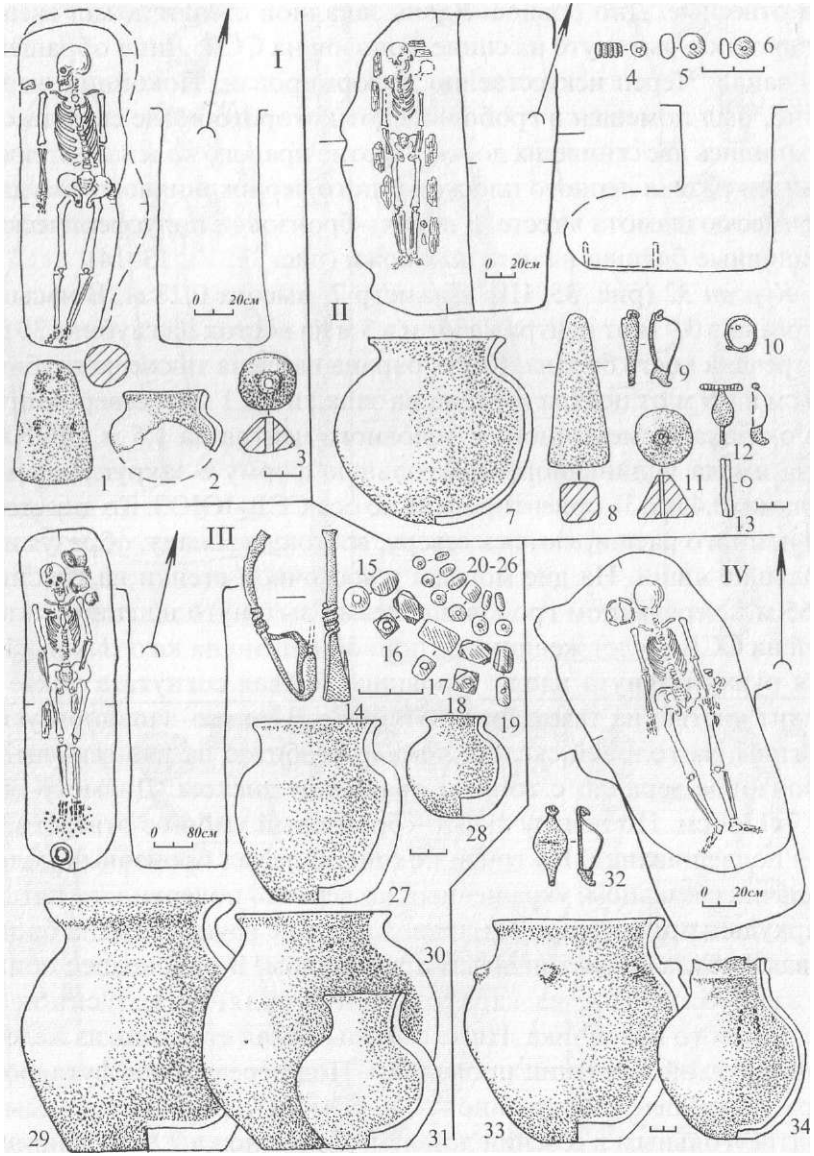


Рис. 34. Могильник Целинный I.

I - курган 82; II — курган 44; III — курган 41; IV - курган 20.
1, 4—6, 8, 15—26 — камень, стекло; 2, 3, 7, 1 1, 27-31, 33, 34 — керамика;
9, 10, 12, 13, 14, 32 - бронза

ки отвесные. Дно ровное. Вдоль западной стенки лежал скелет подростка, вытянуто на спине, головой на ССВ. Лицо обращено на запад. Череп искусственно деформирован. Покойник, вероятно, был помещен в гробовище, от которого возле скелета сохранились две сгнивших доски. Против правого колена, у стенки, найден развал лепного плоскодонного черноглиняного сосуда с примесью шамота в тесте. В ногах - бронзовые полусферические нашивные бляшки на остатках кожи (рис. 32, VI, 13-14).

Курган 32 (рис. 35, III). Диаметр 7, высота 0,28 м. В насыпи кургана в 0,7 м от центра на юг и в 3 м на восток на глубине 30 см встречена кость барана. Кость барана найдена также на глубине 40 см в 1,9 м от центра кургана на запад и в 1,1 м на север. Могила оказалась смещенной от условного центра на 1,5 м к ЮЮЗ. Она имела удлиненнопрямоугольную форму с закругленными углами (0,45х2,3), ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Ко дну стенки немного расширяются к северу, востоку и западу, образуя небольшие ниши. На дне могилы у восточной стенки на глубине 1,65 м в деревянном гробовище лежал вытянуто на спине головой на ССВ скелет женщины. Лицо обращено на юго-запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и лежит кистью на тазе. Ноги вытянуты. В северо-западном углу могилы, за головой скелета лежало разбитое на ряд сегментов бронзовое зеркало с тонким овальным диском. Диаметр его 10,7х11,4 см. По центру диска - бронзовый умбон с отверстием для подвешивания. На груди покойной лежал бронзовый колокольчик с кольцом, украшенный по верхней поверхности пятью циркульными кругами. На правой стороне груди найдена бронзовая фибула с пластинчатым приемником. В районе шеи обнаружено ожерелье из гагатовых и стеклянных бусинок и гранатового кулончика. Ниже фибулы лежал стержень из железной, круглой в сечении проволоки. Под деревянным футляром зеркала найден железный нож, с коротким черешком и прямым подтреугольным в сечении лезвием. Длина ножа 7,8 см, ширина 1,9 см. За пределами гробовища, в южном конце ямы, стоял наклоненный набок лепной сероглиняный горшок. В тесте примесь

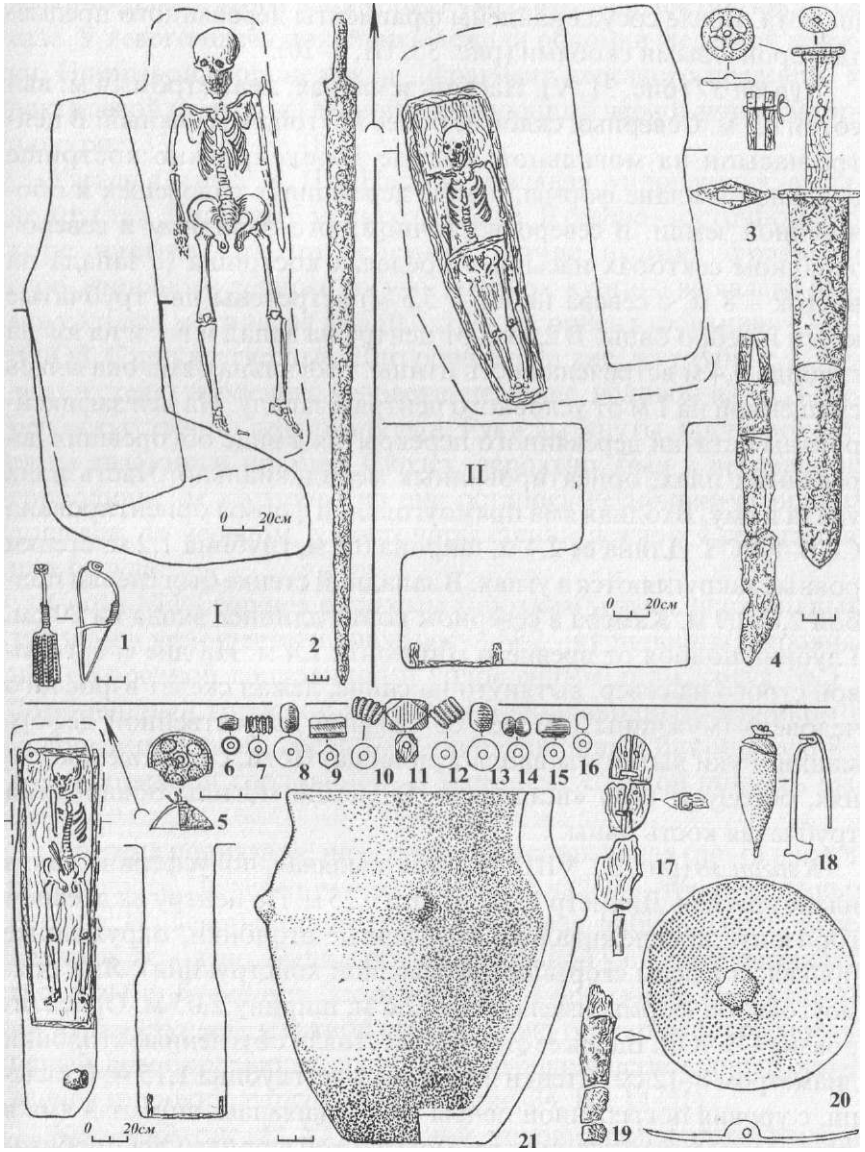


Рис. 35. Могильник Целинный I.

I - курган 64; II - курган 57; III - курган 32.
1, 5, 18, 20 - бронза; 2, 4, 19 - железо; 3 - железо, бронза, дерево;
6-9, 12-16 - стекло, гагат; 11 - гагат, бронза; 17 - дерево, бронза

шамота. Возле сосуда найдены фрагменты деревянного предмета с бронзовыми скобами (рис. 35, III, 5-20).

Курган 37 (рис. 31, V). Насыпь земляная, диаметром 14 м, высотой 0,5 м. Северный склон ее более крутой, чем южный. В центре насыпи на могильном выкиде зафиксировано кострище овальной в плане формы, в виде деревянных головешек и обожженной земли. В северо-восточном, юго-западном и северо-западном секторах насыпи в пределах кострища (с запада на восток - 8 м, с севера на юг - 5,5 м) встречены две трубчатые кости и ребро овцы. В 2,25 м от центра на запад и в 1 м на юг на глубине 0,4 м встречена кость птицы. Могильная яма оказалась смещенной на 1 м от условного центра к западу. На ней зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде обгоревших деревянных плах, ориентированных меридианально. Часть плах упала в яму. Входная яма прямоугольной формы ориентирована ССВ-ЮЮЗ. Длина ее 2,4 м, ширина 0,9 м, глубина 1,2 м, стенки ровные закругляются в углах. В западной стенке был сделан подбой 2,6х0,9 м. Камера в северном конце длиннее входа на 20 см. Глубина подбоя от древнего горизонта 1,4 м. На дне его, головой строго на север, вытянуто на спине, лежал скелет взрослого человека (мужчины?). Череп со следами искусственной деформации. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги, согнутые в коленях, образуют позу «всадника». В засыпи могилы обнаружена трубчатая кость овцы.

Курган 38 (рис. 32, VIII). Насыпь земляная, полусферическая, в плане круглая. Диаметр 12 м, высота 0,25 м. По центру на древнем горизонте прослеживались обугленные столбики, окруженные прокалом (следы сгоревшей деревянной конструкции). Яма прямоугольной формы имела длину 2,6 м, ширину 2,05 м. Ориентирована СЗ-ЮВ. Вдоль ее стен до дна стояли обугленные столбики диаметром 8-12 см. Стенки ямы отвесные, глубина 1,15 м. В засыпи, с уровня погребенной почвы прослеживалась впускная яма в виде черноземной засыпки прямоугольной формы. Она пробивала дно первичной ямы на 10 см. Размеры ее 1х2,1 м. Ориентирована строго вдоль длинных стенок первичной ямы. На дне, на спине, головой на СЗ, скелет взрослого человека. Череп искусственно

деформирован. Ноги вытянуты. Руки согнуты в локтях, кисти на тазе. У левого плеча покойника лежали обломки железной пряжки. На правой стороне груди - фрагмент железного предмета. У локтя левой руки стоял лепной плоскодонный черноглиняный горшок (рис. 33, VIII, 15-18).

Курган 41 (рис. 34, III). Насыпь земляная, уплощенная, в плане круглая. Диаметр 6 м, высота 0,12 м. В северо-восточном секторе насыпи, на погребенной почве поднят фрагмент серо-глиняного лепного сосуда. В центре кургана выявлена прямоугольная могильная яма (0,5х1,95 м), ориентированная ССВ-ЮЮЗ. Стенки отвесные. Дно ровное. На дне, на глубине 1,30 м лежал скелет взрослого человека, на спине, головой на ССЗ. Череп искусственно деформирован. Руки вытянуты, кисти покоятся на тазе, ноги прямые. Скелет, вероятно, был в деревянном гробовище, от которого на дне осталось несколько сгнивших дощечек, за черепом, у восточной стенки лежало 4 сероглиняных сосуда:

Сосуд № 1 - горшок с прямым коротким устьем, шаровидным туловом и уплощенным дном; сосуд № 2 - курильница шаровидная с короткой горловиной и уплощенным дном; сосуд № 3 - бомбовидный горшок с коротким воронковидным венчиком и уплощенным дном; сосуд № 4 - плоскодонный биконический с воронковидной горловиной. В тесте всех сосудов примесь шамота.

У черепа поднята медно-серебряная спиральная серьга плохой сохранности. За черепом и на туловище найдено три стеклянных бусины. На левой стороне груди бронзовая фибула. Ноги погребенного, вероятно, были в обуви, унизанной у ступней бисером и гагатовыми бусинами. Здесь же лежали бронзовые колокольчики. Ниже ступней, у южной стенки, стоял гончарный, красноглиняный, ангобированный сосуд. Тулово биконическое, дно плоское, венчик широкий, отогнут наружу (рис. 34, III, 14-31).

Курган 42 (рис. 22, V). Земляной, уплощенной формы, в плане круглый. Диаметр 6 м, высота 0,08 см. Уровень раскопа доведен до глубины 30 см. В центре прослежено могильное пятно подпрямоугольной формы. В процессе раскопок выяснилось, что это

была подбойная яма с прямоугольным входом (0,4х1,6), ориентированная СВ-ЮЗ, глубиной 0,8 м. Вдоль ее восточной стенки прорыт подбой прямоугольный в плане (0,5х1,8 м). Глубина подбоя от уровня древнего горизонта 1,6 м. Никаких находок не обнаружено.

Курган 44 (рис. 35, II). Насыпь земляная, полусферическая. Высота 0,47 м, диаметр 12 м. В северо-западном секторе найдена кость лошади. По периферии - кольцевой вал из желтой глины шириной 0,5 м, толщиной 15-20 см, диаметром 9,5 м. Могильная яма узкая, прямоугольная, ориентированная ССЗ-ЮЮВ. Длина 2,2 м, ширина 0,55-0,7 м, южная стенка более узкая, чем северная. В западной стенке подбой высотой 0,6 м, шириной 0,8 м. Потолок ровный. Камера в плане прямоугольная. На дне подбоя на глубине 1,2 м от погребенной почвы в деревянном гробу (продольные доски находились над и под скелетом) лежал скелет взрослого человека (женщины) вытянуто на спине головой на ССЗ. Руки вдоль туловища, кисти - у таза. Ноги вытянуты. Лицо обращено к западу. Справа от головы находился в развале сероглиняный лепной круглодонный сосуд с примесью шамота в тесте. Тулово шаровидное, устье воронковидное. У левого плеча - трубочка (рукоять нагайки?) с деревом внутри. Левее трубочки - бронзовая фибула лучкового типа. Против нее на правой груди - двучленная фибула с верхней тетивой. По левой и правой стороне от черепа - две серебряные кольцевидные серьги. На уровне таза - 28 плоскоцилиндрических гагатовых бусин. Слева от таза - глиняное пряслице конической формы. Ниже - пирамидальный кусок мела длиной 11,9 см (рис. 35, II, 4-13). Череп искусственно деформирован.

Курган 45 (рис. 31, VI). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 10 м, высота 0,27 м. В северо-западном секторе на глубине 35 см (на уровне погребенной почвы) в 1,2 м на север и в 2 м на запад - трубчатая кость животного. Могильная яма прямоугольной формы (0,7х2 м) располагалась в центре кургана. Ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Углы ямы сильно закруглены. Стенки прямые, дно ровное. На дне на глубине 1,2 м вытянуто на спине

головой на ССЗ лежал скелет взрослого человека. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти прижаты к тазу, ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Курган 47 (рис. 32, VII). Насыпь земляная. Южный склон более пологий, чем северный. Высота 0,38 м, диаметр 12 м. В северо-восточном секторе на глубине 30 см - фрагмент кости животного. В юго-восточном секторе на глубине 20 см - также кости животного. На глубине 35-40 см от поверхности в центре кургана (на погребенной почве) зафиксировано кострище в виде фрагментов обожженного дерева и прокаленной земли. Диаметр кострища 4 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму, размерами 0,8х1,8 м. Стенки прямые, дно ровное. На дне, на глубине 1,6, м вдоль западной стенки вытянуто на спине головой на ССВ лицом на восток - скелет взрослого человека. Череп искусственно деформирован. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога вытянута, левая согнута в колене. В ногах погребенного находился железный крюк (фрагмент удил?) из толстой проволоки диаметром 1 см. От правого плеча вдоль стенки лежал железный меч плохой сохранности без навершия и перекрестия. В районе живота - бронзовая лучковая фибула (рис. 33, VII, 19-21).

Курган 49 (рис. 36, II). Насыпь земляная, уплощенная, в плане подквадратная с закругленными углами. Высота 0,65 м, диаметр 17 м. У северной и южной подошв оплывшие ровики. Под насыпью в южном ровике - кости овцы. Могильная яма прямоугольная. Ширина 0,65 м, длина 1,35 м, глубина 1,1м. Вдоль западной стенки идет подбой, углубленный на 75 см, шириной 1 м. На дне в прямоугольном деревянном гробу из тонких досок, вытянуто на спине, головой на север лежал скелет подростка. Искусственно деформированный череп раздавлен. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. На голове - матерчатая шапочка, расшитая двойными полусферическими нашивками. По краям ее на нитках - круглые пластинчатые подвески (серебро с медью). Слева у черепа - призматическое пряслице (?) и деревянная чашечка плохой сохранности, укрепленная по краю бронзовыми оковками. Здесь же две бронзовые бляшки. Вдоль локтя правой руки лежал желез-

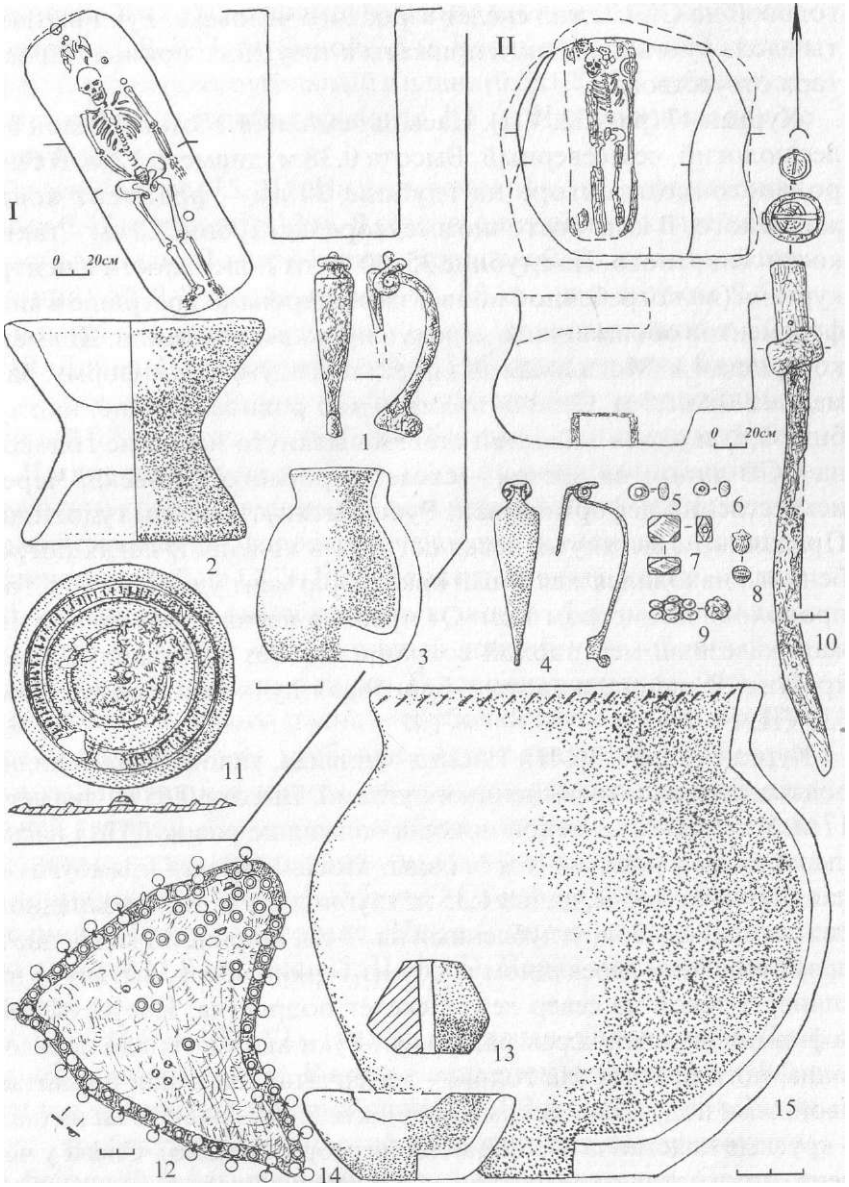


Рис. 36. Могильник Целинный I.
I - курган 81; II - курган 49. 1 - железо; 2, 3, 13, 15 - керамика; 4, 11 - бронза; 5-9 - стекло; 10 - железо, дерево; 12 - кожа, серебро; 14 - дерево

ный нож в деревянных ножнах с приварившейся к лезвию железной пряжкой (сохранность плохая). Рядом рукоять нагайки - деревянная трубочка, обтянутая кожей, с серебряным колпачком и кольцом, стянутым бронзовыми гвоздиками. Справа на груди - бронзовая лучковая фибула и бусы (рис. 36, II, 4-10, 12-15).

Курган 53 (рис. 31, IV). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр Юм, высота 0,2 м. В центре кургана, на глубине 20-25 см, слой прокаленной почвы и обгоревшего дерева. В юго-восточном секторе раскопа в 3 м на восток от «0» и 0,25 м на юг обнаружены кости овцы. Могильная яма прямоугольной формы. Ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Ширина на погребенной почве 0,5 м, длина 2 м. Стенки прямые. Материк рыхлый желтый суглинок. На дне ямы вытянуто на спине головой на ССЗ скелет человека. Деформированный череп обращен лицевой частью на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Курган 55 (рис. 37, I). Насыпь земляная, в плане эллипсовидная, вытянута с севера на юг. Диаметр 10,6 м, высота 0,23 м. Под насыпью на глубине 25 см на погребенной почве в 1,3 м на восток и в 0,5 м на юг от «0» в кучке лежали десять овечьих астрагалов. На глубине 40 см в 1 м к северу и западу от «0» - остатки кострища (обожженная почва и обгорелое дерево). Могильная яма с подбоем, имела прямоугольную форму (0,35х2,6 м). Высота подбоя 0,5 м, ширина 1 м, глубина 1,2 м. В подбое по центру лежал скелет подростка вытянуто на спине головой на ССВ. Искусственно деформированный череп обращен лицевой частью на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые, сведены носками друг к другу.

В ногах стоял лепной уплощеннодонный горшок с бомбовидным туловом и короткой отогнутой горловиной. Украшен по венчику косыми ногтевыми вдавлениями. Плечико сосуда украшено легкими пальцевыми защипами. В тесте примесь шамота. Поверхность серая (рис. 37,1, 1).

Курган 56 (рис. 22, II). Насыпь земляная, уплощенная. Высота 0,15 м, диаметр 8 м. Могильная яма неправильной прямоугольной формы, размерами 1,6х2 м. В засыпи трубчатая кость овцы.

С глубины 0,7 м остатки деревянного перекрытия размерами 0,25х1 м. Толщина плах 3 см, положены СВ-ЮЗ. На дне ямы на глубине 1,5 м, в центре найден кусок мела. На дне следы истлевшего скелета ребенка. Инвентарь отсутствовал.

Курган 57 (рис. 35, И). Насыпь земляная, полусферическая. Диаметр 10 м, высота 42 см. Вокруг нее следы заплывшего подкурганного ровика. Могильная яма прямоугольной формы (0,65х2,15 м) ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Глубина 1,65 м. Вдоль ее западной стенки - подбой прямоугольной формы высотой 0,9 м, шириной 1 м.

На дне подбоя в деревянном гробу, сужающимся в южной части, на меловой подсыпке вытянуто на спине головой на ССЗ лежал скелет человека. Лицом на запад. Череп искусственно деформирован. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые.

У левого бедра железный кинжал без перекрестия с навершием в виде бронзового колесика. На клинке сохранились следы деревянных ножен. Под кинжалом длинный железный нож с костяной ручкой, насаженной на штырь, и прямой спинкой, резко заостренный у края лезвия (рис. 35, II, 3, 4).

Курган 64 (рис. 35, I). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 13,5 м, высота 0,35 м. В северо-западном и юго-восточном секторах насыпи найдены кости барана, соответственно, трубчатая и часть челюсти. Яма подпрямоугольной формы (2х0,6 м) была ориентирована, с небольшим отклонением по линии С-Ю.

Вдоль восточной стенки с глубины 55 см от уровня погребенной почвы был сделан подбой. Подбой имеет прямоугольную форму длиной 2,2 м, шириной 0,65 м. В засыпи подбоя над скелетом найдено ребро барана. На дне подбоя, на глубине 1,3 м от уровня погребенной почвы, вытянуто на спине, головой на север с некоторым отклонением к западу лежал скелет взрослого человека (мужчины ?). Череп, имеющий следы искусственной деформации, обращен лицевой частью вверх, руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежат прямо, «носками врозь». Вдоль восточной стенки (от плеча и до верхней части берцовой кости) в деревянных ножнах (сохранились остатки дерева) - железный меч

очень плохой сохранности без навершия и перекрестия. Между ногами покойного обнаружена пружинная, бронзовая фибула с пластинчатой спинкой, орнаментированной тремя вертикальными линиями оттиснутых кружков, пространство между которыми было заштриховано диагонально прочерченными линиями (рис. 35,1, 1,2).

Курган 71 (рис. 37, V). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 8 м, высота 0,8 м. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами обнаружена по центру кургана. Ориентирована СЗ-ЮВ. Сужается к юго-востоку. На поверхности длина ямы 2,03 м, ширина 0,7-0,45 м. Размеры могилы на глубине 1,2 м от погребенной почвы 2,13х0,8-0,45 м. В центре ямы, на животе, головой на СЗ, лежал скелет женщины. Левая рука находилась под туловищем, правая отброшена к северной стенке, ноги отклонены к северной стенке и сведены в стопах. Череп имеет следы искусственной деформации. Возле шеи найдено ожерелье из восьми граненных, стеклянных и 14 серебряных бусин, а также две серебряные серьги с нанизанными на них граненными бусинами. Между коленями скелета лежала ребристая, голубая, стеклянная, боченковидная бусина (рис. 37, V, 9-14).

Курган 72 (рис. 31,1). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 8 м, высота 0,11 м. В юго-западном секторе насыпи на глубине 20 см найдено ребро лошади. Обломки трубчатых костей лошади (?) встречены в северо-восточном и юго-восточном секторах на этой же глубине. Яма овальной формы (1,45х2,7 м) ориентирована С-Ю. В верхней части засыпи встречено ребро лошади (?) и угольки. Стенки ямы постепенно сужались, образуя уступ высотой 17 см от дна могилы. Глубина ямы 1,7 м от уровня погребенной почвы. В яме вытянуто на спине, головой на север, на органической подстилке, лежал скелет мужчины. Деформированный череп обращен лицевой частью к западу. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежат прямо. Справа от черепа лежал железный предмет - прямоугольная пластина треугольного сечения, вероятно, обломок ножа. Справа от черепа, у плеча, остатки плохо сохранившегося плоского кружка.

Курган 80 (рис. 37, II). Насыпь уплощенная, земляная с включением щебня. Диаметр с запада на восток 7,5 м, с севера на юг 6,6 м, высота 0,13 м. В северо-восточном секторе насыпи на глубине 25 см обнаружена кость овцы. Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами (размеры на поверхности 0,5х1,7), была ориентирована строго С-Ю. Глубина 1,1 м до уровня погребенной почвы. Вдоль восточной и южной стенок уступ высотой 0,2 м от дна могилы. В западной стенке - ниша глубиной до 15 см. По дну яма ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. На дне могилы, вытянуто на спине, головой на ССЗ лежал скелет подростка. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти у таза. Череп со следами искусственной деформации, лицевой частью был обращен вверх. В ногах, у западной стенки стоял красноглиняный, плоскодонный кувшин с биконическим туловом, высокой вертикальной горловиной, украшенной пятью горизонтальными желобками и Г-образной ручкой. В тесте примесь шамота. Под скелетом, в области таза и костей ног, обнаружен коричневый тлен, по-видимому, остатки одежды (рис. 37, II, 2, 3).

Курган 81 (рис. 36,1). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 12 м, высота 0,37 м. В насыпи на глубине 40 см найдена трубчатая кость овцы. На глубине 30 см, в 1 м севернее, найдена лопатка овцы. Могильная яма прямоугольная с закругленными углами. Длина 1,95 м, ширина 0,7 м, ориентирована СЗ-ЮВ. На дне на глубине 1,2 м лежал скелет девушки (?), вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая кисть - на тазе, правая - рядом с тазом. Ноги лежали прямо. Череп искусственно деформирован, обращен лицевой частью вверх.

За головой у северной стенки найдено бронзовое сильно окисленное зеркало с умбоном по центру и валиком по краю. Орнаментировано прочерченными линиями. Ближе к черепу - мелкие фрагменты цилиндрической курильницы. Вплотную к черепу - развал лепного уплощеннодонного горшка серого цвета с примесью шамота в тесте. Тулово бомбовидное, устье воронковидное. Слева от сосуда - глиняное пряслице биконической формы. Вокруг шеи - ожерелье из шести 14-гранных трехчленных стеклянных бусин, одной двучленной из красного стекла, пяти круг-

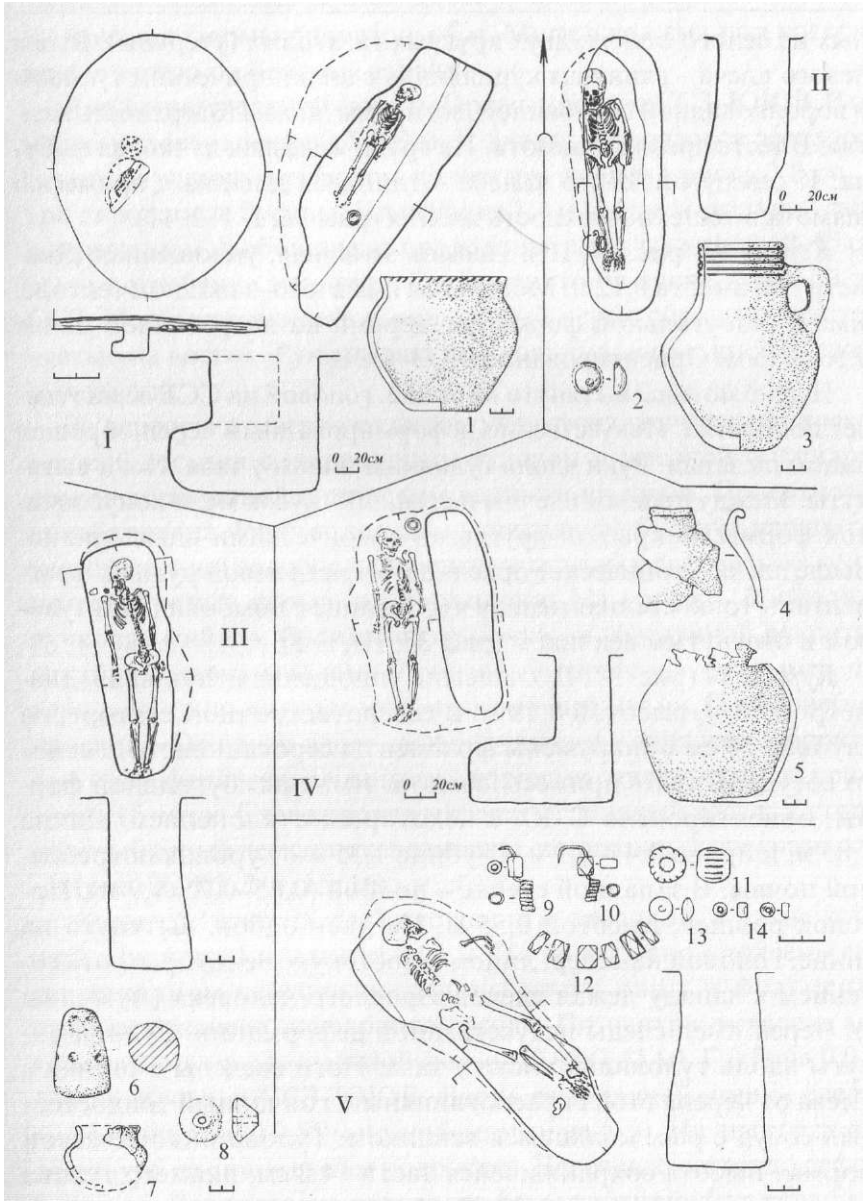


Рис. 37. Могильник Целинный I.

I, 1 - курган 55; II - курган 80; III - курган 82; IV, 4, 9 - курган 84; V - курган 71. 1, 3, 4, 5, 7, 8 - керамика; 2, 6 - камень; 9, 10 - камень, золото; 11-14 - стекло

лых из белого стекла, двух круглых гагатовых (утеряны). Выше левого плеча - глиняная курильница с цилиндрическим туловом и воронковидной горловиной, вогнутым дном. Поверхность желтая. В тесте примесь шамота. На груди железная лучковая фибула. К северу от левого колена - глиняная плошка с примесью шамота в тесте, поверхность желтая (рис. 36,1, 1-3, 11).

Курган 82 (рис. 37, III). Насыпь земляная, уплощенная. Диаметр 7 м, высота 0,12 м. Могильная яма в юго-западном секторе. Яма прямоугольной формы размерами на погребенной почве 0,56х1,75 м. Ориентирована ЮЮЗ-ССВ.

На дне могилы вытянуто на спине, головой на ССВ лежал скелет подростка. Искусственно деформированный череп обращен лицом на запад. Руки вдоль туловища, кисти у таза. Ноги вытянуты. Между правым плечом и стенкой - кусок мела конусовидной формы, покрытый круглыми сферическими вдавлениями. Выше плеча - коническое пряслице. У кисти левой руки во фрагментах - тонкостенная лепная курильница с бомбовидным туловом и отогнутым венчиком (рис. 37, III, 6-8).

Курган 84 (рис. 37, IV). Насыпь уплощенная, земляная, диаметром 10 м, высотой 0,18 м. В северо-восточном секторе, на глубине 20 см обнаружены фрагменты сероглиняного, лепного сосуда. В тесте примесь шамота. Яма прямоугольной формы, ориентирована С-Ю, с некоторым отклонением. Длина 1,85 м, ширина 0,45-0,5 м. Глубина 1,35 м от уровня погребенной почвы. В западной стенке - подбой (0,65-0,75х1,9 м). Потолок ровный, высотой 0,55 м. На дне подбоя, вытянуто на спине, головой на север, лицом к востоку, с некоторым отклонением к западу лежал скелет взрослого человека (мужчины ?). Череп имел следы искусственной деформации. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти у таза. Ноги сведены в ступнях. Слева от черепа стоял красноглиняный, гончарный тонкостенный сосуд с расслоившимся венчиком. Тулово биконической формы. Высота сохранившейся части 14,2 см, диаметр тулова 14 см, днища 8,4 см (рис. 37, IV, 4, 5).

Курган 86 (рис. 26, III). Насыпь уплощенная, земляная, диаметром 9 м, высотой 0,18 м. В центре, на глубине 25 см, кострище круглой формы диаметром 4 м. Могильная яма под кострищем смещена от центра к западу.

Яма прямоугольной формы. Ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Размеры на поверхности 0,7х1,9 м. В засыпи - бронзовое зеркало с боковым ушком и умбоном по центру, диаметр диска 3,8 см, и три стеклянные бусины. На глубине 1,4 м на дне могильной ямы в деревянном гробовище из продольных плах шириной 10-15 см было погребение женщины (?). Вытянуто на спине, головой на ССЗ. Искусственно деформированный череп обращен лицевой частью на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти у тазовых костей.

За черепом в северо-западном углу стоял гончарный плоскодонный сосудик с шаровидным туловом и высокой цилиндрической горловиной с широким валиком по краю. Поверхность ангобирована. Рядом с сосудом - стеклянная бусинка призматической формы (подобна найденным в засыпи) и две свитые в кольцо серебряные серьги из проволоки. На груди - бронзовая лучковая фибула, бронзовая трубочка от деревянной рукоятки нагайки с двумя муфтами, бронзовый перстень с овальным навершием, орнаментированным косыми штрихами, биконическое пряслице. От груди вдоль позвоночника и у запястий - бронзовые полусферические нашивки с парными отверстиями по краю. Всего 15 штук. Слева против голеней - глиняный сосуд. У стоп - круглый серый песчанник, возможно, положенный преднамеренно (рис. 26,111,2-9, 15, 16).

Курган 87 (рис. 28, I). Уплощенный, земляной, в плане круглый. Диаметр 4 м, высота 0,06 м. На погребенной почве в северо-западном секторе встречены кости овцы и фрагменты красноглиняного гончарного сосуда. По центру выявлена могильная яма прямоугольной формы (0,95х1,45 м). Глубина 0,9 м. Ориентирована ССЗ-ЮЮВ. Вдоль ее западной стенки сделан подбой шириной 0,55 м и углубленный на 5 см. На дне его лежал вытянуто на спине скелет подростка. Череп искусственно деформирован. Вероятно, на голове его был головной убор типа башлыка, унизанный бисером. На шее находились стеклянные пронизи, призматические бусины и одна янтарная. Бусы и бисер

встречались и на туловище погребенного. На груди лежали две бронзовые фибулы: одна лучковая, другая с завитком на конце приемника. На правой лучевой кости встречены бронзовые пронизи и бронзовый перстень. На месте левой лучевой кости обнаружено два бараньих альчика, чуть ниже их, у таза - бисер. Бусы также найдены у правой голени. За черепом, в норке суслика, лежали фаланги кистей рук и бусины (рис. 28,1, 1-25).

Курган 88. Земляной, уплощенный по форме, в плане круглый. Диаметр 6 м, высота 0,15 м. На древнем горизонте в юго-западном секторе найден фрагмент лепного сероглиняного сосуда. По центру выявлена прямоугольная яма (0,9х1,1 м), глубиной 0,9 м, ориентированная ССЗ-ЮЮВ. Находок нет.

Курган 89. Земляной, уплощенной формы, в плане круглый. Диаметр 5 м, высота 0,07 м. Глубина раскопа 0,15 м. В западной периферии кургана обнаружена каменная плита. По центру выявлена яма подпрямоугольной формы (0,55х1,4 м), ориентированная ССЗ-ЮЮВ. Стенки отвесные. Глубина 1,1м. Находок нет.

Курган 90. Земляной, уплощенной формы, в плане круглый. В северной поле насыпи, на глубине 25 см встречены кости овцы. На погребенной почве (40 см) подобран фрагмент сероглиняного лепного сосуда. В центре выявлена подпрямоугольная могильная яма (0,8-1х1,6 м), ориентированная ССЗ-ЮЮВ. Стенки отвесные. Восточная нарушена. В заполнении найдены трубчатые кости ребенка.

Курган 92. Земляной, уплощенной формы. Диаметр 6 м, высота 0,07 м. Яма прямоугольной формы, размерами 0,6х1,25 м. На дне в слое известняка найдены остатки скелета младенца, в северной части остатки плохо сохранившегося биконического пряслица.

Далее приводим список памятников, материалы которых учтены в общей обработке статистических данных:

МОГИЛЬНИК ЛЕБЕДЕВСКИЙ. (Багриков Г. И., Сенигова Т.Н. 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (П-1У вв. - XIV вв.) // Известия АН КазССР, сер. общ. наук, № 2).

МОГИЛЬНИК ЛЕБЕДЕВСКИЙ II, IV, V, VI. (Мошкова М.Г., Кушаев Г. А. 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.; Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1978. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1972 г. // Архив ИА АН РК; Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1980. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1980 г. // Архив ИА АН РК). Авторы выносят глубокую признательность М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикову и В.А. Кригеру за возможность использования результатов исследований Лебедевского комплекса в общей систематизации материала.

МОГИЛЬНИК ПОКРОВКА 2, курган 9, погребение 1. (Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимбол Дж., Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. // Курганы левобережного Илека. М. с. 42^15, рис. 47, 63-70).

МОГИЛЬНИК САРАЛЖИН, курганы 1, 2. (Иванов В.А., Фалалеев А.Ф., Ягафарова И.М. 1989. Новые материалы ранних кочевников в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа).

КУРГАНЫ ХВОРОСТЯНСКИЕ. (Пшеничнюк А.Х, Иванов В.А. 1987. Научный отчет об археологических исследованиях в БашАССР и Оренбургской области. Уфа).

ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Погребальный обряд

Рассмотрение памятников столь значительной территории связано с тем, что эти комплексы входят в единый круг памятников, составляющих гунно-сарматскую культуру. Отделять друг от друга какие-либо группы памятников внутри нее было бы, на наш взгляд, пока неправомерно.

Каковы же характерные черты данного историко-культурного комплекса? Основные черты погребального обряда приведены в сводных таблицах (см. табл. 1-6). Могильники этой культуры представляют собой цепочки курганов, ориентированных, как правило, в меридиональном направлении, с отклонением к западу или востоку, имеющим чаще всего ландшафтный характер. В подавляющем большинстве, это самые крупные некрополи для кочевых культур. Они насчитывают от двух-пяТи до ста курганов.

Насыпи курганов сложены из земли. Однако довольно значительное число курганов (17) из пяти могильников (Салиховский, Хворостянский, Линевский, курган 10, Восточно-Курайлинский, курган 3, Жолуткен, курган 3) имели насыпь, сложенную из земли и камня, или каменную кольцевую ограду. В ряде случаев имела место забутовка ямы камнем (Линевский, курган 10, Салиховский, курганы 8, 35, погребение 2). Земляные насыпи округлой формы составляют до 87% от общего числа казахстанских и южноуральских гунно-сарматских комплексов. Диаметр их не превышает 10-15 м, высота до 0,5 м. Особую группу надмогильных конструкций представляет собой сооружение в виде грунтовых склепов, длинных и гантелевидных курганов. Несмотря на то, что общее количество исследованных сегодня склепов не так велико (6 случаев - в западной и 10 случаев - в восточной группах), они являются обязательным элементом в наиболее представительных могильниках этого времени. Большинство из них располагается в степной зоне.

Количество этих сооружений в могильниках возрастает к востоку. Благодаря своеобразию данных конструкций, сегодня к общему числу исследованных комплексов этого вида можно прибавить до двух десятков могильников, включающих от двух-трех до 15 гантелевидных или длинных курганов со склепами. Они обнаружены в степном Зауралье по результатам инвентаризации и аэродешифровочного обследования.

Наземные сооружения

1) Склепообразные курганы (16 случаев) подквадратной почти округлой формы, размеры 22-30х15-25 м, высота 0,5-0,8 м. Ориентированы, как правило, длинными стенками меридионально, в отдельных случаях в южной части имеют вход. С внешней стороны имеют углубленный ров (Болынекараганский, курганы 8, 16, 17; Друженский, сооружения; Явленка, курганы 1, 2; Комсомольский, курган 8; Сибайский, курган 5; Новоникольское, курган 48; Целинный I, курган 13; Сары-Тау, курган 12; Восточно-Курайли I, курган 7; Лебедевка V, курган 1, Лебедевка VI, курган 12, сооружения; Магнитный, курган 3) (рис. 9; 10; 14; 30).

Несложная реконструкция позволяет установить, что данные сооружения возводились путем выемки грунта из внутренней площадки и рвов вокруг нее. Затем, скорее всего, дерновые блоки укладывались в виде стены шириной до 1,5-2 м. В южной части склепа оставлялся проход, сужающийся к югу. Причем, в двух случаях проход оформлен в виде узкого коридора, который выделен неглубоким рвом (Болынекараганский, курган 8) (рис. 9), либо каменными плитами, стоящими на ребре по направлению к югу (Восточно-Курайли **I,** курган 7) (рис. 30, **III).** В двух случаях данный склеп сложен из глиняных обожженных вальков (Новоникольское, курган 48) (рис. 6, **I, II)** или из сырцовых блоков - курган 12 могильника Сары-Тау (рис. 30, **II).** В одном случае (Магнитный, курган 3) вокруг могильной ямы на уровне погребенной поверхности прослежены остатки малого склепа, сооруженного из сырцовых блоков (рис. 14, **III).** Внешне эти конструкции представляют собой неглубокие котлованы, обнесенные прямоугольной оградой, имеющей вход с юга.

2) Длинные насыпи, вытянутые, как правило, по линии С-Ю, имеют размеры 17-10 м, высотой 1,5 м (Болыиекараганский, курган 5, 19; Друженский, курган 5; Целинный I, курган 64; Восточно-Курайли I, курган 17, 26; Лебедевка II, курган 11) (рис. 8; 13).

3) Гантелевидные насыпи и валообразные курганы (3 случая) представляют собой пару курганов, отстоящих по линии 3-В на 10-18 м, соединенных между собой валом длиной от 30 и более метров. Такие курганы были исследованы в Лебедевском комплексе могильников (Лебедевка II, курган 3; Лебедевка V, курган 52; Лебедевка VI, курган 1). Однако, как уже упоминалось (По данным аэродешифровочных исследований И.М. Батаниной и Н.В. Левит), по результатам разведочных исследований в Южном Зауралье сегодня известно 16 насыпей аналогичных форм и размеров, встречающихся среди гунно-сарматских могильников (рис. 38, 134, 135, 148). В большинстве склепообразные, гантелевидные и валообразные насыпи являются надмогильными сооружениями, однако в отдельных случаях, (Болыиекараганский, курганы 6, 16, 17; Восточно-Курайли I, курган 7; Лебедевка V, сооружения; Лебедевка II, курган 3) в насыпях были обнаружены следы кострищ и отдельные предметы. Это позволяет говорить о полифункциональном назначении данных сооружений, а именно, как о-погребальных комплексах и святилищах. При этом стоит отметить, что погребения в данных сооружениях по набору вещевого инвентаря значительно отличаются от рядовых комплексов данной культуры.

4) Особую группу «огнепоклонников» составляют лесостепные комплексы Поишимья. Насыпи или ограды их сложены из глиняных блоков-вальков. На надмогильной площадке и в ямах - следы длительного воздействия огня. Погребение совершалось по обряду трупосожжения над или внутри могильной ямы (Новоникольское, курганы 4, 8; Кенес, курган 11; Берлик, курган 2; Явленка, курган 4) (рис. 6, 1-1У; 19, III).

Как правило, в насыпи содержались жертвоприношения в виде костей животных. Преобладающими являются кости овцы. Единичны находки костей крупного рогатого скота и лошади, которые встречаются, как правило, в курганах самого позднего

периода (Аркаим, Каменный Амбар 5, курган 5, Каннатас, курган 19)

Под насыпью обычно совершается одно захоронение, лишь в восьми случаях зафиксированы парные погребения. Особый случай представляют групповые захоронения в трех курганах Темясовского могильника (Темясовский, курганы 3, 4, 5).

Могильные ямы

1) Подавляющее количество составляют узкие или неширокие прямоугольные ямы (73,2%). Размеры их 1,8-2,5х0,5-0,8 м. Ориентированы они, как правило, длинными стенками в меридиональном направлении. В западной группе значительный процент приходится на могильные ямы с подбоем, устроенном, в основном, в западной стенке. Однако их количество не превышает половины (41,6%). Количество подбоев резко увеличивается к западу. Основную часть погребений с подбоем дали могильники Лебедевского комплекса (61%) (таб. 5). При этом большинство из них содержат женские захоронения (65%). В памятниках восточной группы количество подбоев невелико (7%). Среди Зауральских и Поишимских памятников подбойных и катакомбных погребений единицы (Болыиекараганский, курган 2; Покровский, курган 2; Малково, курган 1) (рис. 7, V; 16; 18, I).

Незначительный процент составляют подквадратные (3 случая) и овальные ямы (13 случаев). Значительное число погребений (40 случаев) имели деревянные конструкции, которые представляли собой продольные и поперечные обкладки стен и конструкции в виде гробов, а также продольные и поперечные перекрытия могильных ям. В двух случаях (Лебедевский (здесь и ниже под названием «Лебедевский» упоминаются курганы 1^1 из раскопок Г. И. Багрикова. Багриков, Сенигова, 1968), курган 2; Целинный, курган 38) стенки ямы облицованы вертикальными плахами. В одном случае (Болыиекараганский, курган 8) была обнаружена деревянная колода. Деревянные конструкции встречены в степных памятниках раннего этапа. Они пропорционально распределяются между комплексами обеих групп. Гробы размерами 1,5-2х0,5-0,8 м, имеют либо трапециевид-

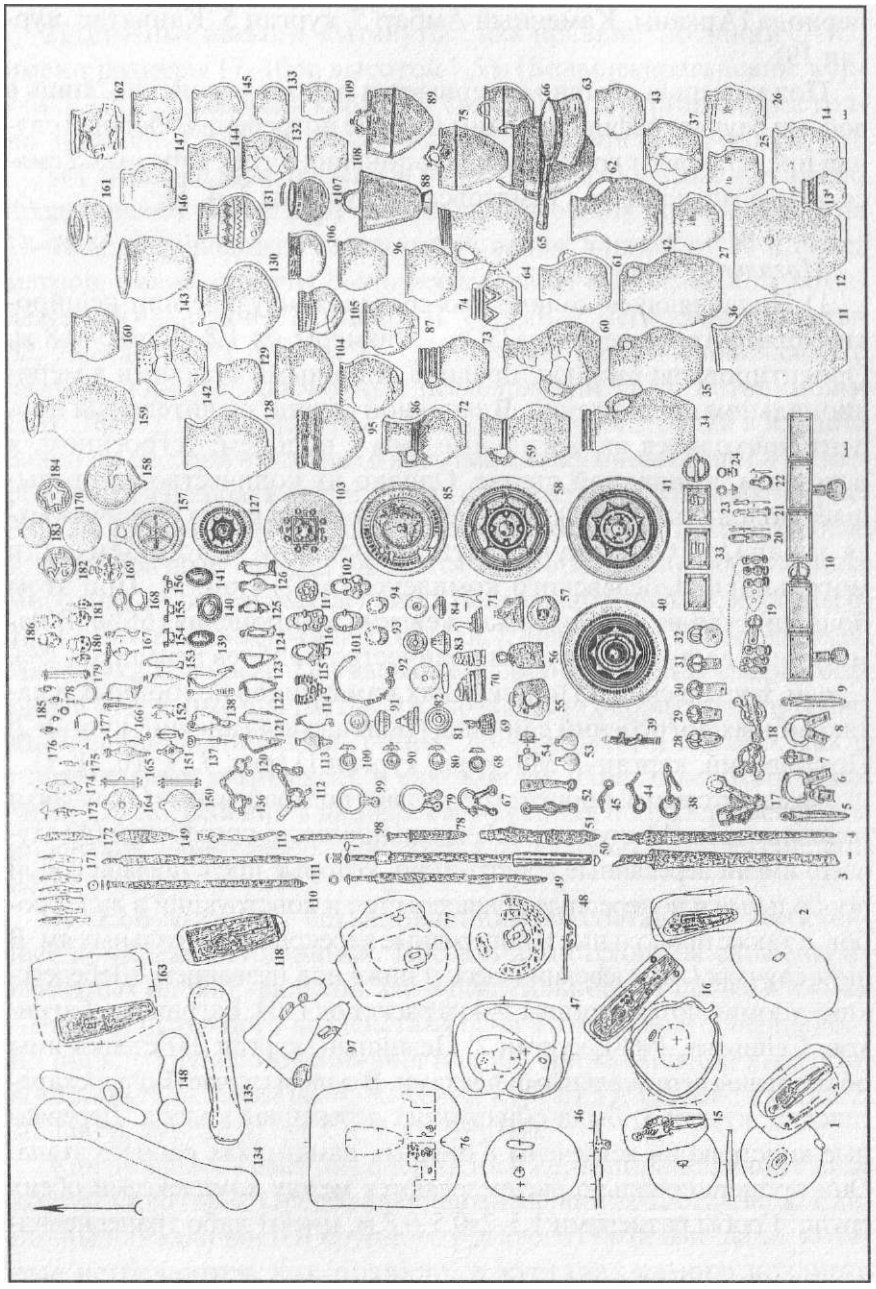


Рис. 38. Комплексы гунно-сарматской эпохи урало-казахстанских степей Н-У вв.

I,4, 45, 82, 171 - Поровский курган 2; 2 - Болыпекараганский; 3,122 - IV Комсомольский, курган 5; 5-9, 17, 39, 41, 101, 107 - Малково, курган 1; 10, 19, 28, 29, 51, 52, 67, 68, 90, 92,95, 100, 104, 105, 114, 140, 141, 152 - Байрамгулово, курган 2, погр. 2;
II, 13,42,70,71 - Восточно-Курайлинский, курган 3; 12 - Целинный, курган 32;
14 - Целинный, курган 20; 15, 73, 169 - Болыпекараганский, курган 19; 16, 60, 66, 120. 145, 146. 168, 182, 185 - Болыпекараганский, курган 8; 18,20-24, 33,44, 50,63 - Целинный, курган 6; 25, 27,98 - Атпа II, курган 3; 26, 173 - Атпа II. курган 4; 30, 79. 99 - II Сибайские, курган 2;
31 IV Комсомольский, курган 4; 32, 48 - Новоникольский, курган 4; 34, 64, 72, 83, 84, 91, 123, 128, 149, 184- Болыпекараганский, курган 18; 35, 36, 127 IV Комсомольский, курган 3; 37, 43, 65 - Восточно-Курайлинский I, курган 33;
38 - Покровский, курган 4; 40, 55,69,115,116,126,138,151,159,161 - Темясовский, курган 3; 44 - Жабай-Покровка, курган 4; 46, 117 - Друженский, курган 5; 47, 53, 54, 61, 109. 133, 150, 164 - Друженские сооружения; 48, 88 - Лебедевка VI, курган 37;
56, 57, 76 - Сары-Тау, сооружение 12; 58 Лебедевка V, курган 23. погр. 2;
59 - Болынекараганский, курган 20; 62 Лебедевка V, курган 49; 74 - Дербеневский, курган 25; 75,77, 80, 81 - Магнитный, курган 1; 78 — Целинный 1, курган 57; 91 - Агаповский, курган 4; 85 Целинный, курган 81; 86,147 IV Комсомольский, курган 8, погр. 1; 87 - Дербеневский, курган 23; 89 - Лебедевка VI, курган 39, погр. I; 93, 94, 113, 127, 154, 186 - Темясовский, курган 4; 96, 143 - Темясовский, курган 7;
97, 175, 176 - Целинный I, сооружение 13; 139, 144, 155, 156 - Друженский, курган 3;
103 Лебедевка VI, курган 39; 106 Малково, курган 2; 102, 108 - Дербеневский, курган 25;
110 Лебедевка VI, курган 2; 111 Лебедевка V, курган 1; 118 - Атпа II, курган 6;
119 Целинный I, курган 49; 121 - Дербеневский, курган 17; 124 - Шатрово, курган 2;
125 Кара Тал I, курган 6; 129 IV Комсомольский,курган 2; 131 Восточно-Курайлинский I. погр. 2; 132 - Георгиевский Бугор, курган 1; 134 Магнитный;
135 - Лебедевка VI, курган 1; 136 Малково. курган 3; 137 - Дербеневский, курган 20; 145, 157,177- 179 Целинный I, курган 86; 148 Лебедевка V, курган 52; 153 - Целинный 1. курган 32; 160 - Целинный I, курган 38; 162 - Друженский, курган 4; 163 Целинный I, курган 44; 170, 183 Джонатан; 174 - Болынекараганский, курган 6.
1,2,15, 16,46^8,76, 77,97, 118, 134, 135,148,163-общиепланы; 3,4,17,50, 56, 57,78,98, 111. 149, 172, 173, 175,176 - железо; 5, 7, 9. 10, 19-24, 28-33, 39, 40, 41, 51-53, 55, 62, 66, 67-69, 75, 79, 80, 88, 89,90,92. 101, 102, 103, ИЗ, 117, 120-127, 137, 138, 150-153, 157, 158, 165-170, 179, 182-184-бронза; 6,8-бронза, кожа; 18,63, 112,136-железо, бронза; 11-14,25-27,34-37,42, 43, 59-61,64, 65, 70-74, 81, 83, 84, 86, 87, 91, 95, 96, 104-109, 128-133;
142-147, 159-162 - керамика; 49 - железо, бронза, камень; 48, 110 - железо, камень;
82 - камень; 93,94, 116, 164-бронза, камень; 114, 139-141, 154-156;
180, 181, 185, 186-золото, камень; 177, 178 -золото, 171-кость

ную форму (расширяются к голове покойного), либо вытянутопрямоугольную форму.

Преобладающее количество погребенных лежали вытянуто на спине головой на север (74,2%). Хотя в подбоях наблюдается большое число погребений на правом боку, при этом значительное число погребенных ориентированы головой на СЗ (10%). В восточной группе 30 погребений (15,8%) имеют отклонения на северо-восток. Они представлены в поздней группе памятников лесостепного Приуралья (могильники II Ахмеровский и Салиховский). В единичных погребениях скелеты лежат головой в юго-восточный сектор (4 случая).

2. Вещевой инвентарь

Вещевой инвентарь погребений достаточно разнообразен и компонуется в три половозрастные группы (мужская, женская, детская).

Мужские погребения из всего числа инвентарных комплексов составляют 36,6%. Для них характерен набор погребального инвентаря, состоящий, прежде всего, из предметов вооружения.

Предметы вооружения

Мечи (18 экз.) - длинные прямые двулезвийные с халцедоновыми или звездочковидными навершиями (Комсомольский IV, курганы 2, 5, 8, погребение 2; Красногор; Покровский, курган 2; Целинный I, курганы 3,6,47,57,64; Атпа I, курган 9; Атпа II, курган 3; Лебедевка V, курган 23 погребение 1; Лебедевка VI, курганы 1, 37, 24, 3, Лебедевский, курган 1) (рис. 18, 38; 25,1, 1; 30,1, 6; 24, II, 4; 32, II, 1, VII, 21; 33, 1; 35,1, 2; 38, 3, 49, 110; 38, 3).

Кинжалы (10 экз.) с прямым перекрестием и круглым навершием (Целинный I, курган 57). Без навершия с накладными ручками (Лебедевка VI, курганы 5, погребение2; 8; 13; 23; 24; 49; Восточно-Курайлинский, курган 3, Целинный I, курган 6; Лебедевский, курган 1) (рис. 9, 60; 11, 2; 26,1, 1; 29, 10; 33, 18).

Сложносоставные луки «гуннского» типа (Альмухаметовский, курган 9, погребение 1; Жабай-Покровка, курган 3, Покровский, курган 2) (рис. 18, 18, 19, 23-25).

Ножи с прямой или слегка изогнутой спинкой (28 экз.) (рис. 5,25; 9, 60; 11,2; 25,2; 26, 1; 29, 10; 31, 2).

Наконечники стрел: железные трехлопастные или трехгранные с коротким черенком и лопастями, срезанными под острым углом (Атпа II, курган 4; Целинный, соор. 13; Восточно-Курайлинский, курган 33) (рис. 25,10; 30,1,2; 31, 3) или четырехгранные, костяные ромбические в сечении (Покровка, курган 2; Явленка, курган 6; Малково, курган 2; Болыиекараганский, курган 6) (рис. 7, IV, 5-6, 8, 12; 18, 1-17; 20,1, 1-4).

Предметы конской сбруи и ременной гарнитуры:

Кольчатые двусоставные удила (16 экз.) (рис. 3, 5; 13, 19; 16, 23; 19, 23; 18, 39; 25, 6; 30, 5; 24, 7; 33, 25);

В некоторых наборах узды встречены сферические накладки листовидные подвески, накладки-зажимы с округлыми окончаниями (Лебедевский, курган 1; Байрамгулово, курган 2 погребение2; Друженский, сооружения; Малково, курганы 1, 8; Уязыбашевский, курган 1; Сибайский II, курган 2; Целинный I, курган 2) (рис. 5, 17-23, 26-29; 13, 5-18; 16, 16, 17, 20, 21; 17, 23; 33, 14, 15, 25; 38, 79, 99), накладки в виде массивных прямоугольных пластин, расположенных вдоль ремня узды. Встречены также поясные восьмерковидные накладки с кольцевыми подвесками и подвесками в виде зажимов и листовидных привесок (Байрамгулово, курган 2; Малково, курган 1,8; Новоникольское, курган 4; Красный Яр I; Покровский, курган 2; Сибайские II, курган 2; Салиховские, курганы 18, 19, 33, 22; II Ахмеровский, курган 10; Целинный I, курган 6; Лебедевка V, курган 23 погребение 1, 2, 26, 31; Лебедевка IV, курган 2; Лебедевка VI, курган 1, 3, 16, 22, 35, 36; Агаповский, курган 6) (рис. 5, 32-38; 6, 4-12; 18, 29-34; 33, 21-23, 26-29; 38, 30).

Ременные пряжки представлены:

односоставными железными пряжками квадратной или круглой формы (13 экз.) (рис. 3, 1-3; 7, 1; 17, 18; 18, 27; 19, 1, 2; 23, 5; 33, 24);

бронзовыми двусоставными пряжками с сегментовидной рамкой с округлым или удлиненным щитком (5 экз.) (рис. 5, 15, 16, 31; 13, 16; 16, 18; 6, 3; 33, 20).

Для женских погребений наиболее характерны нижеперечисленные категории инвентаря. Хотя некоторые из приводимых типов вещей встречаются и в мужских погребениях.

Зеркала

Зеркала представлены тремя типами. Первый характеризуется наличием особого орнамента, узкого бордюра по краю и жемчужиной-ушком для привязывания. Узоры с обратной стороны отражают солярные знаки: тройная свастика, звезда, изображения типа колеса (Болыпекараганский, курган 8, 18, 10; Лебедевский, курган 1,31; Лебедевка VI, курган 35,39; Ульке II, курган 16; Целинный I, курган 32) (рис. 9, 61; 11, 4; 35, III, 20).

К следующему типу относятся зеркала схожей формы с ушком для подвязывания или намечающейся ручкой (Атпа I, курган 19; Целинный I курган 86; Лебедевский, курган 2; Линевский, курган 12; Восточно-Курайлинский I, курган 3; Лебедевка V, курган 19; Лебедевка VI, курган 26, погребение 2) (рис. 7, III, 2; 25, III, 24; 26, III, 9).

Также представлены шесть китайских зеркал, так называемого «восьмиарочного типа», с концентрическим декорированием бордюра, восьмиконечной звездой и ушком для привязывания (Темясовский, курганы 3,4; Красногор; Целинный I, курган 81 (зеркало из кургана 81 могильника Целинный I является, на наш взгляд, подражанием ханьским «восьмиарочным» зеркалам. Несмотря на то, что орнамент не имеет арочек с обратной стороны, но характерная зональность и желобчатая радиальная штриховка окружности позволяет нам, хотя и условно, но относить его к данному типу); Малково, курган 1; Комсомольский IV, курган 3; Лебедевка V, курган 23 погребение 2) (рис. 16, 1; 38, 58, 127; 36, I, И) и китайское «Т»-образное зеркало (Лебедевка VI, курган 39) (рис. 38, 103).

Пряслица

Наиболее массовыми являются асимметричные биконические пряслица (23 экз.) (рис. 7, V, 2; 9, 3, 50; 11, 5, 7, 8).

Конусовидные (7 экз.) (рис. 25, III, 21; 34,1, 3, II, 11).

Дисковидные (4 экз.), как правило, изготавливались из фрагментов керамики.

Боченковидные (7 экз.) (рис. 11,6; 20, II, 5; 26, III, 16).

Биконические симметричные (5 экз.) (рис. 27, II, 1; 29, 16).

Призматические многоярусные (1 экз.) (рис. 17, II, 10).

Округлые с конусовидными окончаниями (1 экз.) (рис. 5, 13).

Фибулы

Фибулы с подвязными приемниками, сильно изогнутой спинкой, покрытой продольной обмоткой (15 экз.) (Болынекараганский, курган 8, 18; Комсомольский IV, курган 6; III Бекешевский, курган 1; Кара-Тал, курган 1; II Сибайский, курган 5; Атпа II, курган 19; Восточно-Курайлинский, курган 3; Целинный I, курганы 41, 87, Лебедевка VI, курганы 4, 28, 39) (рис. 9, 54; 11,1; 29, 13).

Особый подтип составляют три фибулы (Целинный, курганы 6, 64; Темясовский, курган 3; Атпа II, курган 19) с изогнутой спинкой, имеющие частичную обмотку и прямоугольное щитковое окончание в нижней части. На внешней плоскости нанесен граверный орнамент в виде точек, кружков и косых крестов, ограниченных в вертикальных зонах (рис. 25, III, 20; 33, 3; 35,1,1; 38,138).

Фибулы со сплошным пластинчатым приемником, с ромбовидным, овальным или ассимметричным щитком и завитком на конце (33 экз.) (Агаповский, курган 1; Першино; Шатрово, курган 1; Темясово, курганы 3, 4, 7; Комсомольский IV, курганы 5, 8; Альмухаметовский, курган 7; II Ахмеровский, курганы 28, 31 погребение 2; Байрамгулово, курган 2; Целинный I, курганы 3, 20, 32, 44, 47, 49, 81, 86; Атпа I, курган 19; Георгиевский Бугор, курган 1; Жаман-Каргалы, курган 8; Лебедевка II, курганы 2, 5; Лебедевка IV, курганы 1, 19; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 39; Ульке II, курган 16) (рис. 5, 10; 17, I, 15; 23, V, 13; 25, III, 14; 26, III, 6; 28,1,1, II, 42; 32, II, 7; 34, II, 9IV, 32; 35, III, 18; 36, I, 1, II, 4; 38, 126). Подтип составляют две фибулы (Целинный,

курганы 44, 87) с плавно изогнутой спинкой, имеющей овальный щиток с крючком для тетивы и бусиной на головке. Пружина имеет широкую спираль (рис. 28,1, 2; 34, II, 12).

Две шарнирные фибулы: одна со щитком ромбической формы с круглыми отростками по краям (Темясовский, курган 3) и сегментовидная фибула с концентрическими кругами (Лебедевка II, курган 80) (рис. 38, 151).

В наиболее представительных погребениях обнаружены бронзовые котлы, в пяти случаях найдены керамические котлы с ручками и шишечками на них и фрагменты от них (Лебедевка V, курган 2; Болыиекараганский, курган 17; Лебедевка VI, курган 4) (рис. 10, 13).

Бронзовые котлы с яйцевидным туловом и небольшим уплощенным дном и швом в виде веревочки. Ручки петлевидные или арочной формы с грибовидными отростками (Лебедевский, курган 2; Лебедевка II, курган 1; V, курган 1; VI, курганы 24, 36, 39 погребение 1,49; Болыиекараганский, курган 8; Магнитный, курган 3) (рис. 9, 58; 14, 7; 38, 62, 66, 75, 88, 89).

В одном случае котел конусовидной формы с воронковидным поддоном (Лебедевка VI, курган 37) (рис. 38, 88).

Особое место среди погребений знати занимают комплексы, курганов 1 и 2 Лебедевского могильника из раскопок Г.И. Багрикова. Безусловно, основную массу вещевого инвентаря в них составляют типы вещей, характерные для гунно-сарматских памятников (конская узда с кольцевыми удилами и накладками-зажимами, типы ременной гарнитуры с подвижными щитками, двулезвийные мечи с агатовыми круглыми навершиями, бронзовые котлы яйцевидной формы, предметы полихромного стиля, янтарные и стеклянные бусы, типы керамики). Однако в этих комплексах встречены вещи античного и готского происхождения (металлическая посуда средиземноморского происхождения, амфора, металлический инвентарь: копье, топоры-франциски, коса-горбуша, кинжалы, металлические ложки, деревянная посуда и пр.) (Багриков, Сенигова, 1968, рис. 2-5, 8-10, 12-15). На наш взгляд, данные вещи ярко иллюстрируют глубину культурных, торговых и, вероятно, военно-политических западных связей гунно-сарматов.

Серьги. Наиболее распространенными являются *серьги калачиковидной формы* (20 экз.). Простые, изготовлены из бронзы методом восковой модели, либо цельнолитые, либо они изготавливались из двух полустворок и впоследствии спаивались (Дербеневский, курганы 7,20; Кара-Тал, курган 1; Темясовский, курганы 3,5; Малково, курган 1; Друженский, курган 3) (рис. 12, 8; 16,12; 38,101,102, 115, 116). Более сложные изготавливались из золота и имели вставки из сердолика и красного стекла (Лебедевский, курган 2; Дербеневский, курган 20; Темясовский, курган 4; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 22; Байрамгулово, курган 2; Магнитный, курган 3) (рис. 5, 3; 14, 1, 3; 38,93,94, 116, 186). В развитии данных серег наблюдаются следующие особенности. Постепенно они приобретают более гроздевидную форму как за счет раздутий в нижней и боковой частях серег (Друженский, курган 3; Дербеневский, курган 7), так и за счет напаянных шариков (Байрамгулово, курган 2; Лебедевка VI, курган 28; Темясовский, курган 3). Таким образом, наиболее поздние из них представляют собой переходную форму к общеизвестным образцам гроздевидных серег салтовского и кушнаренковско-караякуповского облика.

Подвески (21 экз.). Выполненные в полихромном стиле и украшенные вставками из полудрагоценных (сердолик, агат) камней или красного стекла. В основном, они овальной, округлой или листовидной формы. Вставка, как правило, обрамляется рядом зерни, скани или псевдозерни. Отмечается определенная закономерность в развитии данного вида археологического материала. В ранних памятниках (Восточно-Курайлинский, курган 3; Лебедевка V, курган 49; Болыиекараганский, курган 8; Георгиевский Бугор, курган 1) полихром представлен камнями и стеклом прозрачного или зеленовато-желтого цветов. В более ранних, подвески, как правило, маленьких размеров (до 1 см в диаметре) (рис. 9, 6-10; 28, 27, 28; 29, 1). В более поздних комплексах (1У-Увв.) (Лебедевский, курган 1; Байрамгулово, курган 2; Друженский, курган 3; Салиховский, курган 32) имеют встав-

ки из багряно-красного сердолика или красного стекла и более крупные размеры (рис. 5, 7-9; 12, 9).

На наш взгляд, полихромные калачиковидные серьги и полихромные подвески, обнаруженные в гунно-сарматских памятниках урало-казастанских степей представляют начальный этап развития гуннского полихромного стиля. В этой связи особо стоит упомянуть о находке зажимной, бронзовой, полихромной накладки (Друженский, сооружение), которая украшена стеклянной вставкой (рис. 13, 17), и полихромного перстня с рубиновыми вставками из богатого кургана Лебедевского могильника (курган 1).

Характерным типом являются проволочные подвески с круглой или 14—гранной бусиной и спиралевидными окончаниями (10 экз.) (рис. 5, 6; 12, 4, 5; 17, 11; 35, 11; 38, 9, 10).

Накладки. Круглые (7 экз.), *золотые с фигурным тиснением* накладки обнаружены в Лебедевском, Лебедевке V (курган 50).

Угловые нашивные накладки из золота, серебра, бронзы (206 экз.) (Малково, курган 1; Лебедевский, курган 1; Лебедевка V, курган 49), которые использовались, вероятно, для обшивки воротника и рукавов одежды (рис. 16, III, 7-9). Вероятно, этого же назначения были нашивные бронзовые накладки из кургана 17 • Большекараганского могильника (рис. 10, 3-6).

Височные кольца (6 экз.). Основной тип составляют серебряные височные кольца, изготовленные из круглой проволоки и имеющие спиралевидное окончание с одной стороны (Целинный I, курганы 44, 86; Темясовский, курган 3; Лебедевка IV, курган 19; Дербеневский, курган 2, погребение 1) (рис. 26, III, 2, 3; 34, II, 10).

Браслеты (14 экз.). Спиралевидные, изготовленные из круглого в сечении бронзового или серебряного дрота, со слегка расплющенными концами, заходящими друг на друга (Лебедевка V, курганы 25, погребение 2, 34; Дербеневский, курганы 7, 20).

Круглые в сечении, с расплющенными концами (Дербеневе кий, курганы 2, 5, 7; Салиховский, курган 29).

Желобчатые, бронзовые (Друженский, курган 5; Темясовский, курган 3; Шатрово, курган 1) (рис. 12, 1; 17, 4).

В одном случае (Байрамгулово, курган 2) встречен серебряный браслет, выполненный из круглой в сечении проволоки и имеющий на конце две концентрически закрученные розетки, спаянные между собой. Один из концов браслета имел дополнительную проволочную обмотку (рис. 5, 11).

Перстни (9 экз.). Основное количество находок перстней сделано в сравнительно богатых погребениях 3 кургана Темясовского могильника, что в определенной мере указывает на особую значимость данной категории вещей в среде гунно-сарматов. Они имеют плоский, округлый, овальный или подпрямоугольный щиток. В одном случае щиток имел восьмерковидную форму (Целинный I, курган 87) (рис. 28,1, 4). На темясовских перстнях выгравированы изображения животных (Пшеничнюк, Рязапов, 1976, с. 137, рис. 4). В кургане 1 Лебедевского могильника найден перстень с рубиновой вставкой и зерневыми треугольниками вокруг щитка (Багриков, Сенчикова, 1968, рис. 2, 2).

Колокольчики (И экз.). Имеют два основных типа. Первый составляют массивные, толстостенные, призматической формы с крупными петлями (Темясовский, курган 3; Сарытау, сооружение 2; Лебедевка VI, курган 39, погребение 2) (рис. 30, 7-9). Второй - тонкостенные бубенчики сферической формы, некоторые из них имеют концентрический орнамент в верхней и нижней части (Малково, курган 1; Георгиевский Бугор, курган 1; Целинный, курган 32; Болынекараганский, курган 8) (рис. 16, 2; 28, II, 26; 35, III, 5). Рукоятка одного из колокольчиков из Темясовского могильника (курган 3) выполнена в виде двулицей женской головки. Стороны его имеют орнаментацию в виде опускающихся треугольников, заполненных мелкими кружками (Пшеничнюк, Рязапов, 1973, с. 36, рис. 3, 2).

Бусы. В общей сложности обнаружено до 20 типов бус. Наиболее массовыми являются округлые или цилиндрические (86 экз.) стеклянные и гагатовые, а также сердоликовые и стеклянные 14-гранные бусы, а также округлые, поперечночастные и цилиндрические из светло-серого и белого непрозрачного стекла, бисер.

Гагатовые (243 экз.) - цилиндрической формы и бисер (рис. 14, 6; 28, 9, 11; 24, 2; 34, 2-26; 36, 5, 6).

Боченковидные (33 экз.) небольших размеров, в основном, из глухого белого стекла, хотя есть экземпляры из прозрачного и синего стекла (рис. 28, 14, 45; 29, 6; 34, 15).

Призматические (3 экз.) крупные пронизки из белого или голубого непрозрачного стекла (рис. 26, III, 4; 35, 9)

Пронизи в форме параллелепипеда (17 экз.) или цилиндра (2 экз.) из красного или непрозрачного стекла (рис. 23, V, 11; 28, 8; 34, III, 17).

Четырнадцатигранные (89 экз.) выполнены в основном из сердолика или красного стекла (рис. 9, 20-29, 32-35; 14, II, 5; 16, 3; 19,1, 6; 6, II, 2; 29, V, 11; 28,1, 6; 37, V, 12).

Ребристые округлые (16 экз.), как правило, изготовлены из синего стекла (рис. 37, V, 11).

Подвески (7 экз.) с ушком для подвязывания из белого стекла, как правило, мелких размеров (рис. 9, 17-19; 28,1, 12, 13, 18).

Подвески. Крупные бусы округлой формы (8 экз.), выполненные из горного хрусталя, агата (рис. 7, III, 1; 9, 1, 2, 4; 6, II, 1; 29, 5-7).

Округлые, двух или трехсоставные бусы - пронизки (10 экз.) с внутренней позолотой (рис. 17,1, 8; 28,1, 15, 16; II, 29, 30, 32-35, 40, 41).

Удлиненно-бугристые пронизи (9 экз.) выполнены из бесцветного полупрозрачного стекла с внутренней позолотой (36, II, 9).

Боченковидные, плоские, с валиками по краям (14 экз.), из полупрозрачного желтоватого стекла с внутренней позолотой (рис. 9, 39-46).

Янтарные, многогранные (5 экз.) имеют крестовый или кружковый белый орнамент на плоскостях (рис. 28, II, 46-50).

Круглая, белая с пятью синими продольными разделяющими линиями (Болыиекараганский, курган 8) (рис. 9, 37) или четырьмя белыми рельефными нитями (Лебедевский VI, курган 34).

Цилиндрические или боченковидные (5 экз.), обвитые спи-ралями из стеклянных нитей (Лебедевка IV, курган 23; Лебедевка V, курган 39; Темясовский, курган 5).

Глазчатые (2 экз.) голубая, зеленая с кольцевыми белыми глазками (Болыиекараганский, курган 8) (рис. 9, 30, 49).

Вытянуто-бочковидная (1 экз.) с ковровым (шахматным) орнаментом из кургана 8 Болыиекараганского могильника (рис. 9, 48).

Ножницы (6 экз.) двух типов пружинные (Болыиекараганский, курганы 8, 18; Лебедевка V, курган 49; Лебедевка VI, курган 34, IV Комсомольский, курган 8) (рис. 9, 59; 11, 3) и шарнирные ножницы, найденные в Малковском кургане I (рис. 16, 22).

Ложки. В двух курганах (Магнитный, курган 3; Лебедевка V, курган 49) обнаружены деревянная и костяная ложки (рис. 14, III, 10).

Керамика. Наиболее массовым материалом в погребениях II-IV вв. Урало-Ишимского междуречья является керамика, представленная сосудами разнообразных форм. Условно весь керамический комплекс можно разделить на отдельные группы: горшки, кувшины, кружки, миски. Последние две группы представлены единичными экземплярами. Статистическая обработка керамики по принципу наложения на изображения дециметровой матрицы (Боталов, 1993, с. 135-137) позволил выделить следующие основные типы керамики.

Тип 1 (21 экз.) Узкогорлые кувшины или кувшинообразные горшки с раздутым шаровидным туловом и широким днищем (рис. 39, 1-5).

Тип 2 (20 экз.) Кувшины с высоким прямым горлом, расширяющимся кверху или оканчивающимся раструбом с невысоким раздутым туловом (рис. 39, 6-10).

Тип 3 (25 экз.) Кувшины или кувшинообразные горшки с низким горлом, слабо отогнутым венчиком, бомбовидным или раздутым в средней части туловом (рис. 39, 11-15).

Тип 4 (17 экз.) Круглые горшки с раздутым в средней части туловом и плоским нешироким днищем. Можно выделить два условных варианта: 1-й - горшки с конусовидной нижней частью (рис. 46, 16, 17, 18) и II -й - с округлой (рис. 39, 19).

Тип 5(12 экз.) Приземистые горшки с раздутым туловом, очень короткой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 39, 20-25).

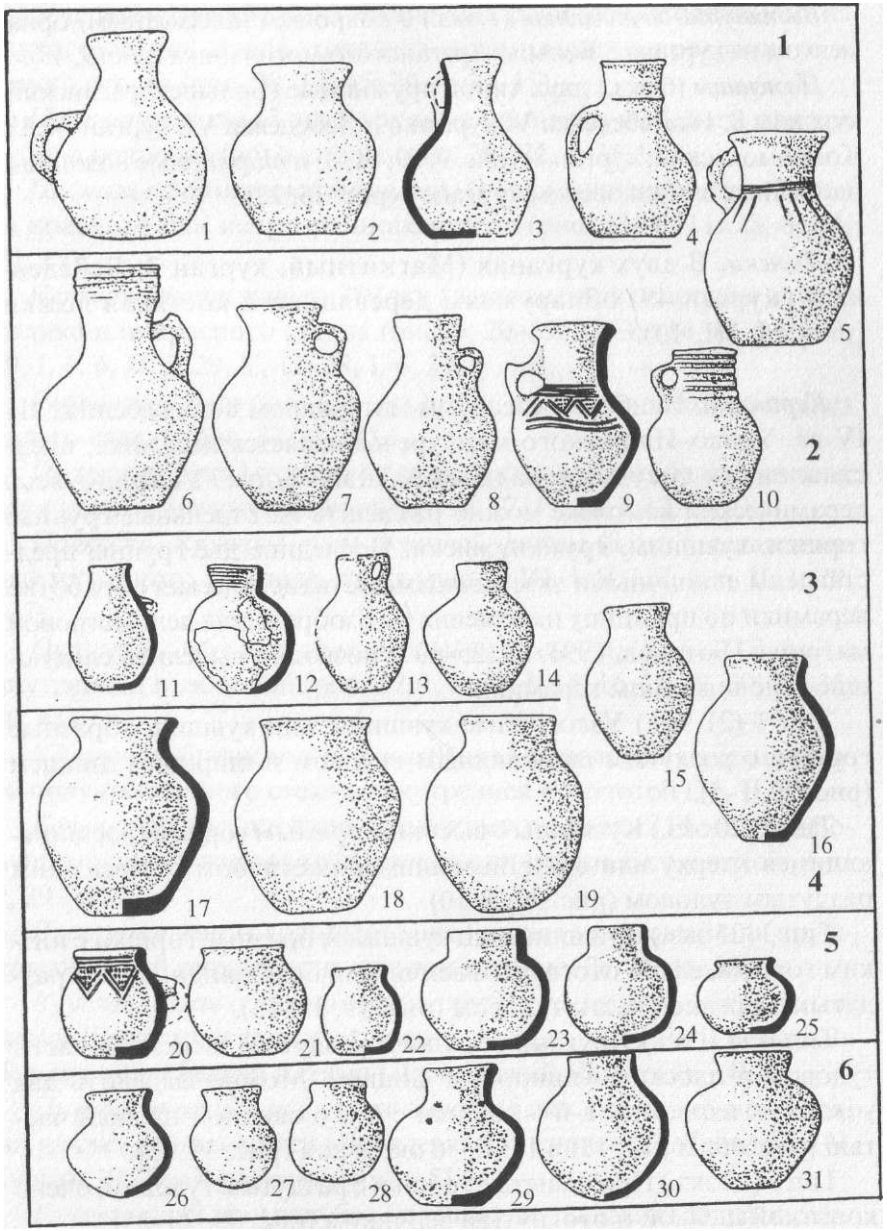


Рис. 39. Основные типы гунно-сарматской керамики

Тип 6 (28 экз.) Небольшие горшки с шаровидным туловом, коротким сужающимся посередине горлом и отогнутым венчиком (рис. 39, 26-31).

Типы 7 и 8 составляют сосуды местного южноуральского происхождения.

Тип 7 (31 экз.) Горшки горшечно-баночной формы с широким туловом, хорошо намеченным переходом от плеча к шейке, отогнутым венчиком, широким горлом. Эти сосуды часто орнаментированы насечками по венчику (рис. 23, I, 2; 24, IV, 12; 28, И, 52; 29, 23; 32, III, 8; 34, 29; 36, 15; 37, I, 1).

Тип 8 (7 экз.) Круглодонные горшки с округлым или яйцевидным туловом, прямым отогнутым венчиком и орнаментированных зигзагами из рядов крупногребенчатого штампа или косых нарезок по плечику и венчику (рис. 3, 8; 4, 1-5; 15, 2). Эти сосуды зауральского происхождения и относятся к, так называемому, кашинско-прыговскому типу.

Тип 9. К особой группе керамики относятся горшки с шишечками и защипами. Их насчитывается 8 экземпляров (Восточно-Курайли I, курганы 3,33; Целинный I, курган 20; Атпа II, курганы 3, 4; Лебедевка II, курган 2; Лебедевка VI, курган 7) (рис. 25, 7, 9, 11; 31, VII, 8, 9; 34, IV, 33; 35, III, 21). Единичные экземпляры посуды составляют миски и кружки.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

1. Хронология

Датировка комплексов гунно-сарматского круга не представляет особой сложности. Эти материалы довольно хорошо представлены среди памятников II—IV вв. степной и лесостепной зон Центральной Евразии. Но сегодня весьма сложно построить подробную хронологию и продатировать тот или иной памятник с точностью до века. Достаточно условно мы разделили представленные памятники на два этапа: ранний (П-Ш вв.) и поздний (IV в. - возможно, начало V в.). Ранний - назван нами **большекараганским.** Его довольно четко датируют следующие типы вещевого инвентаря: бронзовые и железные лучковые фибулы с прямой или слегка прогнутой узкой или широкой ромбической спинкой и плоским приемником, закрученным со стороны спинки в виде завитка, которые являются, по мнению А.К. Амброза (1966, с. 95), местным типом фибул, появившимся где-то в Волго-Уральском регионе во П-Ш вв. и просуществовавшим до* позднего периода (У-У1 вв.).

Лучковые фибулы, которые встречены в погребениях с керамикой 2 и 6 типов, средне изогнутые с проволочной обмоткой и подвязным приемником (по А.К. Амброзу, вариант 4, по А.С. Скрипкину, тип I вариант 4) также начинают распространяться в Восточной Европе во второй половине II в. н.э. (Амброз, 1966, с. 50-51; Скрипкин, 1977, с. 107).

Удила с бронзовыми зажимами на кольцах, подобные малковским и агаповским удилам из II Сибайского могильника, кургана 2 (Пшеничнюк, 1983, табл. XXXIV 4—7), также встречаются в комплексах П-Ш вв. восточноевропейских степей (Абрамова, 1987, с. 144, рис. 59, 22, 33; Кузнецов, 1990, рис. 1, 78; Мошкова, 1989, рис. 81, 49; Гугуев, Безучков, 1990, рис. 3, 8-10).

Бронзовые зеркала с центральной петелькой и боковым ушком с орнаментом и без него на обратной стороне А.М. Хазановым

(1963, с. 57) датируются П-Ш вв. н.э. Слабо выступающее боковое ушко обломка зеркала из кургана 19 Болынекараганского могильника и рудиментарный боковой выступ на зеркале из кургана 8 того же могильника указывают на то, что в данной коллекции мы имеем дело с каким-то переходным типом зеркал. Аналогией зеркала из кургана 8 Болыиекараганского могильника является экземпляр из могильника Корца на Северном Кавказе (Абрамова, 1971, рис. 1, 21), подобный тамгаобразный знак есть на зеркале из кургана 11 могильника Сидоры (Поволжье) (Скрипкин, 1983, рис. 13; Сарианиди, 1989). М.П. Абрамова относит данные зеркала ко второму варианту IX типа сарматских бронзовых зеркал (по А.М. Хазанову). По ее мнению, данный тип наиболее встречаем в памятниках П-Ш вв. н.э. в Прикубанье, городах Северного Причерноморья и Поволжья (Абрамова, 1971, с. 129).

Китайские зеркала «восьмиарочного типа», по мнению А.Буллинга, происходят из китайской провинции Шантунг и изготовлялись там в «середине Младших Хань», т.е. на рубеже 1-П вв. н.э. (ВиШп§ А., 1960, рис. 16). К этому времени данные зеркала появляются в Южной Сибири, Средней Азии и Южном Казахстане, где они просуществовали до IV века (Кожомбердиев, 1960, с. 72-73, рис. 14, опис. 19-63, рис. 6, 1, 3; Литвинский, 1978, с. 99-104, табл. 23, 24; Лубо-Лесниченко, 1975). Ко II веку этот вид зеркал, вероятно, проникает в степи Северного Казахстана, Южного Урала и Нижнего Поволжья (Синицын, 1946, рис. 26).

Кроме этого, в комплексах данного этапа встречается ряд характерных вещей. Котлы с яйцевидным туловом и низкой уплощенной подножкой, которые, по классификации Н.А. Боковенко, относятся к котлам III типа. Данные котлы чаще всего встречаются в памятниках Поволжья и Западного Казахстана, хотя аналогичные по форме экземпляры найдены и далеко на востоке - в Южной Сибири и Центральной Азии, в памятниках хуннов. Котлы данного типа большей частью встречены в комплексах, датируемых II-III вв. н.э. (Боковенко, 1974, с. 234, рис. 31).

Керамические котлы, имеющие ручки с налепами в виде шишечек. По своей форме они напоминают глиняные котлы из кургана 4 у деревни Бородаевка (Нижнее Поволжье) (Спицын, 1947),

а также котлы, которые достаточно часто встречаются в слоях городища Джеты-Ассар, в хуннских памятниках Тувы и таштыкской культуры (Левина, 1966, с. 55, рис. 36-39; Баз ОгаЬегГеЫ..., 1984, авв. 21, в8, 23, 27, а1; Кызласов, 1960, с. 41).

Листовидные подвески со стеклянными вставками аналогичны привескам женского погребения 5 из некрополя Тиля-Тепе 1-П вв. (Сарианиди, 1989, с. 112).

Основной набор бус, встречающийся в этих комплексах, относится к раннему этапу гунно-сарматского времени. Так, круглая разноцветная бусина из кургана 8 Болыпекараганского могильника, составленная из 12 долек, близка бусинам Северного Причерноморья (тип 16, вариант Г по Е.М. Алексеевой (1975, с. 34, табл. 5, 29-31)) 1-П вв. н.э. Бусы аналогичные глазчатой светло-коричневой с бело-голубым глазком и зеленой с голубыми выпуклыми глазками также встречаются в ожерельях Северного Причерноморья (Алексеева, 1979, с. 60, табл. 14, 70; с. 64, табл. 16, 76). Датировка их также не выходит за рамки 1-П вв. Более поздним временем могут быть датированы «катушкообразные» позолоченные бусины с приплюснутой средней частью по аналогии с бусинами Северного Кавказа 1У-У вв. (Деопик, 1959, с. 56). Халцедоновые дисковидные подвески аналогичны подвескам из кургана 2 могильника Покровка, встречены в Суворовском могильнике азелинской культуры 1П-1У вв. (Генинг, 1959, табл. XIII, 7).

Таким образом, эту хронологическую группу условно можно определить как наиболее раннюю, ограничив ее рамками второй половины II III вв. н.э.

С учетом данных сравнительной хронологии к болыпекараганскому этапу относятся 220 погребальных комплексов, т.е. большая часть рассматриваемых нами памятников. Этот этап составили степные комплексы. В него вошли, в основном, памятники всей западной группы, а также курганы степного Южного Зауралья.

Комплексы же следующего хронологического этапа занимают более северную широту и располагаются в лесостепной зоне Южного Урала. Эти памятники датируются Ш-1У (возможно

V) вв. Материалы их достаточно хорошо датируются сферическими и восьмерковидными накладками с кольцевой привеской. Они встречаются в памятниках азелинской культуры (Генинг, 1983; Генинг, 1979, с. 99-100; Васюткин, 1985, рис. 6, 22). Модификацией данного типа накладок являются круглые или прямоугольные зажимные накладки с привеской-кольцом, которые также датируются ГУ-У вв. (Амброз, 1989, рис. 11, 6, 7; Мажитов, 1968, табл. 5, 6). Уздечные ремни с круглыми накладками-зажимами и прямоугольными накладками также довольно показательны для материалов Ш-У вв. (Мошкова, 1989, рис. 81, 50-51; Васюткин, 1986, рис. 6, 12, 18, 19). Вероятно, этот тип кольчатых удил с подвижным переплетением двух ремней на крупных кольцах сформировался в среде гунно-сарматских кочевников и просуществовал функционально, не изменившись, более чем три века, с 1-П в. н.э. до V в. (Абрамова, 1987, рис. 59, 22, 23; Амброз, 1989, рис. 1, 17; 2, 20; 6, 13; 8, 10, 21; 13, 27).

Круглорамчатые маленькие пряжки с прямоугольным или округлым подвижным щитком появляются где-то в I веке нашей эры, но свое наибольшее распространение получают с конца II века. Массовые находки их датируются П-1У вв. Они встречаются в памятниках черняховской культуры (Петров, 1964, с. 107-108; Барцева, Вознесенский, Черных, 1972, рис. 16-17), погребениях П-Ш вв. Среднего Поволжья (Степанов, 1962, табл. XXIII, 1), комплексах Ш-У вв. Северного Кавказа (Амброз, 1989, рис. 4-7; 3, 16, 17, 21-23), а также очень много таких пряжек найдено в могильниках Ш-У вв. Южного Приуралья и Прикамья (Мажитов, табл. 5; Пшеничнюк, 1976, рис. 22, 11-12; Генинг, 1967, табл. II, 1-5; Стоянов, 1962, с. 129, рис. 51, 9-10; Генинг, 1963, табл. 4). По мнению В.Б. Ковалевской (1979, с. 15-17), этот тип пряжек наиболее характерен именно для памятников Ш-У вв. Что касается овальнорамчатых и круглорамчатых железных пряжек, то они, появившись на рубеже эр (Абрамова, 1987, рис. 60), также получают свое наибольшее распространение в памятниках Ш-У вв. (Пшеничнюк, 1976, рис. 22, 8, 9, 20-21, 23; Ковалевская, 1979, с. 15, 18; Амброз, 1989, рис. 5, 3-7; 13, 5, 6, 24, 25; 14, 5).

Существует еще ряд вещей, которые довольно часто встречаются в комплексах сопредельных территорий данного и последующих периодов. Так, бронзовые калачиковидные серьги, полые внутри (Друженский, курган 3; Кара-Тал, курган 5; Дербеневский, курган 2), золотые с зернью и с разноцветными вставками (Байрамгуловский, курган 2; Темясовский, курганы 3, 4) довольно хорошо датированы - 1У-У вв. - материалами памятников Крыма (Дашевская, 1969, с. 55, рис. 3. 1), Казахстана (Кожомбердиев, 1963, с. 68, рис. 7, 5; Козырев А., 1905, с. 55, рис. 3, 1), Поволжья (Скрипкин, 1984, рис. 14, 58, 59), харинских памятников Прикамья (Генинг, 1955, с. 116, рис. 43), Уфимских курганов и Бирского могильника в Башкирии (Пшеничнюк, 1968, с. 111, рис. 3, 7; Мажитов, 1968, с. 40, табл. 2, 17; 30, 1).

Восемь фибул, относящихся к памятникам этого этапа, в большинстве происходят из Темясовского могильника, где они датированы авторами 1П-1У вв. (Пшеничнюк, Рязапов, 1976, с. 145). Шесть экземпляров (в том числе фибула из Байрамгуловского кургана 2 погребение 1) - прикрученные фибулы с прямой ромбической или узкой спинкой и завитком на конце.

Вероятнее всего, этот местный тип фибул получает наибольшее развитие на Южном Урале в период конец III - V вв., хо.тя Байрамгуловская фибула маленького размера с сильно изогнутым приемником значительно ближе к более поздним экземплярам У-УП вв. (группа 13, вариант 9, по А.К. Амброзу) (1966, с. 46, 47, табл. 6, 2-4, 8).

14-гранные бусы довольно часто встречаются в ожерельях III-V вв. (Шилов, 1959, с. 500; Синицын, 1960, с. 164; Скрипкин, 1984, с. 50-53, рис. 14, 15, 30, 36; Алексеева, 1975). Также датируются и сердоликовые 14-гранные или круглые бусы с продетыми золотыми или бронзовыми проволочками, загнутыми на краях и закрученными в виде спирали (Друженский, курган 3; Темясовский, погребение 4) (Смирнов, 1959, с. 256, рис. 19, 1; Шилов, 1959, с. 500; Синицын, 1946, с. 89-90, рис. 20, 3; Скрипкин, 1984, с. 148, рис. 14, 31).

В погребениях Бирского могильника У-УП вв. достаточно часто встречаются подвески в виде медведя, подобные обнаруженной в погребении кургана 12 Байрамгуловского могильника (рис. 5, 11). Этот факт, в определенной мере, позволяет считать данное погребение наиболее поздним среди комплексов этого периода.

Наиболее выразительными памятниками этого периода являются Друженский и Темясовский могильники. В целом, этап условно назван **друженским.** Хотя, если выстраивать хронологическую последовательность различных некрополей этого этапа, то, вероятно, к концу 1Н-1У вв. можно отнести Друженский, Темясовский, Малковский, Агаповский и Шатровский могильники. Наиболее позднюю позицию займут Байрамгуловские погребения, Салиховский и II Ахмеровский могильники, которые, вероятно, следует датировать концом 1У-У вв.

2. Этноисторическая реконструкция

Памятники кочевников П-1У вв. н.э. Нижнего Поволжья и Приуралья получили название позднесарматских. В большинстве случаев авторы - исследователи комплексов, приводимых в настоящей работе, также относят их к кругу комплексов данной культуры (Мошкова, 1989; Васюткин, 1977; Пшеничнюк, Рязапов, 1976). Как известно, позднесарматская культура была выделена П.С. Рыковым (1925) и П.Д. Рау (1927) (для кочевнических памятников Н-1У вв. Нижнего Поволжья.

В настоящее время благодаря работам А.С. Скрипкина, Д.Б. Шелова, А.П. Медведева и др. мы можем достаточно полно определить основные черты комплексов позднесарматской эпохи Поволжья, Подонья и Волго-Донского междуречья (Скрипкин, 1984; Шелов, 1972; Медведев, 1990).

Попытаемся сравнить основные культурообразующие параметры поволжских и рассматриваемых нами комплексов П-1У вв. н.э. Первое и, на наш взгляд, наиболее существенное отличие этих групп комплексов заключается в том, что позднесарматские памятники Нижнего Поволжья имели преемственность с комплексами среднесарматской культуры. Представительность

11 Зак. 1988

сусловских (среднесарматских) комплексов позволяет достаточно полно проследить этапы культурной трансформации даже в рамках одних некрополей. Об этом довольно справедливо говорилось в работах А.С. Скрипкина (1984, с. 80-86). В отличии от этого памятники П-1У вв. Южного Урала и Северного Казахстана не имеют в пределах данного региона предшествующих комплексов, генетически связанных с ними. В этой связи вкратце охарактеризуем те немногочисленные памятники III в. до н.э. -1 в. н.э. с этих территорий, для того чтобы показать их своеобразие и отличие от комплексов последующего этапа.

Как уже упоминалось, непосредственно предшествующее время представлено в материалах степей Южного Урала и Северного Казахстана крайне скудно. Сегодня можно насчитать чуть более ста погребальных комплексов, относящихся к временному отрезку с конца III в.до н.э. до I в. н.э., причем наибольшее число приходится на лесостепные памятники Приуральской зоны (81 комплекс) самого конца Ш-1 вв.до н.э. (рис. 2, 5), и лишь единицы относятся к I в. до н.э. - I в. н.э. Причины этого лежат не только в слабой изученности региона. На наш взгляд, они связаны с изменениями природно-экологических условий и наступлением ксеротермической фазы аридизации урало-казахстанских степей с IV в. до н.э. (Таиров, 1995, с. 95). Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют нам лишь своеобразно опредметить данную эпоху и произвести хронокультурную маркировку урало-казахстанских степей. В большинстве своем они представляют собой одиночные грунтовые курганы размерами 8-15 м, высотой до 0,5 м. В двух случаях насыпь имеет каменный панцирь и забутовку камнем могильной ямы (Конурса, курган 1; Саргары, курган 4) (рис. 40, III; 41, IV) (Хабдулина, 1994, табл. 37-43). Погребения совершались в глубоких овальных или подпрямоугольных ямах с меридиональной ориентировкой длинных стенок. В большинстве своем ямы имели заплечики в средней нижней части (Граултры, курган 2; Лисаковское; Стрелецкое; Саргары, курган 3; Солнце III, курган 3, м.я. 1) (рис. 40, I, IV; 41, I, II; 42, II), а также подбой (Саргары, курган 4; Конурса, курган 1; Акчийат, курган 2) (рис. 40, III; 41, IV) или катакомбу, совершенные в южной узкой стенке (Жалтырь; Саргары,

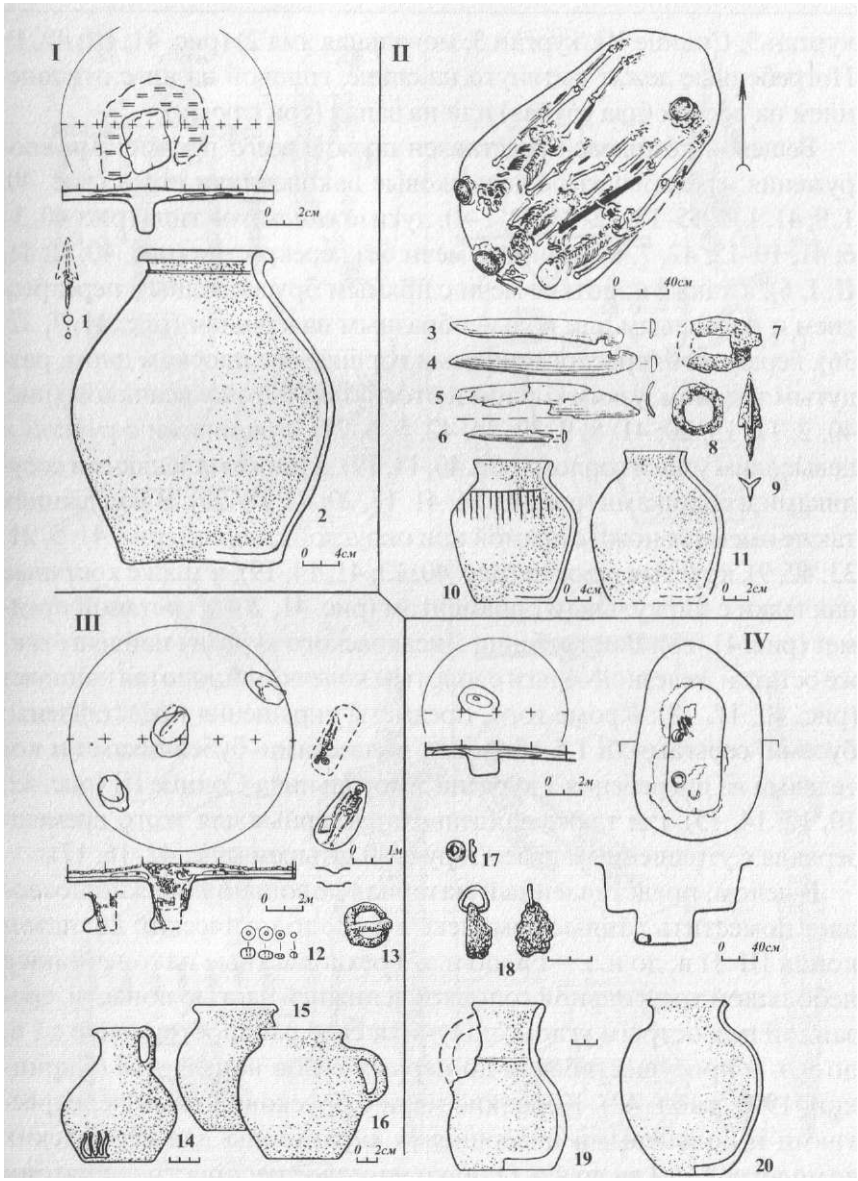


Рис. 40.

I - Граултры, курган 2; II - Жабай-Покровка, погребение 32; III - Саргары, курган 4; IV - курган у поселка Лисаковский. 1, 7, 9, 13 - железо; 3-6 - кость; 2, 10, 11, 14-16, 19, 20 - керамика; 12 - стекло; 17 - золото; 18 - железо, золото

курган 5; Солнце III, курган 3, могильная яма 2) (рис. 41, III; 42,1). Погребенные лежат вытянуто на спине, головой на юг с отклонением на восток (два случая) или на запад (три случая).

Вещевой комплекс представлен прежде всего предметами вооружения: трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 40, I,9; 41,*1-4,*15-18,22-27; 42,1 4), луки «гуннского» типа (рис. 40, 3-6; 41, 10-12; 42, 7, 8), длинные мечи без перекрестия (рис. 40, II; 41, II, I, 6), а также короткие мечи с прямым брусковидным перекрестием и кольцевым или кольцеобразным навершием (рис. 41, 7, 32, 36), керамикой: красноглиняными горшками с плоским дном, раздутым туловом, узким горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 40, 2, 11, 15, 20; 41, 8, 9, 30, 34; 42, 5, 6, 21), кувшинами с ручкой и невысоким узким горлом (рис. 40,14,19), а также маленькими сосудиками и горшками (рис. 40, 16; 41, 13, 29; 42, 18-20). В коллекциях также имеются ножи с прямой или округлой спинкой (рис. 41,5,21, 33; 42, 9), круглые пряжки (рис. 40, 13; 41, 14, 19), а также костяные накладки с циркульным орнаментом (рис. 41, 20) и костяной предмет (рис. 41, 28). В погребении Лисаковского кургана найдены также остатки железной серьги с золотым колечком и золотая нашивка (рис. 40, 17, 18). Кроме того, предметы украшения представлены: бусами, серьгами (в 1,5 оборота), подвесками-бубенчиками и колтелками из погребения 1 кургана 3 могильника Солнце III (рис. 42, 10, 12, 14, 15), где также найдены характерные для этого времени зеркала с утолщенным краем и ручкой штырем (рис. 42, 16, 17).

В целом, представленный материал довольно надежно позволяет поместить данные комплексы в хронологический диапазон конца Ш-П в. до н.э. -1 в. до н.э. Трехлопастные наконечники с небольшой треугольной головкой и нижней частью лопасти, срезанной под острым углом, получили свое распространение с I в. до н.э. и просуществовали до первых веков нашей эры (Скрипкин, 1990, табл. 42). Короткие мечи с брусковидными перекрестиями и кольцевыми навершиями характерны для сарматских комплексов П-1 вв до н.э. Однако массовое распространение они получают на рубеже эр, также как и длинные мечи без перекрестия и навершия (Скрипкин, 1990, с. 178, рис. 49). Представленный керамический комплекс имеет прямые аналогии в посуде

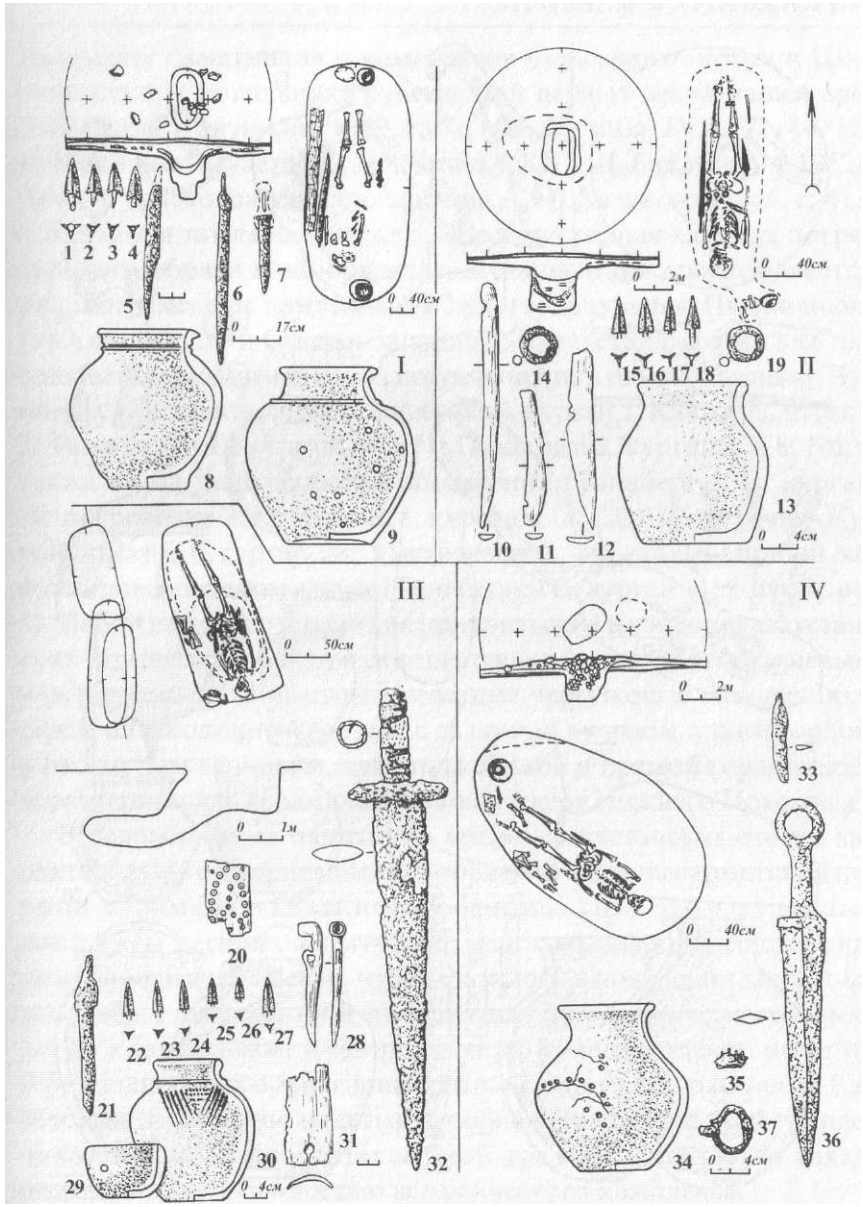


Рис. 41.

I — курган у села Стрелецкое; II - Саргары, курган 3; III — курган Жалтырь; IV - Конурса. 1-7, 14-19, 21-27, 32, 33, 36, 37 - железо; 8, 9, 13, 29, 30, 34 — керамика; 10—12, 20, 28, 31 — кость; 35 — железо, бронза

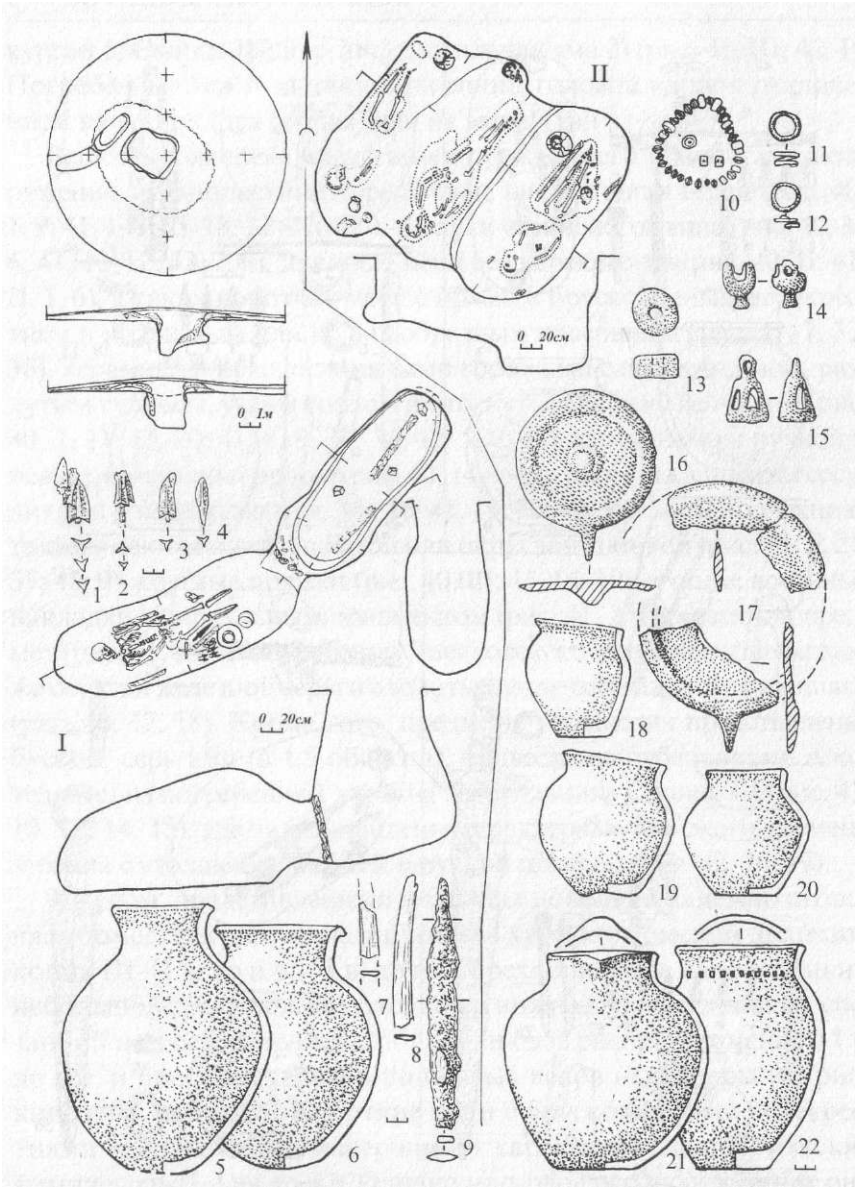


Рис. 42. Могильник Солнце III, курган 3. (по **Н.Б.** Виноградову и А.Д. Таирову). I - могильная яма 2; II - могильная яма 1. 1-4, 9 - железо; 5, 6, 13, 18-22 - керамика; 7, 8 - кость; 11, 12, 14, 15-17 - бронза; 10 — стекло, камень

арысьских памятников и комплексов Серахского оазиса и Ширинсайского могильника рубежа эр и первых веков нашей эры (Байпаков, Подушкин, 1989, табл. VII, 28, табл. IV, 6, 21, 16, 12; Древнейшие государства, 1985, табл. ЬХХХШ, Гайдукевич, 1952). Луки «гуннского» типа, по мнению А.М. Хазанова (1966, с. 41), появляются также на рубеже эр. Весьма сходная картина погребального обряда и набора вещевого инвентаря прослеживается в единовременных памятниках Южного Приуралья (Пшеничнюк, 1983, с. 117-120) и Северо-Западного Казахстана. Хотя здесь наблюдается увеличение числа погребений под одной насыпью (Чумаровский, курган 5; Уязыбашевский, курган 5; Кашкара, курган 3; Танаберген II, курганы 10, 11; Покровка 2, курганы 7, 8, 10), а также числа диагональных погребений (Танаберген II, курган 10, погребение 2; Целинный I, курганы 11, 22, 93; Восточно-Курайлинский I, курган 28; Уметбаевский, курган 2). Подбой зафиксирован в одном случае (Танаберген II, курган 11, погребение 3). Набор вещевого инвентаря приуральских и западноказахстанских комплексов фактически идентичен (кинжалы с кольцевым навершием, трехлопастные железные черешковые наконечники стрел, плоскодонный горшок с раздутым туловом, узким горлом и отогнутым венчиком, кувшины с узкой и прямой горловиной, характерные для керамических комплексов Нижнего Поволжья).

В целом данные памятники урало-казахстанских степей характеризуют собой позднепрохоровский и среднесарматский период в рамках указанного региона. При этом западные комплексы региона испытывают явное воздействие со стороны нижневолжского ареала, что выразилось в появлении здесь диагональных погребений и явной близости керамического комплекса, а зауральские и североказахстанские комплексы несут на себе влияние со стороны присырдарьинских культур Южного Казахстана, что можно видеть в преобладании погребений с заплечиками и подбойно-катакомбной традиции. Единство также подтверждается схожестью керамического комплекса.

Крайняя малочисленность зауральских памятников, их разнохарактерность не позволяют говорить о данном археологическом материале как об однокультурном. Это указывает на слабую засе-

ленность столь значительного региона на рубеже веков, а появление различных памятников в лесостепи и на северной кромке степей лишь подтверждает их исход из степной зоны.

Неожиданное появление с конца II века огромного для данного региона числа некрополей, отражающих в пределах Урала-Ишимского междуречья относительное единство историко-культурного комплекса, указывает не на трансформацию в рамках единокультурного массива, а на совершенно новое эпохальное явление.

Позднесарматские курганы встречаются в группах с более древними курганами (Скрипкин, 1984, с. 59). Гунно-сарматские курганы располагаются автономно, среди насыпей другого времени четко просматриваются меридиональные цепочки комплексов этого типа.

Насыпи курганов поздних сарматов сложены из земли и в подавляющем большинстве имели округлую форму, за исключением немногих слабо вытянутых насыпей (Скрипкин, 1984, с. 59). Насыпи курганов гунно-сарматов имеют большую конструктивную вариабельность. Существенный процент их составляют насыпи из камня (5,5%). Почти в каждом некрополе наблюдается обязательное присутствие длинных и гантелевидных курганов и, так называемых, «склепообразных насыпей».

Ведущим типом позднесарматских погребальных ям являются ямы с подбоями. Они составляют почти 50%. Прямоугольноудлиненные или узкие ямы составляют 27%. Квадратные или подквадратные диагональные или осевые погребения - 19,5%, хотя они часто включают погребения 1-П вв. н.э. При этом наблюдается следующая закономерность: количество подбойных погребений, оставаясь превалирующим, уменьшается к востоку, где увеличивается количество прямоугольноудлиненных. Так, в междуречье Волги и Дона во П-Ш вв. н.э. 54%, а в Заволжье 59% подбойных ям и 24% прямоугольноудлиненных. Данная картина сохраняется здесь и на следующем этапе 1П-1У вв. Процент прямоугольноудлиненных (узких) ям в целом увеличивается, но не превышает количества подбойных погребений.

Совершенно иная картина в памятниках гунно-сарматского круга. Ведущим типом ям здесь являются прямоугольноудлиненные,

узкие (73,2%), подбойные погребения составляют 19,2%. Другие виды - квадратные и овальные ямы - составляют минимальный процент. Количество подбойных ям резко возрастает к западу. В восточной группе они составляют 7%. В большей части это приуральские комплексы. Фактически отсутствуют подбои в Южном Зауралье. В западной группе их 41,6%. Однако и здесь этот процент, как мы видим, не превышает половины от всех погребений. Большая доля подбойных погребений (33 из 51) приходится на погребения Лебедевского комплекса могильников, занимающего крайне западное (контактное) положение во всей группе памятников. На следующем этапе III—IV вв. н.э. подбойные погребения на территории рассматриваемого региона фактически отсутствуют.

В позднесарматских и гунно-сарматских погребениях имеют место перекрытия могильных ям и подбоев деревом, ветками, корой в относительно равном соотношении. Различные доли деревянных конструкций касаются количества гробовищ. Так, только в четырех курганах поздних сарматов (Боаро, курган 24; Блюменфельд, курганы А5, Б7, В2) расположенных в Заволжье, были обнаружены деревянные гробы (в одном случае колода) (в междуречье Волги и Дона таких случаев не обнаружено). В погребениях же гунно-сарматского круга насчитывается 26 гробов и гробовидных обкладок стен, дна и перекрытия погребенного тонкими досками (в одном случае это колода). Причем, гробы встречены как в длинных прямоугольных ямах, так и в подбоях. Они, как правило, соотносятся с более богатыми по вещевому инвентарю комплексами. Вероятно, количество гробов в гунно-сарматских памятниках гораздо большее. Доски, из которых они изготавливались, истлевали почти полностью, оставляя лишь органический след. Так, при раскопках кургана 3 могильника Магнитный удалось зафиксировать часть угла гроба, на который был установлен котел. Благодаря окислу меди сохранились доски, толщина которых не превышала 3 см. Если бы котла в могиле не было, то в полевой документации было бы отражено лишь присутствие органического тлена на дне ямы.

Северная ориентировка - определяющая черта погребального обряда позднесарматских племен. В Нижнем Поволжье она

вытесняет южную к концу II века. В междуречье Волги и Дона эта ориентировка начинает господствовать лишь с начала III века. (Скрипкин, 1984, с. 72, 73).

Аналогичная ситуация и в комплексах Урало-Ипимского междуречья. Северная ориентировка является абсолютно преобладающей (74,2%) сразу с середины II в. н.э., вместе с этим значительное число погребенных в обеих группах памятников имеют СЗ ориентировку (27 погребений - 10%). Тенденция отклонения ориентировок покойников к северо-западу наблюдается почти во всех курганах. В курганах позднего этапа II Ахмеровского и Салиховского могильников значительное число погребений (38 случаев) ориентированы на ВСВ. Исследователи усматривают в этой черте влияние финноугорского компонента лесостепного Приуралья на племена, оставившие названные некрополи (Генинг, 1972, с. 256; Васюткин, 1986, с. 194, 195).

Попробуем соотнести вещевые комплексы этих двух массивов погребальных памятников. Здесь, в отличие от черт погребального обряда, различия более сглажены, так как сходные типы вещевого инвентаря имели, как правило, широкое хождение в пределах самых больших регионов. Набор вещевого комплекса рассматриваемых групп довольно схож, несет на себе общие эпохальные традиции, принятые в среде населения Евразийских степей и лесостепей. Однако при пристальном рассмотрении выявляются особенности отдельных групп материалов.

Статистическая обработка форм керамики позволила на первой стадии выделить семь основных типов керамики урало-казахстанских памятников, далее благодаря привлечению близких типов керамики со значительной территории Нижнего Поволжья, Центрального и Южного Казахстана удалось выделить три группы:

1) керамика Нижнего Поволжья и Приуралья;
2) керамика Зауралья и Северного Казахстана;
3) керамика Южного Казахстана.

Вычисление удельного веса типов сосудов по регионам проходило по четырем этапам (Выносим глубокую признательность И.Э. Любчанскому за неоценимую помощь в данной работе). В результате выявились взаимосвязи между типами сосудов и территориальными группами. Соотношения типов в рамках территорий было следующим:

Тип 1, 2, 3 (узкогорлые кувшины и кувшинообразные горшки) наибольшую встречаемость обнаружили в южноказахстанских памятниках. В количественном соотношении меньше всего сосудов подобной формы в Нижнем Поволжье, причем, наиболее устойчивая их взаимосвязь наблюдается именно с южноказахстанскими керамическими комплексами данных типов. Это, в определенной мере, позволяет определить направление маршрутов проникновения данных типов керамики. Однако устойчивая достаточно высокая доля кувшиновэтих типов в памятниках Зауралья и Северного Казахстана (до 30,4%) при равно невеликой доле схожести и взаимосвязи этой выборки с нижневолжской и южноказахстанской группами наводит на мысль о существовании в определенной мере автономного очага распространения этой формы (рис. 43, 1).

Тип 4 (круглые горшки с раздутым туловом), вероятнее всего происходят с территории Нижнего Поволжья. В урало-казахстанских комплексах этих горшков довольно малое количество. При этом степень взаимосвязи этих групп керамики невелика (70-81 ед.) (рис. 43,2).

Тип 5, 6. Небольшие приземистые лепные горшки в подавляющем количестве происходят из урало-казахстанских комплексов, при этом они обнаруживают довольно высокую взаимосвязь с подобными типами керамики из Нижнего Поволжья, при сравнительно небольшой их доле в керамическом материале памятников с этой территории (рис. 43, 3, 4).

Сосуды горшечно-баночной формы седьмого типа происходят исключительно из памятников лесостепного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Представленная картина указывает на определенную автономность урало-казахстанских керамических комплексов от нижневолжских. При этом стоит заметить, что данное статистическое наблюдение проведено с опорой на урало-казахстанский комплекс встречаемых типов. В памятниках Нижнего Поволжья этот комплекс значительно отличается от рассматриваемого. Так, су-

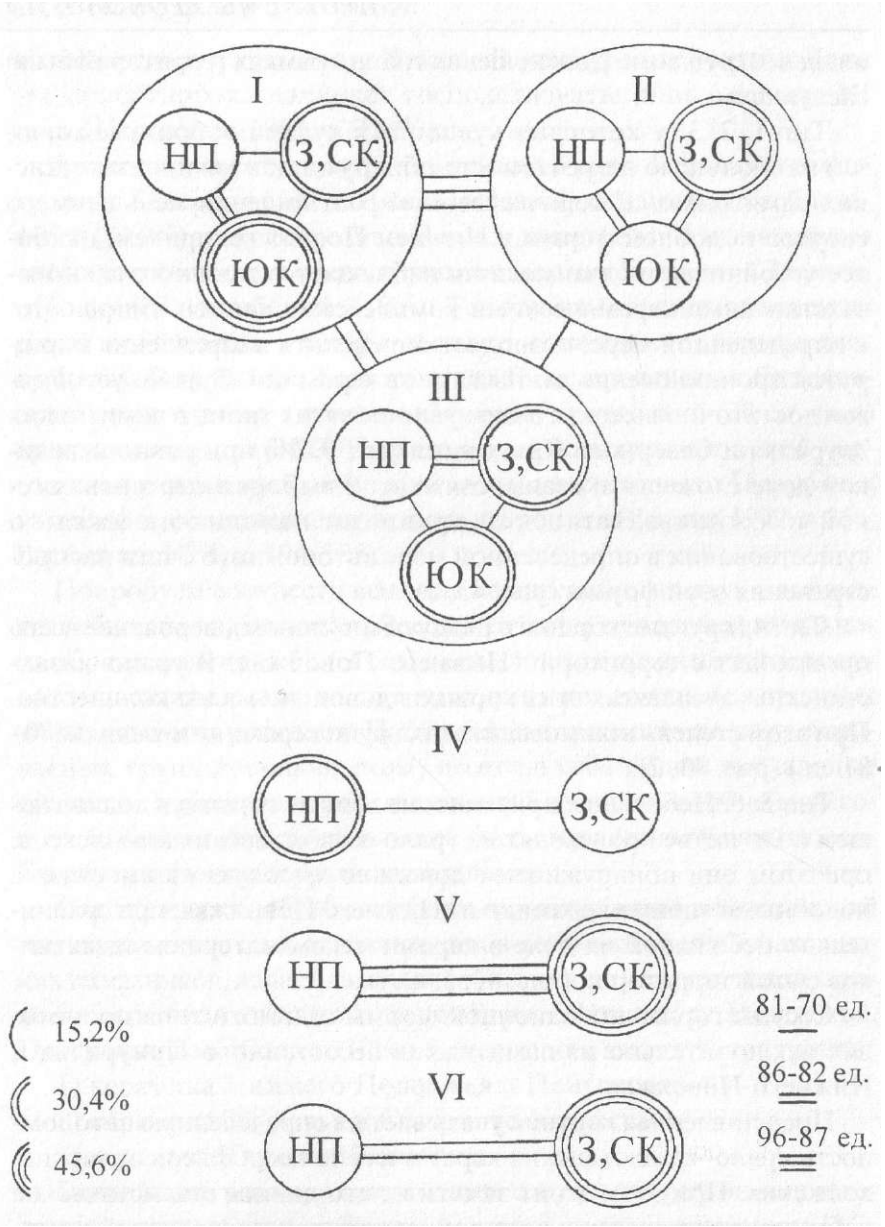


Рис. 43. Распределение отдельных типов керамики по регионам.
(НП — Нижнее Поволжье; З, СК - Зауралье, Северный Казахстан;
ЮК — Южный Казахстан). I — VI — типы сосудов

ществует серия специфических типов, которые не имеют аналогий в восточных комплексах (двуручные и трехручные кувшины, высокие хумовидные кувшины, кружки, миски и другие).

Различно соотношение отдельных типов вещевого материала. Так, наиболее встречаемые из металлических предметов одежды бронзовые фибулы имеют следующее соотношение: в гунно-сарматских комплексах количество фибул с пластинчатым приемником и завитком на конце в два раза превышает количество фибул двух других основных типов (лучковые с подвязным приемником и сильно профилированные фибулы). В материалах этой категории из позднесарматских памятников этот тип фибул самый малочисленный из массовых типов фибул.

В коллекции гунно-сарматских зеркал почти одну треть составляют китайские зеркала, между тем как в Нижнем Поволжье известно только два случая находок ханьских зеркал в кургане Р25 могильника Старая Полтавка и могильнике Еруслан. Неравноценно и соотношение случаев находок бронзовых и керамических котлов к общему числу погребений. В гунно-сарматских комплексах мы имеем частоту находок 1 на 48 погребений, а в позднесарматских могильниках 1 на 123 погребения (в учет не взяты случайные находки котлов).

К особенностям памятников урало-казахстанского региона относится также наличие в наиболее представительных погребениях упряжи, богато украшенной ременной гарнитурой. Широкие ремни украшены крупными прямоугольными бронзовыми накладками и массивными пряжками, имеющими аналогичные накладкам щитки. Ярким образцом такого набора являются части портупеи, обнаруженной в погребении 1 кургана 9 могильника Покровка 2 (Яблонский, Дэвис-Кимбол, Демиденко, 1975, рис. 64—66, 68, 69), где массивные прямоугольные накладки были изготовлены из золотой фольги, натянутой на деревянную основу. Накладки имели сложную профилировку и подтреугольный узор на передней плоскости. Центральная квадратная бляха (фалар) имела тисненое изображение тамги, помещенное в круг. Подобные находки, наводят на мысль о том, что по всей видимости, подобные наборы ременной гарнитуры, вероятно, являются своеобразным этнокультурно мар-

кирующим элементом для урало-казахстанских комплексов данной эпохи. Сюда же относятся узкие пояса, украшенные округлыми восьмерковидными накладками, имеющие небольшие пряжки с круглой или овальной рамкой и округлым, прямоугольным или треугольным щитком, а также наконечник пояса. Уздечные ремни украшают аналогичные сферические накладки, листовидные подвески, полувосьмерковидные зажимы накладок. Вышеперечисленные категории вещевого инвентаря крайне редко встречаются в позднесарматских памятниках.

Вероятнее всего, эти наборные пояса являются специфической традицией именно урало-казахстанских памятников. С этих территорий они впоследствии широко распространились не только в позднесарматских «всадниче ских» комплексах Волгодонья, но и в Прикамье (харинские памятники ломоватовской культуры, памятники азелинской и мазунинской культур), а также в погребениях бахмутинской культуры. В рассматриваемый период в таком массовом количестве эти формы поясной гарнитуры не встречаются на сопредельных территориях.

Таким образом, приведенные выше различия историко-культурных комплексов погребальных памятников Нижнего Поволжья и Урало-Казахстанских степей наводят на мысль о разной этнокультурной природе этих двух групп археологического материала. И мы можем сделать вывод о том, что ареал распространения позднесарматской культуры, к которой принадлежат нижневолжские памятники, охватывает на востоке территорию правобережья нижнего и среднего течения реки Урал, тогда как в междуречье Урала и Ишима мы видим комплексы существенно отличной культуры. Ранее было предложено эти памятники (памятники Урало-Ишимского междуречья) отнести к гунно-сарматской культуре урало-казахстанских степей (Боталов, 1993, с. 142).

Справедливости ради, стоит отметить тот факт, что некоторые крайне западные комплексы данной культуры (Лебедевские некрополи, Восточно-Курайлинский могильник) несут на себе явное преобладание отдельных черт позднесарматской культуры (подбойные погребения на боку, нижневолжские типы керамики). Однако надо полагать, что данная особенность вполне

правомерна для памятников, находящихся в зоне этнокультурного контакта.

Однако здесь следует сделать определенную оговорку. Приведенные различия имеют в большей мере формально-статистический характер. По нашему глубокому убеждению и позднесарматские и гунно-сарматские памятники—явления бесспорно общекультурного порядка. Если в общем охарактеризовать те этнокультурные отличия, которые существуют между первыми и вторыми, то мы склоны в этом случае в определенной части разделить точку зрения Т.Сулимирского, высказавшего мнение, что позднесарматские памятники Нижнего Поволжья были оставлены сармато-аланами, находившимися под большим влиянием гуннов (ЗиНгшгзклу, 1970, с. 142-144). В большей мере, на наш взгляд, этому влиянию во П-Ш вв. было подвержено население Волго-Донья. Восточные сармато-аланы Нижнего Поволжья и Заволжья в это время вероятнее всего активно вытеснялись на запад гунно-сарматами, которые представляли собой в отличие от первых гуннский конгломерат племен, находившихся в окружении и в связи с этим под значительным влиянием сармато-аланского населения. На момент вторжения гунно-сарматов в Приуралье и Заволжье вытесненное сармато-аланское население, вероятно, составило ту миграционную волну танаитов и ассев-асов, которые по данным С. А. Яценко (1993, с. 85) вторгаются не позднее 155 г. н.э. на Нижний Дон.

Далее попытаемся установить истоки происхождения тех или иных черт и традиций, определяющих культурное своеобразие памятников гунно-сарматского круга. При рассмотрении данного вопроса необходимо привлечь максимум материалов могильников всего спектра культур сопредельных и достаточно удаленных территорий.

Прежде всего, коснемся основных черт погребального обряда окружающих культур.

Так, земляные сооружения в виде прямоугольных грунтовых оград исследованы в нижнем течении Аму-Дарьи (Чаш-Тепе) (Раппопорт, 1979, с. 151). Кангюйские погребения и сооружения сырдарьинской дельты имеют прямоугольные сырцовые склепы, окольцованные круглыми рвами и валами (Левина, 1993, с. 121,122,

рис. 2, 3). Сооружения вокруг насыпей рвов различных конфигураций (округлых, овальных и др.) с проходом с одной или двух сторон характерны особенно для курганов последних веков до н.э. - первых веков н.э. петропавловского поишимья и позднесаргатских памятников (Хабдулина, 1987, с. 16, рис. 3; Могильников, 1972, с. 84, рис. 7; Корякова, 1988, рис. 7, 2, 6, 8, 1).

Однако данные памятники весьма условные аналогии склепообразным и фигурным насыпям гунно-сарматской культуры. Прямоугольные ограды Чаш-Тепе не имеют точной культурной атрибутации. Сырцовые склепы хорезмских, джетыасарских и южноказахстанских памятников данного времени имеют достаточно конкретное функциональное назначение, как погребальные камеры. Саргатские округлые и неправильно округлые рвы внутри насыпей несут в целом савромато-сарматские традиции, связанные с конструктивными особенностями возведения пирамидальных и конусовидных насыпей. Вероятно, истоки традиции сооружения склепов надо искать далеко на востоке, в среде племен хуннской конфедерации и населения Южной Сибири. Княжеские курганы могильников Ильмовая Падь и Ноин-Ула сооружались по принципу возведения прямоугольного склепа, имеющего с юга сужающийся вход, сложенный или оконтуренный плоскими камнями. Внутренняя часть котлована была заполнена грунтом, вероятно, почти до дневной поверхности. На дне котлована сооружалась могильная яма. Таким образом, конструкция внешне выглядела как каменная прямоугольная ограда, имеющая вход с южной стороны (Коновалов, 1976, с. 153-155).

В синхронных памятниках изыхского и сырского этапа татарской культуры прямоугольные склепы, имеющие сужающийся вход с юго-западной стороны, снаружи также были оконтурены валами, сложенными как из камня, так и из земли (Кызласов, 1960, с. 17, 18, рис. 3а, б; Комплекс археологических памятников, 1979, с. 90-122).

Традиция же сооружения длинных и гантелевидных курганов, вероятно, сложилась на территории урало-казахстанских степей,

так как подобные сооружения в таком большом количестве не встречены больше нигде.

Другая довольно яркая и оригинальная традиция - обряд огнепоклонничества, когда склепообразные насыпи складываются из глиняных обожженных блоков, и в могильной яме совершается трупосожжение. Для памятников Западной Сибири характерной чертой также является наличие в курганах первой половины I тысячелетия прокалов в насыпи и неполная кремация в позднесаргатских курганах (Могильников, 1972, с. 70; Корякова, 1988, с. 50-51). Хотя следы огня в насыпи или на погребенной поверхности - это довольно характерная особенность савромато-сарматских погребальных комплексов более раннего времени, но особый «всплеск» этого обряда, падающий, вероятно, на III в. н.э., является показателем какого-то нового этнокультурного импульса в среде сармато-аланских кочевников. Подтверждением этого может служить факт появления обряда сжигания или «спекания» умершего в могильной яме, наблюдаемый в харинских памятниках Прикамья в III веке. В.Ф. Генинг (1959, с. 182) связывает появление данных памятников с началом эпохи Великого переселения и интерпретирует их как памятники угорского населения Южного Зауралья. По мнению И.П. Засецкой (1987, с. 102-103), это один из отличительных признаков начала гуннской эпохи для памятников Нижнего Поволжья Ш-1У вв.

Интересен тот факт, что подобный набор черт погребального обряда обнаруживают более западные позднесарматские памятники лесостепного Волго-Донья 1-Ш вв. Длинные насыпи, склепообразные сооружения с входом в ЮЮВ части, трупосожжения над и внутри могильной ямы имеют место в II Чертовитском и Ново-Никольском могильниках (Медведев, 1990, с. 64, рис. 25В; с. 67, рис. 27.1; с. 7, рис. 28. I, с. 161-163). Большую схожесть имеют некоторые черты погребального обряда одновременных сарматских комплексов, расположенных еще западнее - в Буджакской степи низовий Дуная. Здесь исследованы подобные мегоплановые конструкции сооружений в виде подпрямоугольных рвов, ориентированных ССВ-ЮЮЗ, с проходом

11 Зак. 1988

в южной части, а также курганов, образованных прямоугольными рвами, небольшими валами и длинными насыпями. Схожими также являются особенности сооружения прямоугольных ям с заплечиками и отдельные типы вещевого инвентаря (пряжки, накладки-зажимы) (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 6-32, 39-52; Фокеев, 1986). Думается, что чрезвычайное своеобразие данных погребальных традиций исключает случайность появления их здесь. Вероятно, данные комплексы принадлежат какой-то группе гунно-сарматского населения, проникшего к этому периоду столь далеко на запад вдоль лесостепной полосы.

Следующие особенности погребального обряда связаны с устройством могильной ямы и ориентировкой умершего. Насколько можно судить сегодня по существующим материалам, ареал кочевнических памятников с северной ориентировкой - весьма широк. Так, погребенные Улангомского могильника скифского времени лежат преимущественно головой на ССЗ, СЗ. Аналогично этому ориентированы покойники уюкской культуры Тувы (Новгородова, 1989, с. 258-281; Кызласов, 1979, с. 32-46). Этнокультурная трансформация и формирование хуннской общности окончательно утвердили на значительной территории северную традицию ориентирования. При этом отчетливо наблюдаются две тенденции. Хунны Западной Монголии и Тувы (шурмакская культура) имеют характерное отклонение к северо-западу, а в северомонгольских и забайкальских памятниках наблюдается устойчивая тенденция отклонения головы на ССВ. Другой чертой хуннской этнокультурной трансформации является окончательный переход к индивидуальным или парным (в редких случаях) погребениям, который, вероятно, связан с определенным этапом социального развития родоплеменного общества кочевников северной Монголии. В Ш-П вв. до н.э. вместительные склепы или склепообразные срубы сменились узкими индивидуальными гробами или колодами и приспособленными для них глубокими удлиненнопрямоугольными ямами. Безусловно, в установлении данных особенностей усматривается определенное влияние конструктивных погребальных традиций ханьского Китая, особенно в сооружении княжеских усыпальниц. В отдельных хуннских погребениях также фиксируются могильные ямы с подбоями (Стамбульник, 1983, с. 37 рис. 1). Распространение традиции вытянутопрямоугольных индивидуальных ям и северной ориентировки покойников происходит в западном и юго-западном направлении. Этот процесс приходится, вероятнее всего, на последние века до нашей эры. Этим периодом и более поздним временем датируются погребения в простых узких прямоугольных подбойных ямах с северной ориентировкой в кочевнических могильниках Северной Бактрии (Тулхарский, Аруктауский, Коккумский, Бабашевский) (Мандельштам, 1974; 1975), а также известные погребения некрополя Тилля-Тепе (Сарианиди, 1989, с. 46-135). На территории Притянынанья, Ферганской долины, Семиречья погребальные комплексы, имеющие данные черты обряда (узкие прямоугольные ямы, подбои, северная ориентировка, гробы) встречаются весьма редко среди материалов культуры усуней (Кызыл-Кайнар, курган 4), Ферганы, населения келесских степей (Древности Сырдарьи, 1968; Максимова, 1972, с. 137 рис. 5; Сорокин, 1954, с. 131-133).

Погребальные традиции культур бассейна Верхней и Средней Сырдарьи представлены сырцовыми мавзолеями и катакомбными, как правило, групповыми захоронениями. В отличие от этих культур, яркое своеобразие проявляют комплексы джетыасарской культуры низовий Сырдарьи. Оригинальность погребальным традициям джетыасарского населения, на наш взгляд, придают именно погребения в удлиненных прямоугольных подбойных ямах и ямах с нишами и заплечиками, в которых большинство погребенных лежат головой на север (Левина, 1996, с. 89-121). Насколько позволяет судить датирующий погребальный инвентарь (ременная гарнитура, бусы, фибулы, зеркала), могильники этой культуры появляются в Восточном Приаралье в последних веках до новой эры, а массовое их существование приходится на П-1У вв. н.э. (Левина, 1996, с. 218-243, рис. 121-131; 139-140; с. 145-149; 152-160). И, наконец, как указывалось выше, с середины II в. н.э. эта традиция прочно утверждается в широком поясе степей и юга лесостепей от Иртыша до Дуная. При

этом, как уже указывалось, восточные комплексы этого ареала позднесаргатского времени довольно немногочисленны (Могильников, 1973, с. 239-247; Корякова, 1988, с. 86-87; Матвеев, Матвеева, 1985). В западных комплексах поздних сарматов Волго-Донья они составляют менее одной трети от всех типов погребений при преобладании подбойного типа, а северная ориентировка погребенных окончательно утверждается здесь лишь с III в. н.э. (Скрипкин, 1984, с. 62,73).

Устойчивое преобладание удлиненнопрямоугольного типа могильных ям и северной ориентировки умерших с середины II по IV вв. н.э. приходится именно на урало-казахстанские комплексы левобережного бассейна Урала, а в 1У-У вв. в лесостепных памятниках Южного Урала. Эта тенденция сохраняется и в более позднее время в памятниках турбаслинской культуры Южного Приуралья в У1-У11 вв. (Пшеничнюк, 1968, с. 105-112; Мажитов, 1968, с. 65-73; Генинг, 1972, с. 274-278; Сунгатов, 1995, с. 118-137). При этом необходимо еще раз заметить, что, несмотря на свою немногочисленность, удлиненные подпрямоугольные простые, подбойные и ямы с заплечиками появляются в урало-казахстанском регионе в последние века до нашей эры. Хотя в более ранних комплексах наблюдается большое количество овальных ям, и преобладает южная ориентировка скелетов (Танеберген II, курган 11, погребение 1-3; Танеберген II, курган 10, погребение 2; Конурсак, курган 1; Тасмола, курган 36; Жабай-Покровка, погребение 32; Саргары, курган 3; курган 4 погребение 2; Стрелецкое; Лисаковское; Петровка; Акчийат, курган 2 погребение2). Северная фиксируется лишь трижды (Целинный I, курган 30; Саргары, погребение 1; Акчийат, курган 2, погребение 2).

Несмотря на отсутствие преемственности кочевых культур II в. до н.э. -1 в. н.э. и II в. н.э. -V в. н.э. в этом районе, традиция сооружения удлиненнопрямоугольных могильных ям с заплечиками или подбоями, имеющими широтную ориентировку, существуют также как и в Джетыасарском урочище с последних веков до нашей эры.

С определенной долей уверенности можно сказать, что проникновение традиции захоронения в гробах и колодах из степей

Монголии и с юга Сибири шло теми же путями, что и рассматриваемых выше типов могильных ям. Так, совершенно справедливо автор исследований погребений могильника Тилля-Тепе усматривает схожесть гробов в этих погребениях с хуннскими (Сарианиди, 1989, с. 165-166). Думается, что отсутствие гробовых конструкций в джетыасарских погребениях может быть обусловлено в какой-то мере естественными причинами - изготовление дощатых гробов требует наличия широкоствольного леса. К сожалению, плохая сохранность гробовых конструкций в гунно-сарматских памятниках не позволяет сравнить их с хуннскими гробами по способу изготовления, однако само существование этой традиции наводит на мысль о неслучайном характере данной параллели между настоящими культурами.

Попытаемся далее проследить и параллели, которые возникают при рассмотрении отдельных типов вещевого материала. Значительная часть инвентаря имеет широкое распространение в степном регионе Евразии, и трудно делать исторические и этнокультурные интерпретации отдельных памятников или целой культуры на основании отдельных категорий вещевого материала, так как некоторые из них могут носить эпохальный характер и иметь самое широкое использование. Например, предметы вооружения и конской узды. Однако отдельные категории вещей все же позволяют проследить маршруты проникновения их в урало-казахские степи. Прежде всего, это касается керамического комплекса. В этой связи обращают на себя внимание сероглиняные и красноглиняные кувшины с раздутым в средней части туловом, узким горлом и небольшой шейкой (типы 1,2, 3). Сравнительная выборка из памятников Нижнего Поволжья, Зауралья, Северного и Южного Казахстана (Арало-Сырдарьинский район) показала высокую степень интеграции этих типов между собой (рис. 44, граф 1). Наибольший удельный вес этой формы сосудов имеют памятники из района Зауралья и Южного Казахстана. Привлечение более широких аналогий подтверждает этот факт. Хотя обращает на себя внимание то, что среди сосудов из гигантских по представительности керамических комплексов оазисно-земледельческих памятников юга Казахстана (отраро-

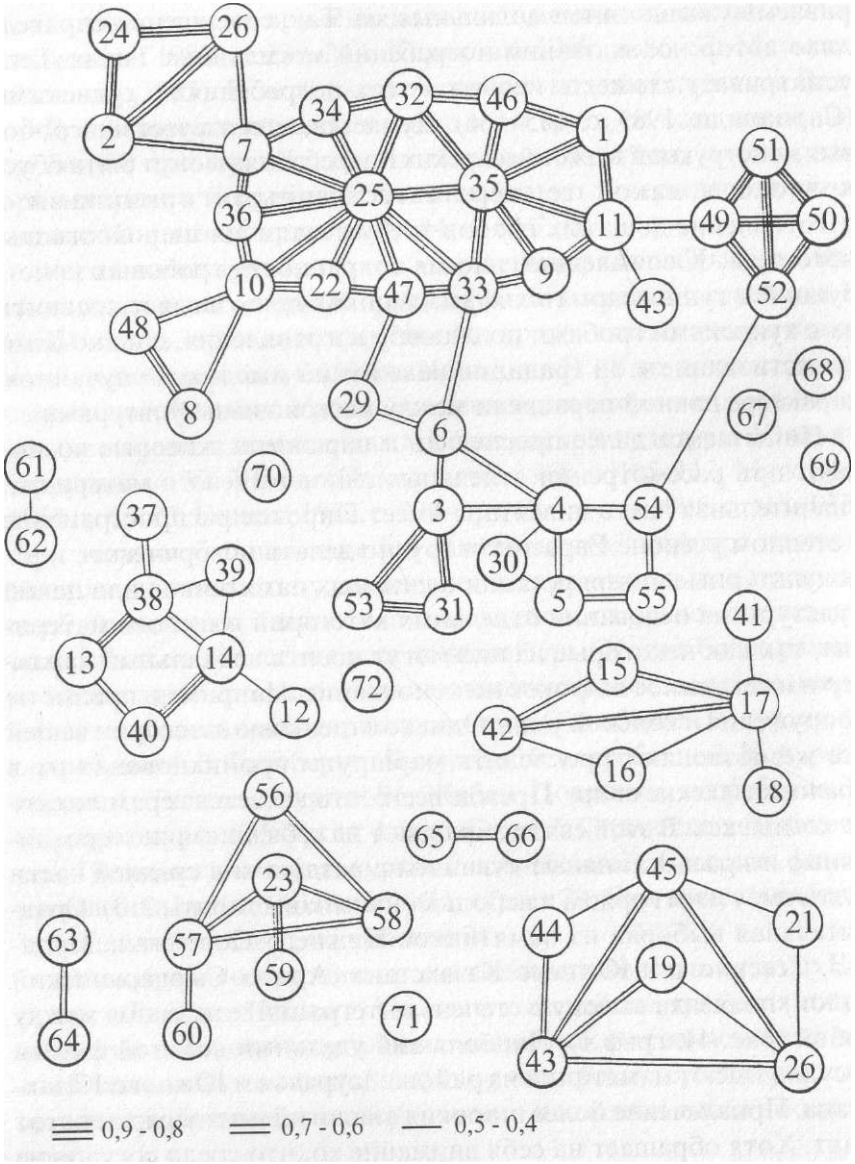


Рис. 44. Типология керамики из памятников гунно-сарматского круга.

1. Мог. Темясовский, курган 3
2. Мог. Болынекараганский, курган 8
3. IV курганная группа у поселка Комсомольский, курган 3
4. Мог. Болынекараганский, курган 18
5. Мог. Болыпекараганский, курган 18
6. Мог. Болыпекараганский, курган 19
7. Мог. Болынекараганский, курган 20
8. Мог. Болыпекараганский, курган 18
9. Мог. Друженский (сооружение)
10. Мог. Джанатан, курган 9
11. Мог. НовоНикольское 1, курган 4
12. Мог. Болыпекараганский, курган 18
13. Мог. Болыпекараганский, курган 10
14. Мог. Альт-Веймар, курган 8
15. Мог. Друженский, курган 3
16. Мог. Друженский, курган 4
17. Мог. Болыпекараганский, курган 18
18. Мог. Болыпекараганский, курган 8
19. Мог. Болыпекараганский, курган 8
20. Мог. Бородаевка, курган 2
21. Мог. Болыпекараганский, курган 5
22. Мог. Покровский, курган 4
23. Мог. Друженский, курган 4
24. Мог. Кожа-Депе (II—I вв. до н.э.)
25. Мог. Горры-Киряз
26. Мог. Усатово, курган 16
27. Мог. Горры—Киряз •
28. Курганная группа Буранинская
29. Мог. Бережновка II, курган 110, погребение 1
30. Мог. Жутово, курган 3
31. Мог. Авиловский, курган 1
32. Мог. Караджарский
33. Мог. Тулхарский
34. Мог. Шульц, курган Д-8
35. Мог. Бережновка II, курган 39
36. Мог. Караджарский
37. Мог. Суслы, курган 58
38. Мог. Терновский, курган 14, погребение 45
39. Мог. Авиловский, курган 1
40. Мог. Бережновка II, курган 68
41. Мог. Старица, курган 20
42. Мог. Жарсут, курган
43. Мог. Меркало 1, погребение 4
44. Мог. Бородаевка, курган 2
45. Мог. Бережновка, курган 59
46. Мог. Бережновка II, курган 49
47. Мог. Бережновка II, курган 73
48. Мог. Темир-Круг
49. Мог. Коша—Депе
50. Буранинская курганная группа
51. Мог. Курган—Бугор, курган 26
52. Мог. Бережновка I, курган 37
53. Мог. Мершана (IV—1 вв. до н.э.)
54. Мог. Кузин—Бугор, курган 26
55. Мог. Темир-Круг
56. Мог. в Центральном Казахстане
57. Мог. у с/х Красный Октябрь,к. 8
58. Мог. Каргантас, курган 1
59. Мог. Батакара, курган 48
60. Мог. Бережновка I, курган 11
61. Мог. Мершана (III—IV вв. н.э.)
62. Мог. Темир—Круг
63. Мог. Кузин—Бугор, курган 26
64. Мог. Старица, курган 20
65. Мог. НовоНикольское 1, курган 4
66. Мог. Альт—Веймар, курган 8
67. Мог. Альт—Веймар, курган 8
68. Мог. Калиновский, курган 15
69. Мог. Каргантас, курган 2
70. Мог. у с. Усатово, Еруслан, к. 15
71. Мог. Болыпекараганский, курган 10

каратауская, арысьская культуры и комплексы усуньских памятников Семиречья) почти не встречаются аналогичные формы (Байпаков, Подушкин, 1989; Вайнберг, Левина, 1968; Левина, 1996; Максимова, 1970, рис. 4; 1975, рис. 1, 7, 10; 2, 4, 6, 9; Нурмухамбетов, 1970, табл. I; 1975, табл. III). Исключение составляют несколько горшков кувшинообразной формы из усуньских памятников (Максимова, 1976, с. 179) и некоторые кувшины из богатых погребений 1У-У вв. Джетыасарского могильника. Между тем, значительное число аналогий керамическим комплексам урало-казахстанских степей имеется среди сосудов каунчинской культуры (Средняя Сыр-Дарья) (Максимова, 1962; Максимова, Мерщиев, 1968; Сорокин, 1954; Гайдукевич, 1952; Книпович, 1949) и в хуннских памятниках Западной Монголии (Использованы материалы могильника Дулга 75 (к. 66), Дорхан Гевниуул (мол. 1), Нухтинам 75 (к. 21) хуннского времени Западной Монголии из архива Э.Н. Новгородовой (Москва)), Тувы, Забайкалья (]Чоу§огос1оуа, 1982; Коновалов, 1975). Небольшие горшки с раздутым или шаровидным туловом, отогнутой или прямой шейкой, с плоским и круглым дном (тип 5, 6) в подавляющем количестве встречаются в комплексах Зауралья и Нижнего Поволжья.

Формирование горшечно-баночных форм происходит на местной основе. Они складываются из саргатско-гороховских форм керамики и своими корнями уходят в постандроновский культурный пласт. В последующий период (1У-У вв. н.э.) сосуды данного облика распространяются в памятниках турбаслинского круга Южного Приуралья, о чем говорилось выше.

По предварительным данным, в основе культурно-территориального единства урало-ишимского и южноказахстанского регионов лежат более ранние формы кувшинов и кувшиноподобных горшков Западной Монголии, Тувы и Алтая (Руденко, 1962, с. 144-164; Сосновский, 1935, с. 168-177; Давыдова, 1960, с. 66-70). Таким образом, совершенно идентичные формы горшков с шишечками мы встречаем в памятниках джетыасарской культуры (I типа), которые справедливо Л.М. Левиной (1996, с. 188, рис. 63, 64) соотнесены с памятниками Западной Монголии и Алтая, где они существуют с ханьской эпохи. Следует к этому прибавить то, что форма и технология изготоления сосудов из гунно-сарматских памятников, имеющих шишечки, очень схожи с традицией производства горшков из хуннских памятников Тувы и таштыкских комплексов I в. до н.э.-II в. н.э. (Оа8 ОгаЬегГеЫ... аЬЬ 31, 04; 35, Е, 4; 39, А, 1; 50, Е, 1; Кызласов, 1960, табл. 4,41,87, 145).

Керамика могильников Урало-Ишимского междуречья, благодаря разнотерриториальным влияниям, носит чрезвычайно синкретический характер. Однако целостность данного комплекса наводит на мысль о существовании единого культурного пласта, который образовался на рубеже П-Ш вв. н.э.

Все вышесказанное в основном касается керамического комплекса памятников раннего болыиекараганского этапа. На следующем этапе в 1У-У вв. в керамике наблюдаются тенденции внутрирегиональных этнокультурных взаимопроникновений. Так, керамический материал зауральских лесостепных комплексов Байрамгулово (курган 2) и Малково (курганы 1, 2) указывает на значительное влияние местного угорского населения кашинско-прыговскогокруга(Викторова, Морозов, 1993, с. 174-177; Ковригин, Шарапова, 1998, с. 68) на гунно-сарматские племена. Близость отдельных типов вещевого материала и сосудов из жертвенного комплекса Байрамгуловского кургана (Боталов, Полушкин, 1996, рис. 1,1) позволяет по-новому рассматривать проблему возникновения харинских памятников ломоватовской культуры. Напомним, что появление в Верхнем Прикамье харинских памятников В.Ф. Генинг (1959, с. 184-185) связывал с проникновением в этот регион через Средний Урал части зауральского угорского лесостепного населения, оставившего курганы Аятского могильника, Калмацкого Брода и др. Эта мысль ярко подтверждается материалами вышеназванных комплексов.

С другой стороны, данный керамический комплекс сложился под воздействием традиций позднесаргатского времени и, вероятно, влиянием со стороны культур лесостепного Поишимья логиновско-лихачевского круга (зональность и традиции орнаментации) (Корякова, 1988, рис. 25, 26; Генинг, Евдокимов,

1969, табл. 55, 56; Генинг, Зданович, 1987, рис. 2, 8, 22). Саргатские традиции усматриваются также в керамике могильников Новоникольское (курган 4), Явленка (курган 5), Болыпекараганский (курган 8) (рис. 6, 15, 16; 11, 15; 20, 7). Горшки с раздутым туловом, плоским и круглым дном, коротким прямым или отогнутым венчиком, характерны для позднего этапа саргатской культуры (Корякова, 1988, рис. 26, 1-7).

Весьма интересную картину дает картография находок ханьских зеркал (рис. 45). Правомерно, что наиболее ранние зеркала встречены в хуннских или синхронных им памятниках в Монголии и Южной Сибири (Руденко, 1962; Цэвэндорж, 1985, рис. 4, 17, 18; Коновалов, 1976, табл. XXII; Оа§ ОгаЬегГеЫ, 1984, аЬЬ. 26, 3; Лубо-Лесниченко, 1975). Следующий очаг их распространения - районы Средней Азии, где встречены в массовом количестве зеркала «восьмиарочного», «стососкового» типов и так называемого типа «ТЬУ» в памятниках Западной Ферганы (Литвинский, 1978, с. 98-105, табл. 23-25), Ташкентского оазиса (Воронец, 1951, с. 52-55, рис. 5), джунской культуры (Тереножкин, 1940, с. 159), Таласской долины (Кенкольского и др. могильниках) (Кожомбердиев, 1960, с. 72-74, рис. 14; 1963, рис. 6, 3). Третьим районом относительно большой встречаемости ханьских зеркал всех вышеуказанных типов является нижнее течение Сырдарьи, где они встречаются в памятниках джетыасарской культуры (Левина, 1996, с. 355, рис. 160). Урало-казахстанские степи в этом маршруте являются четвертым районом относительно массового бытования «восьмиарочного» типа зеркал. Далее они известны в единичных экземплярах в погребениях Нижнего Поволжья и Дона, а также на Северном Кавказе. При этом две поволжские находки зеркал происходят из поздних погребений XII в., а зеркала или их фрагменты, обнаруженные на Нижнем Дону и Северном Кавказе в большинстве своем более ранние (тип - 85Ц|) и происходят из погребений 1-П вв. н.э. (Спицин, 1946, рис. 22; Литвинский, 1978, с. 103; Гугуев, Трейстер, 1995).

Многие авторы, касаясь распространения ханьских зеркал, на первый взгляд справедливо указывают на то, что местонахождения этого типа вещевого инвентаря очерчивают маршруты торговых путей Евразии (Лубо-Лесничено, 1985, с. 90; 1987, с. 233—259; Берлизов, 1992, с. 33-34; Прокопенко, 1996, с. 122-132). Не оспаривая данную точку зрения, наметим некоторые возникающие в этой связи вопросы. Почему именно в данный период китайский импорт так массово был представлен этим видом материала? Нельзя не согласиться с Б.А. Литвинским (1978, с. 105), указывающим на то, что различные типы китайских зеркал ханьского времени были весьма малочислены в сравнении с общим количеством зеркал местного происхождения и не могли играть принципиального значения для экспортной торговли Китая.

Во-вторых, почему китайские зеркала последующих эпох фактически отсутствуют в памятниках, расположенных вдоль маршрута «шелкового пути» - Туркестан, Южный Казахстан, Урало-Поволжье, хотя традиция изготовления и сбыта бронзовых зеркал как одного из видов китайского экспортного товара продолжает существовать и активно развиваться и в танскую, и в суньскую эпохи? Вероятно, это может объясняться тем, что именно в данный период переселенцы из Монголии и Восточного Туркестана своеобразно осуществляли транзит данного вида зеркал по указанному маршруту. Если на первом этапе (конец I в. до н.э. - вторая половина I в. н.э.), по мнению Н.Е. Берлизова и В.Н. Каминского (1993, с. 106-108), этот импорт осуществлялся алано-кангюйским населением Ферганы и Средней Сырдарьи, то на наш взгляд, в позднеханьское время, со II в. н.э., на северо-запад этот вид зеркал переносился гунно-сарматскими кочевниками. В этой связи факт массовой встречаемости «восьмиарочных» зеркал как наиболее позднего типа ханьских зеркал (1-П вв. н.э.) в гунно-сарматских памятниках урало-казахстанских степей не случаен.

Отметим еще один интересный факт. В костюмах бурятских шаманов в качестве подвесок наиболее часто используются бубенчики и фрагменты китайских зеркал (по наблюдениям авторов в национальном музее шаманизма города Улан-Удэ). Причем среди них присутствуют экземпляры не только сунского, но и ханьского (!) времени, что указывает на длительное су-

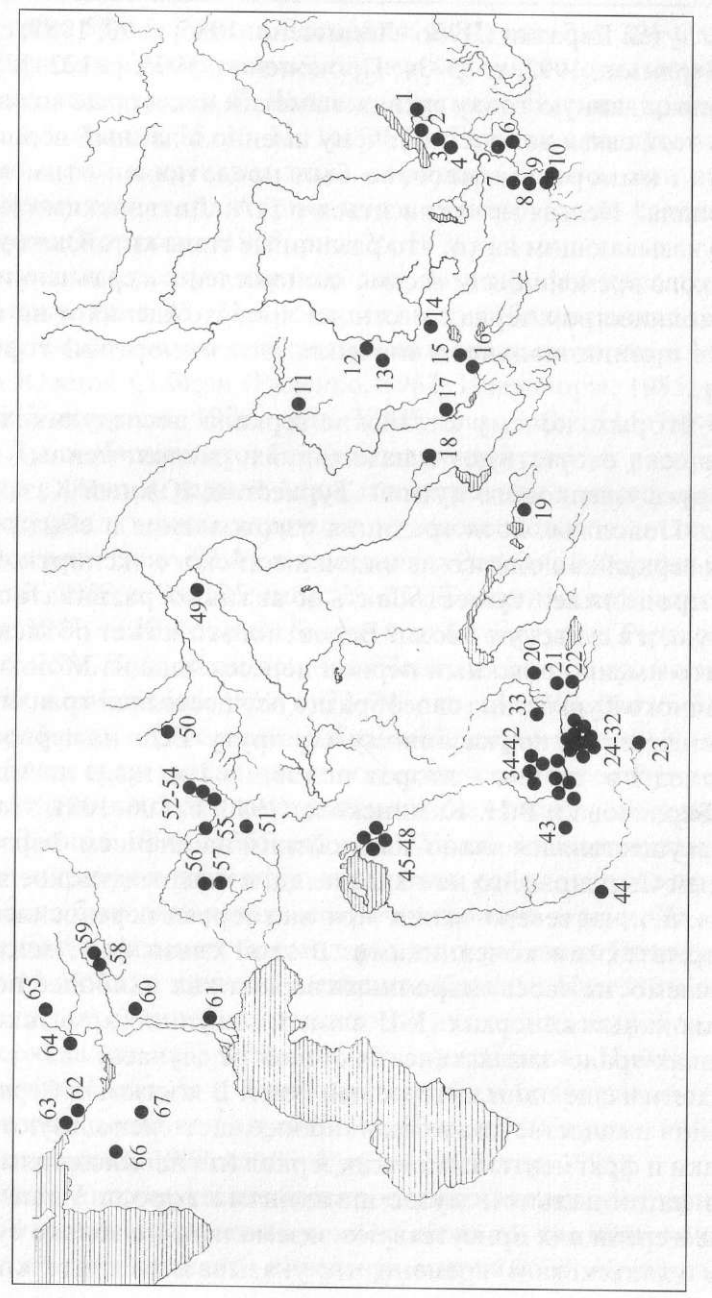


Рис. 45. Распространение ханьских зеркал.

I — Бурятский музей; 2 — Иволгинское городище; 3, 4 — Ильмовая падь; 5 — Ноинула; 6 — находка на реке Тола; 7, 8 — Каракорум; 9, 10 — Тэбт—уул; II — Екатериновка; 12 — Минусинский музей; 13 — Изыхский чаатас; 14 — Аймырлыг; 15, 16 — Кокел; 17 — Пазырык; 18 — находка из Западного Алтая; 19 — Лоу Лани; 20 — Петровка — Калининское; 21, 22 — Кенколь; 23 - Аджин-Тепе; 24 - Сурух; 25 - Ворух; 26 - Усто-Муло; 27-29 - Чорку; 30 - Карабаг; 31, 32 - Карабулак; 33 - Кызыл-Сай; 34, 35 - Ташкентский музей; 36 — Джунский; 37, 38 - Фархадстрой; 39, 40 — Псхетский; 41 - Вревский; 42 - Кайрагач; 43 - Саназар; 44 - Телятепе; 45, 46 - Косасар 2; 47 - Алтынасар 4л; 48 - Алтынасар 4г; 49 — Истяцкий клад; 50 - Малково; 51 — Целинный I; 52 - IV Комсомольское; 53, 54 — Темясовский; 55 - Красногор; 56, 57 - Лебедевка; 58 - ст. Полтавка; 59 - Еруслан; 60 - Ленинск; 61 — находка в Астраханской области; 62 - Кобяковский; 63 — Танаис; 64 — Виноградный; 65 — Чугуно—Крепинский; 66 — ст. Казанская; 67 — Минеральные Воды

ществование данного вида инвентаря, как весьма важного элемента культового значения. Все это позволяет в определенных рамках говорить, что данный вид инвентаря мог быть своеобразным этномаркирующим элементом гунно-сарматского населения урало-казахстанских степей. Создалась определенная традиция соотносить эти артефакты лишь с результатами торгово-экономических отношений кочевников с различными центрами оседлых цивилизаций. Безусловно, определенная часть импортных вещей, прежде всего это касается предметов украшения (изделий из драгоценных металлов, бус), добывалась кочевниками в результате обмена и торговли. Однако как нам представляется, значительное поступление импорта осуществлялось путем прямых военно-политических контактов в виде трофеев и подарков. Это отражает особую сторону коммуникационных связей. Ярким примером взаимоотношений гунно-сарматов с западным миром является набор античных и готских предметов из курганов 1 и 2 могильника Лебедевка (из раскопок Г. И. Багрикова), о чем говорилось выше.

Следующим специфическим видом погребального инвентаря являются бронзовые котлы. Как и зеркала, они имеют длительный период своего бытования, т.к. безусловно несли важнейшую

этносоциальную функцию, на что неоднократно указывали исследователи (Скрипкин, 1970, с. 209; Боковенко, 1977, с. 234; Плетнева, 1982, с. 23). Вопросам этнокультурной интерпретации и картографирования мест находок котлов позднесарматского времени и хуппо гуннской культуры посвящены специальные работы Н.А. Боковенко (1977) и И.П. Засецкой (1994, с. 104-111, рис. 24). Бронзовые и керамические котлы из коллекции гунно-сарматских материалов, как указывалось выше, принадлежат к третьему типу котлов (по Н.А. Боковенко) с яйцевидным туловом и слегка уплощенным дном. Совершенно справедливо автором данной типологии эти котлы соотнесены с хуннскими котлами Тувы и Ордоса (Боковенко, 1977, с. 234). Картография их показала, что они широко распространены в Нижнем Поволжье (12 экз.) и восточнее, в урало-казахстанских степях (10 экз. - в это количество вошел и котел, найденный у города Гирьял в Оренбургской области (Максимов Е.К., 1966, с. 51, 52)) и, наконец, пять бронзовых и керамических котлов происходят из джетыасарских памятников (два из них имеют подножки (Левина, 1996, илл. 23)). Данный маршрут сливается на востоке с картографической цепочкой котлов, происходящих из хуннских памятников Тувы, Северной Монголии и Забайкалья. К сожалению, данный отрезок маршрута распространения хунно-гуннских котлов фактически выпал из картографической схемы И.П. Засецкой (1995, рис. 24).

Теперь попытаемся воссоздать картину исторических событий и процессов, происходивших в срединной Евразии во П-1У вв. н.э. По данным китайских хроник Бань Гу и Фань Э с 80 г. до середины II в. н.э., происходит окончательное вытеснение хуннов из северомонгольских степей в Среднюю Азию и Центральный Казахстан (Таскин, 1975, с. 28-83). Однако, сам процесс инфильтрации хуннского населения в различных направлениях, в том числе и на запад, начался, вероятно, еще с середины I в. н.э., после распада единой хуннской державы. Хуннское влияние на генезис сарматской культуры Южного Приуралья и Восточной Европы, в целом, ощущалось уже со II в. до н.э. Оно обусловило появление среди раннесарматских памятников Илека, Южного Зауралья и других регионов расселения сарматов деревянных гробов и отдель-

ных категорий инвентаря (бронзовые ажурные поясные бляхи, костяные навершия гребней, деревянные блюда и пр.) идентичных находкам из гунно-сарматских могил Центральной Азии. Думается, нет смысла называть памятники, где присутствуют перечисленные признаки - они довольно хорошо известны специалистам. Нам неизвестны письменные источники, позволяющие проследить маршруты передвижения, либо земли обитания хуннов-гуннов на протяжении от Тянь-Шаня до Каспия. Всеми исследователями, касавшимися гуннской проблематики, неизменно приводятся два источника по раннегуннской истории. Это упоминание греческого поэта Дионисия Периегета (серединаП в. н.э.), и известие античного астронома и географа Клавдия Птолемея (вторая половина II в. н.э.). Вероятно, сегодня можно составить целый историографический экскурс работ и точек зрения различных исследователей на интерпретацию этих весьма информативно ограниченных источников. Одними авторами унны (гунны) Дионисия помещаются на территории между Каспийским и Аральским морями (Артамонов, 1962, с. 42; А П Ы т Р., 1960; Халиков, 1987, с. 90; Латышев, 1948, с. 37), другими - в северном или северо-западном Прикаспии (Гумилев, 1960, с. 120-125; 1992, с. 101—102; Засецкая, 1994, с. 134-138; Гмыря, 1995, с. 9,47). При ощутимом преобладании последней точки зрения, думается все же, что вопрос точной локализации гуннов Дионисия остается спорным.

Птолемей помещает гуннов в степях Восточной Европы, с чем согласно большинство исследователей (Латышев, 1948; Засецкая, 1994, с. 157; Кодаревская, 1984, с. 94; МаепсЪеп-Не1§еш, 1973). Не вдаваясь вновь в интерпретационные тонкости данных исследований, заметим следующее: приведенные источники, несмотря на свою неоднозначность, в целом указывают на явное присутствие гуннского населения у степных границ Восточной Европы к середине II в. н.э.

Вероятнее всего, отсутствие видимой археологической атрибутации материальной культуры гуннского населения на столь раннем этапе (за 200 лет до начала гуннской легендарной истории) заставило усомниться некоторых исследователей в точнос-

ти упоминаний вышеуказанных античных авторов (МаеисЬеп-Не1Ьеп, 1925, р. 244-252; Засецкая, 1994, с. 136).

Однако, введенные в последние годы Л.Б. Гмырей армянские раннесредневековые источники позволяют окончательно убедиться в подлинности упоминаний и Дионисия, и Птолемея. Так, в трудах некоторых армянских историков V в. сохранились сведения о военных походах гуннов Прикаспия в страны Закавказья в 30-х годах III в., и в первом десятилетии IV в. Агафангел сообщает об участии гуннов в совместном военном походе армян против персов в 227 году (Гмыря, 1985, с. 47-48). То есть менее чем через 50 лет (!) после первых упоминаний Дионисия гунны уже являлись ощутимой военно-политической силой в кавказско-переднеазиатском регионе.

Суммируя сказанное, заметим, что, вероятно, неправомерна точка зрения об эпизодичности и случайности фактов присутствия племен гуннского союза в степях Волго-Уральского междуречья с середины II в. н.э. Более того, вероятно, первое проникновение гуннов в Волго-Донские степи произошло еще раньше - в I в. н.э. В этой связи кажутся совершенно справедливыми наблюдения, которые сделала И.П. Засецкая (1994, с. 138) на основании материала восточного происхождения из кургана 51 Сусловского могильника. Также необычайно интересным является появление ярких гунно-сарматских черт погребального обряда (склепообразные сооружения, длинные курганы, «огнепоклонничество») в комплексах II Чертовицкого и Новоникольского могильников 1-П вв. н.э. в лесостепном Подонье (Медведев, 1990, с. 64, рис. 25 В; с. 70, рис. 28; с. 161-163).

Вопрос об их археологической атрибутации уже неоднократно ставился различными авторами при рассмотрении особенностей известных ранее материалов (кочевнических культур поздних сарматов Нижнего Поволжья, подбойно-катакомбных комплексов сармато-аланского населения Средней Сырдарьи, Ферганы и Северной Киргизии). Их гуннская принадлежность определялась то на основании особых черт наиболее ярких комплексов первых веков нашей эры (Мандельштам, 1978, с. 22-25), то за этнический показатель брались отдельные черты погребального обряда (подбойно-катакомбные погребения) (Нечаева, 1961, с. 152; 8и1шнг5к1 Т., 1970, р. 142-144), то особый набор вещевого материала (вооружение, полихром, особенности котлов) и черты погребального обряда (наличие огня, костей коня и пр.) в более поздних комплексах конца 1У-У вв. (Засецкая, 1982, с. 102-107; 1994).

Шаткость данных представлений уже отмечалась в специальных исследованиях. Так, С. С. Сорокиным довольно убедительно доказано местное происхождение основной части подбойно-катакомбных погребений Ферганы (Сорокин, 1961). Что касается позднесарматских памятников, то здесь, вероятно, нельзя не согласиться с ведущим исследователем данной культуры А.С. Скрипкиным, который пришел к следующим заключениям. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья в преимуществе своем сформировалась из двух компонентов: местное сарматское население Поволжья и Приуралья, являвшееся здесь носителем среднесарматской культуры, часть их входила в середине I в. н.э. в аланское объединение; и пришлое население Средней Азии, во многом близкое местным сарматам, и скорее всего, вышедшее из среды кочевников, появление которых в Средней Азии было ознаменовано распространением во II в. до н.э. курганных могильников, обнаруживших близкое сходство с сарматскими памятниками (Скрипкин, 1982, с. 54).

Введение в научный оборот материалов джетыасарской культуры и урало-казахстанских гунно-сарматских комплексов позволяет по-новому построить археологический образ этнокультурных процессов, связанных с миграцией центральноазиатского населения в степи Западной Азии. Первым сюжетом этой истории являются хунно-кангюйские взаимоотношения, которые начинаются еще во второй половине I в. до н.э. Китайские хроники Сун-шу говорят о том, что Чжи-Чжи создает союз с кангюями против усуней, для этой цели хуннский шаньюй приводит свои племена к восточным границам владений Кангюй (Кюнер, 1961, с. 175-176). В связи с изложенным, заметим, что джетыасарские памятники совершенно справедливо соотнесены Л.М. Левиной (1996, с. 375) с материальной культурой кочевническо-земледельческого государства

Кангюй. Вероятно, это в определенной мере подтверждает факт появления в джетыасарских некрополях наряду с сырцовыми склепами, кочевнических курганов с узкими прямоугольными ямами и подбоями, с северной ориентировкой, а также котлов, керамической посуды хуннского облика и китайских зеркал раннеханьского времени.

Длительные кангюйско-хуннские взаимоотношения логично завершаются переселением значительной части населения северных хуннов в низовья Сырдарьи в 91 г. н.э. (Мандельштам, 1978, с. 24). На наш взгляд, данный исторический факт хорошо подтверждается археологическим материалом из раскопок памятников джетыасарской культуры. Удивительна схожесть погребальных комплексов, совершенных под грунтовыми курганами в ямах с заплечиками, и нишами в подбойных ямах, которые исследованы в могильниках Томпакасар, Алтынасар 4В; ЗК; Л; М; О; Р; Т, с хуннскими и хунно-сарматскими погребальными комплексами Кокэльских курганов Ильмовой Пади, и, особенно, из могильника у деревни Даодуньцзы в Северном Китае (Бак ОгаЬегГеЫ..., 1984, р. 23, аЬЬ. 1-5; Коновалов, 1976, с. 34-35, рис. 7; 11; 20; с. 55-57, рис. 29, с. 76-78, рис. 48; У Энь, Чжун Кань, Ли Цзыньцзэн, 1990, с. 89-93). Ярким элементом схожести и этнокультурной маркировки является присутствие костей животных в нишах, а также черепов коров в погребениях, которое Н.В. Полосьмак (1990, с. 101-107) было выделено как важнейший показатель сюннской культуры. Двукомпонентность керамического комплекса, в котором группу 1 образуют сосуды кочевнического облика открытого, «напольного» обжига, грубой лепки, изготовлены из неравномерно перемешанного теста, поверхность покрыта серым налетом. Эти сосуды плоскодонные, имеют удлиненные пропорции, плавно профилированные формы, раструбообразную шейку. Сюда относятся уже приводимые горшки с короткой шейкой и отогнутым венчиком, имеющие лунообразные или пупырчатые налепы (Левина, 1996, с. 188, рис. 63, 64, 66). Посуда второй группы, изготовленная ремесленным и обожженная горновым способом, представлена разнообразными формами горшков, хумов, фляг, кувшинов и др. По мнению Л.М. Левиной, эти типы либо продолжают традицию

ранее сложившегося местного чирикрабатского керамического комплекса, либо обязаны своим появлением влиянию сопредельных этнокультурных очагов (арысьского, среднесырдарьинского, ферганского и притяньшаньского ареалов) (Левина, 1996, с. 188, рис. 63, 64, 66). На наш взгляд, формы горшков первой группы и отдельных деталей обработки их поверхности и декора складываются в удаленных районах Азии и имеют прямые аналогии в классических памятниках хуннской культуры Монголии и Южной Сибири (Давыдова, 1996, табл. 3, 2; 5, 23; 6, 2; 7, 13; 18, 12; 21, 2, 3; 24,3; 34, 11, 13; 36, 5-7,9-11; Эаз ОгаЬегГеМ..., 1984, аЬЬ. 20, §. 1; 21 Е, Р. 2; 22, й. 5, т. 1; 23, В. 2, С. 1, ё. 1, §, 1. 3; 25, С, 2, й, 1; 28, В, 1, Я, 2, 3,]. 8; 29, А, 1-1; 32, Е, 1. 8; 42, Н,], N. Ь. 1; 43, §; 4. cl, 6; Коновалов, 1976, табл. XXIII, 3; XXV, 1-6; XXVI, 2-5, 10-13). К этому же числу, безусловно, относятся керамические котлы хунно-гуннского типа, о чем подробно говорилось автором исследований (Левина, 1966, с. 57). Двукомпонентность джетыасарской культуры отчасти подтверждается и наличием двух основных типов погребального обряда - сырцовые склепы и курганные захоронения. В целом же, двуединство оседлой земледельческой и кочевнической культур явление весьма характерное для многих раннегосударственных образований (кушанское, хазарское, болгарское, золотоордынское и др.)

Однако, приводя как аналогии исследованные на сегодняшний день погребальные комплексы джетыасарской культуры, следует сделать одну существенную оговорку. В подавляющем своем большинстве курганные и склепные погребения, которые поддаются датировке, относятся к постгуннскому периоду конец У-УШ (возможно IX) вв. В этой связи гуннские традиции в погребальном обряде и вещевом инвентаре асарских некрополей, вероятнее всего являются реминисценциями гунно-сарматской культуры, носителями которой являлось население Урало-Аральской пастбищно-кочевой провинции в предшествующий период.

Вероятно, со II в. н.э. хунны начинают активно осваивать урало-аральскую пастбищно-кочевую зону, которая являлась традиционной территорией циклических сезонных миграций многих кочевых сообществ урало-казахстанских степей (Таиров, 1993).

Таким образом, с этого времени хуннские кочевники появляются у лесостепной кромки Южного Урала в летний период. В этой связи интересно сообщение Хэ-Цю-Тао о том, что северные границы Кангюй простираются до Урала (Кюнер, 1961, с. 74). Вероятно, к концу II в. н.э. в Приаралье резко ухудшается экологическая ситуация, связанная с регрессией гидросистемы, что приводит к Ш-1У вв. к заболачиванию Арала и опустыниванию бассейна Сырдарьи (Аммиан Марцеллин, 1906, с. 233). Эти факты хорошо подтверждаются результатами аэродешифровки и археологических исследований районов Сырдарьинских протоков (Левина, Галиева, 1993, с. 19-20; Левина, 1993, с. 34). Именно с этого периода территория урало-ишимского междуречья становится зоной стабильного обитания гунно-сарматского (кангюйского) населения на протяжении двух столетий. Тогда и сложился тот облик материальной культуры, который рассматривался выше. На востоке и севере гунно-сарматское население во П-Ш вв. активно взаимодействовало с позднесаргатским и угро-самодийским населением Западной Сибири и Среднего Урала. При этом ряд авторов считает, что проникновение хуннского населения, в наиболее ранний период - с середины I в. до н.э. - шло вдоль бассейна Верхнего Приобья и далее на запад (Николаев, 1984, с. 29). Это приводит к смещению саргатских племен в Юго-Западной Сибири. Все это привело к серьезным подвижкам всего пласта лесного и лесостепного угро-самодийского населения Тоболо-Иртышского междуречья (Могильников, 1972, с. 85-86; Васильев, 1980, с. 46, 49; Николаев, 1984, с. 32, 33).

Данное предположение, на наш взгляд, вполне справедливо. Процесс проникновения лесного населения хорошо фиксируется в уральских материалах городища Уфа VI, поселения Мурино (север Челябинской области) и могильника Сабурово (Среднее Поишимье), где обнаружена фигурно-штамповая керамика 1У-У вв. (рис. 46, 7-9). Однако связывать данные этноперемещения только с причинами историко-политического характера, означает их весьма упрощенное толкование. Вероятнее всего, внешнеполитический аспект являлся лишь последствием глобальных природно-климатических изменений,

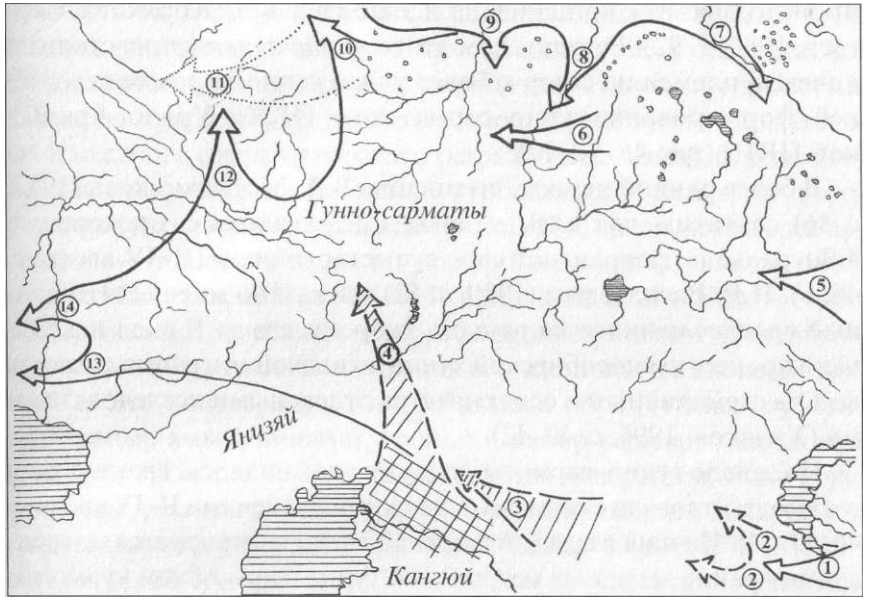


Рис. 46. Этно—культурные процессы в Урало—Казахстанских степях II—VI вв.

1 — раннее проникновение гуннов, середина I в. до н.э. (походы Чжигжи); 2 — инфильтрация гуннского населения, 1 в.н.э.; 3 — продвижение гуннов в страну Кангюй, I—II в.н.э.; 4 - освоение гуннами Урало—Аральской пастбищно—кочевой провинции, середина II в.н.э.; 5 — ранее проникновение тюрков, VI в.н.э.; 6 — продвижение позднесаргатского населения, II—IV вв; 7 — продвижение племен фигурноштамповой керамики, VI—VIII вв.; В — продвижение подчевашского населения, VI—VII вв.; 9 — продвижение таежного населения вдоль Тобола (Мурино, Уфа 6, Иткуль XV), середина I тыс. н.э.; 10 — продвижение на север гунно—сарматского населения, взаимодействие с кашинско—прыговским населением, IV—V вв.; 11 — продвижение раннекушнаренковского населения, VI—VII вв.; 12 — продвижение гунно—сарматского населения в среднее течение реки Белой, формирование турбаслинской культуры, VI—VIII вв.; 13 — продвижение гунно—сарматов в левобережье реки Волги, участие в формировании позднесарматской культуры; 14 — продвижение гунно—сарматов в Нижнее Поволжье и Восточное Предкавказье, III в.н.э.

связанных с увлажнением гумидной и усыханием аридной зон, происходивших с конца I в. до н.э. по IV в. н.э. (Корякова, Сергеев, 1986, с. 92). Результатом этого явилось движение степных кочевых племен на север к более увлажненной кромке лесостепей (формирование гунно-сарматского ИКК и Урало-Аральской ПКП) (рис 46, 10, 12).

В более ранний период, по мнению В.А. Могильникова (1972, с. 86), саргатцы, двигаясь на запад, смешиваются с гороховцами в Зауралье и прекращают свое существование в Щ-ГУ вв. (рис. 46, 6). И.В. Васильевым (1980, с. 52) высказано мнение, что данный процесс начинается раньше, скорее всего во II в. до н.э. Однако процесс южносибирской хунно-гуннской миграции остается весьма схематичным и оспаривается отдельными исследователями (Худяков, 1996, с. 40-42).

На западе гунно-сарматы, как уже упоминалось, граничили и взаимодействовали с сармато-аланскими племенами П-1У вв. (рис. 46,13, 14). На наш взгляд, это прекрасно иллюстрируется материалами крайне западных некрополей гунно-сарматской культуры Лебедевского комплекса, где велик процент подбойных погребений (особенно среди женских), присутствуют нижне-волжские керамические формы горшков и отдельные типы кувшинов. Этот, же процесс подтверждается и материалами заволжских памятников позднесарматской культуры. Здесь наиболее рано появляется северная ориентировка умерших, велик процент удлиненнопрямоугольных могильных ям, частая встречаемость вещей гунно-сарматского облика (котлов хуннского типа, отдельных типов кувшинов). В этой связи нельзя не вспомнить предположение, высказанное Т.Сулимирским, который утверждал, что аланы Нижнего Поволжья находились под большим влиянием гуннов и приняли многие их обычаи (ЗиНппгзкт, 1963, р. 142-144). Стоит добавить, что трудно отследить в какой мере превалировали направляющие этого процесса: либо шла активная гуннизация заволжского сармато-аланского населения, либо сарматизация гуннов Приуралья и Западного Казахстана. Можно предположить, что во П-1У вв. на восточной границе степной Европы шла активная этническая диффузия двух великих кочевых сообществ, которая завершилась окончательным сложением кочевого государства гуннов и разгромом волжских и донских сарматов и аланов. Со второй половины IV в. урало-казахстанские степи опустели. Зоной активных этнокультурных процессов становится лесостепь Южного Урала. В Приуралье взаимодействие гунно-сарматского и местного финно-угорского (караабызско-именьдяшевского) населения приводит к сложению турбаслинской культуры, которая просуществовала здесь вплоть до VII в. среди множества археолого-этнических типов и культур Башкирии (Сунгатов, 1995, с. 136; Мажитов, 1977, с. 45-50; Генинг, 1972, с. 274-278).

По мнению отдельных авторов, к позднегуннским памятникам относится и Тураевский могильник воинской знати в Нижнем Прикамье. Это подтверждают погребальный обряд (узкие, глубокие могильные ямы с нишами, гробы) и набор вещевого инвентаря (типы мечей и кинжалов с халцедоновым навершием, типы конской узды, ременной гарнитуры, зажимные накладки с кольцевыми подвесками, сердцевидные накладки (Оешп§, 1996, р. 270, 281, 287, аЬЬ 19,11,12, 35; 21,11-13,25 1-7; 26,11-16). Аналогично памятникам Южного Урала в материалах Тураево также присутствуют элементы влияния со стороны местных культур (типы железного инвентаря, керамики) (Оешп§, 1996, аЬЬ 18, 2; 20, 5, 6; 23, 5; 24, 10-12; 32, 7-9). Однако детальный разбор особенностей погребального обряда тураевцев не позволяет соотнести данный комплекс с гунно-сарматским, о чем будет сказано ниже.

В Зауралье гунно-сарматское население смешивается с угорскими зауральскими племенами (кашинский и прыговский археологические типы) и мигрирует вдоль бассейна реки Чусовой далее на северо-запад в нижнее течение реки Камы, где участвует в формировании харинских памятников ломоватовской культуры (Генинг, 1959, с. 184-187; Овчинникова, Морозов, 1993, с. 174-181). Исход гуннов из южноуральских степей был продиктован не только общей логикой исторических событий: цикл ксеротерма и аридизации приводит в это время к опустыниванию прикаспийских степей (по почвоведческим данным И.В. Иванова), вынуждает часть гуннов уйти в Восточную Европу и, освоив в качестве родовых зимовий предгорные долины Дагестана, оттуда совершать

свои рейды на Запад и в Закавказье (Гмыря, 1993, с. 229-278). Другая часть, откочевав на север, заняла лесостепную нишу по обеим сторонам Уральских гор, постепенно растворившись в среде местного финно-угорского населения. В древнейшей венгерской хронике короля Белы (XII-XIII вв.) анонимный автор неоднократно упоминает о том, что первый король мадьяр, проживавших на Уральской прародине накануне исхода, был прямым потомком гуннского вождя Аттилы (Эрдели, 1967, с. 173-174). Безусловно, в этих упоминаниях могла воздаваться дань традиции, существовавшей в среде многих древних народов - вести свою родословную от легендарных предков и их родовых вождей. Однако с определенной долей вероятности можно предположить, что гуннская кочевническая аристократия действительно занимала главенствующее положение в родоплеменной структуре лесостепного населения Урала. А многочисленные примеры сохранения родословной преемственности в среде кочевых народов позволяют предположить, что в союзе мадьярских племен действительно существовала аристократическая ветвь, ведущая родословную от уральских гуннов. Упомянем в этой связи, что этногосударственное самоназвание гуннов сохранялось вплоть до первой половины VIII в. (Гмыря, 1995, с. 74-76).

ГЛАВА **IV.** ПОСТГУННСКИЙ (РАННЕТЮРКСКИЙ) ПЕРИОД **У1-УШ** ВВ. В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ

В этой главе хотелось бы коротко коснуться вопроса о последующем этапе этнокультурного развития рассматриваемого региона. Выше мы кратко проследили исторические судьбы гунно-сарматской культуры после V в. н.э.

Как выясняется, характерные черты этой культуры еще длительный период сохраняются на территориях, непосредственно граничащих с поясом урало-казахстанских степей. После исхода гунно-сарматов какое-то время (примерно 100 лет) зона степей остается незаселенной. Но примерно с конца У-У1 веков здесь происходят события, связанные со следующим этнокультурным этапом.

Период VI-VIII вв. наиболее сложен в понимании исторических процессов, происходивших в евразийских степях. Трудно найти период в кочевнической истории, который был бы столь скудно и разнопланово представлен археологически, и далеко неоднозначно освещен письменными источниками. В широком понимании, причины этого лежат в тех деструктивных процессах, которые ознаменовали собой смену двух культурно-исторических эпох: сюнно-гуннскую и тюркскую. На наш взгляд, сегодня специалисты не пришли к единому мнению, где очерчивается этот рубеж, за которым гуннская археология сменяется раннетюркской. Казалось бы, письменные хроники с точностью до года показывают, с одной стороны, последние деяния гуннов в Центральной Европе и южных сюннов в Китае, с другой — первые походы Бумынга в Центральную и Восточную Монголию и Истеми-хана в Среднюю Азию и Восточную Европу. Несмотря на то, что между ними лежит столетний рубеж, однозначно опредметить на археологическом материале эти две разные фазы культурогенеза в степях Евразии, особенно в их срединной части, сегодня практически невозможно. Это связано с двумя моментами. С одной стороны, существует известный разнобой в датировках средневековых древностей Евразийских степей, который достигает полутора и

даже двух столетий. С другой, за общим построением всеобъемлющих хронологических шкал и систем, большинство исследователей как бы абстрагируются от тех условий, которые задаются общими причинами культурногенетических процессов. Последствия культурной локализации отражаются на хронологическом несоответствии (как правило, значительное запаздывание) отдельных типов вещевого материала, установить которое возможно лишь путем сложных корреляционных построений внутри замкнутых массивов.

Таким образом, построение сквозных хронологических шкал для материала, собранного со значительных территорий, тем более из разных ландшафтных зон, представляется сегодня весьма сложным и не всегда корректным. Однако это ни в коей мере не приостанавливает процесс построения историко-культурных реконструкций, которые, на наш взгляд, возможны с выявлением тех или иных историко-культурных комплексов (ИКК) в конкретных пространственно-временных рамках. Установив эти исходные рамки, возможно проследить последующее расширение их границ либо качественные изменения.

Переходя непосредственно к предмету нашего размышления, предварительно заметим следующее. На наш взгляд, основополагающей причиной эпохальной ломки в истории Евразийской степи в конце первой — начале второй половины 1-го тысячелетия являлись последствия ландшафтно-климатических изменений азиатских и восточноевропейских степей. Учитывая тот факт, что кочевничество является формой жизнедеятельности в условиях весьма изменчивых аридных экосистем, можно с уверенностью предположить, что кочевнические сообщества чутко реагировали на любые изменения условий среды своего обитания.

Однако здесь стоит сделать существенную оговорку. Процесс экологических изменений представляется нам не совсем так, как он отражен в работах Л.Н. Гумилева. На наш взгляд, смена глобального увлажнения и усыхания происходит не в рамках отдельных и сравнительно узких (100-200 лет) хронологических периодов, хотя, безусловно, и здесь существовали микрофазы более влажного или более сухого периодов. Принципиальные экологические изменения могли

происходить лишь в эпохальных рамках. Так, фаза глобального ксеротерма и аридизации, которая единодушно отмечалась и палеоклиматологами, и историками, начавшаяся во второй половине II тыс. до н.э., приводит в середине I тыс. до н.э. к повсеместному опустыниванию южных степей Евразии. Таким образом, к IV в. до н.э. значительный массив населения степей Центральной Азии, Казахстана, Урала, Поволжья и других районов был поставлен в экстремальные условия жизнедеятельности. Однако процесс аридизации на этом не был прекращен. Вероятно, именно с этого этапа можно говорить, что малейшие колебания природно-климатических условий приводили к значительным последствиям для кочевых сообществ. Тем не менее, вполне резонно в этой связи звучат доводы некоторых палеоэкологов и историков, что в рамках локальных временных периодов не фиксируются существенные палеоландшафтные изменения, а, следовательно, они не могли являться первопричиной конкретных культурно-исторических изменений (Крадин, 1995, с. 153-166). Этот процесс не представляется нам скачкообразным с резкими фазами перепадов. Вероятнее всего, качественные изменения палеоэкологического порядка происходят на протяжении значительного периода при установлении количественной тенденции (аридизации и гумизации) в растянутых временных рамках. При этом не надо забывать, что существуют значительные инерционные фазы не только в формировании нового облика почв, но и растительности. Социоисторические смещения происходят лишь на финальной стадии и не всегда являются сиюминутными и прямыми последствиями периода длительного накопления негативных воздействий ландшфтно-климатического порядка.

Так, вероятно, фаза аридизации и ксеротерма, достигшая в III веке н.э. в степях Центральной Азии своего предела, к 1У-У вв. окончательно ограничила ландшафт обитания степного населения до кромки лесостепей и Саяно-Алтайских предгорий (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 452).

Вполне закономерным в этой связи является тот факт, что зонами новых этнополитических формирований становятся не центральномонгольские степи, а Саяно-Алтайские и Тянь-Шаньские предгорья и нагорья и оазисные районы Восточного Туркестана.

Аналогичные последствия сложились в среднеазиатских, центрально-казахстанских и волго-уральских степях.

К V в. либо прекращает свое функционирование, либо значительно дестабилизируется урало-аральская пастбищно-кочевая система, и это безусловно повлияло на переориентацию миграционных маршрутов Великого Переселения народов. Причины этого лежат в глобальном природно-климатическом изменении, которое, вероятнее всего, было вызвано регрессией Арала, обмелением и засолением Сырдарьи и Амударьи и общим осушением аридной зоны (Шнитников, 1957, с. 268-270; Кесь, 1979, с. 20). На территории Волго-Уральского степного междуречья (по почвоведческим данным И.Б. Иванова) с VI века на четыре столетия устанавливается зона пустынь. Данный природно-климатический катаклизм достаточно ярко проявился в археологических материалах присырдарьинского бассейна. Фактически памятники отраро-каратауской, джетыасарской и каунчинской культур правобережной Сырдарьи, функционирующие с первых веков н.э., постепенно исчезают к рубежу УП-УШ вв. (Григорьев, 1940; 1949; Максимова, Мерщиев..., 1968; Левина, 1968; Байпаков, Подушкин, 1989, с. 89; Бурханов, 1989, с. 12). Причем это происходит в два этапа: мелкие поселки и селища перестают функционировать к V в., а городища к рубежу УП-УШ вв. (Толстов, 1949, с. 27). Это зависело от существовавших систем орошения (самоточной и активно-принудительной). Данный факт отразился и в письменных источниках. На карте У1-УП вв., составленной по китайским хроникам «Синь-Таншу» среди стран запада, исчезают два крупнейших этнополитических объединения Сутэ-Яньцай и Цжэше-Канцзюй, которые достаточно точно локализовались в предшествующем по времени повествовании «Вэй-шу» (Боровкова, 1989, с. 115, 116, 120, 121, карта 4Б, с. 162,163, карта 5Б).

Безусловно, означенные факты не могли не сказаться на плотности археологических памятников. На огромной территории урало-казахстанских степей сегодня можно насчитать чуть больше двух десятков памятников, укладывающихся в рамки У-УШ вв. Большинство из них является общеизвестными и неоднократно рассматривалось на страницах печати (Шипово, Муслюмово, Боровое, Кара-Агач, Канаттас и т.д.). Традиционно их соотносят

с финальным этапом гуннской эпохи. И дискуссии вокруг них, в основном, разгорались в области вопросов хронологии (Амброз, 1971;1971а;1973;1980;1985;1986; 1986а;1989; Засецкая, 1978; 1982; 1994; Засецкая, Маршак, Щукин, 1979). Создание каких-либо культурно-исторических построений на их основе весьма затруднено, так как большинство этих комплексов представлены либо отдельными находками предметов, либо данные по фиксации элементов погребального обряда не полны и не точны.

Таким образом, хронологический период У-УП вв. является своеобразным «смутным» (неведомым, непонятным) временем для урало-казахстанских степей. Однако, понимая его важность в культурогенезе восточноевропейских (авары, болгары, хазары) и западноазиатских (огузы, печенеги, башкиры, мадьяры, кимаки, кипчаки) этноплеменных образований последующего времени, попытаемся заострить внимание на отдельных вопросах уже известных материалов и анализе вновь исследованных комплексов, позволяющих проследить культурно-исторические тенденции развития очерченного региона в раннетюркское время.

Для того, чтобы рассмотреть возможные направления в сложении традиций, составляющих тюркский историко-культурный комплекс, вероятно, необходимо обратиться к истокам культурогенеза тюркоязычных кочевников в их классических этнокультурных ареалах. По устоявшемуся мнению ряда авторов, основанному, как правило, на интерпретации письменных источников, таковыми являются территории восточных предгорий Алтая и северо-западной степной Монголии (Могильников, 1981; с. 29-32; 25, с. 140; Кызласов, 1979 с. 26-30; Гумилев, 1992; Кюнер, 1961).

Последняя зона локализации пратюркского ядра, на наш взгляд, кажется менее вероятной, так как до сего дня нам не известны ранние тюркские комплексы с этих территорий. Объяснить это только слабой изученностью вряд ли возможно, так как здесь известны курганы и скифского, и хуннского времени. Знаменитые погребальные памятники с образцами древнетюркской письменности (Кюль-Тегину, Могиляну, Кули-Чуру и др.), расположенные в бассейне реки Орхон, относились, как известно, к самому финальному этапу существования Второго Тюркского

каганата - конец VII-VIII вв. (Малов, 1959). Таким образом, говоря о зонах локализации пратюркского очага, уместнее ограничиться районами предгорий и плоскогорий Алтая и, на наш взгляд, южными предгорьями Саян. С одной стороны, это обуславливается сложными естественно-климатическими условиями в степях Центральной Азии, что указывалось выше. С другой, следует принять как реальность тот факт, что в подавляющем своем количестве тюркскую археологию составляют материалы, собранные из комплексов Алтая, Тувы, Хакассо-Минусинской котловины и, вероятно, прилегающих районов Восточного Туркестана. Косвенно можно предположить следующее. Тот факт, что пратюркские племена могли консолидироваться в степных долинах Монголии на протяжении почти полутысячелетия автономно, сосуществуя в доминирующей сюннской среде, весьма гипотетичен. Нельзя в этом смысле согласиться с авторами, представляющими тюркский этногенез как прямую линию развития от сюннов к тюркам (Викторова, 1980, с. 123; Джафаров, 1986, с. 28). Учитывая существенное различие в облике материальной культуры первых и вторых, вероятно, следует говорить лишь об определенных заимствованиях, которые, безусловно, существовали в языковом и общекультурном плане, как это обычно про-* исходит с контактирующими этносами.

При всем вышесказанном, было бы неправомерно не упомянуть о тех историко-лингвистических исследованиях, в которых неоднократно делались попытки локализации областей пратюркского и раннетюркского ядра.

Основными источниками их являются китайские хроники «Чжоу шу», «Суй-шу» (VII в.). В них упоминаются известные тюркские генеалогические предания о хуннском мальчике, вскормленном волчицей, о тюрках-кузнецах у жужжаней, о расселении племен тюркского Дома. Большинство переводчиков и историков пришли к единодушному мнению, что данные легенды в основе своей содержат реалистическую основу. Интерпретация их неоднократно приводилась и анализировалась в литературе (Бичурин, 1950, с. 221-222; Грумм-Гржимайло, 1926, с. 208-210; Киселев, 1951, с. 493-494; Кляшторный, 1965, с. 278-281; Гумилев,

1967, с. 23-24; Савинов, 1994, с. 12-15; Боровкова, 1992, с. 90-94, 106-107). Наиболее полно исследовавший данные предания С. Г. Кляшторный предложил разделить раннюю историю племен тюрков на два этапа: гансуйско-гаочанский (П-Ш вв. н.э.) и алтайский, когда сложился тюркский этнос и расселился на территорию Монгольского Алтая (Кляшторный, 1965, с. 281). По мнению большинства авторов, на первом этапе тюрки-тюркюты проживали на севере от государства Гаочан, которое располагалось в пределах Турфанского оазиса (Боровкова, 1992). Отсюда впоследствии и пошло расселение, как отдельных тюркских ветвей, так и самого родового ядра - переселение 500 семейств Ашина после поражения от Вэйского императора У-ди (421-451 гг.) (Боровкова, 1992, с. 91).

В этой связи возникает еще один аспект этой проблемы - местонахождение полулегендарной страны Гянгунь, которая большинством исследователей соотносится с прародиной кыргызов (Бартольд, 1963, с. 477, Киселев, 1951, с. 560-561, Кызласов, 1979, с. 164-165; Савинов, 1994, с. 10-12), название «гянь-гунь» есть разновременной фонетический вариант названия кыргыз (Яхонтов, 1970).

Свидетельства письменных источников позволили ряду авторов весьма условно определить местонахождение страны Гянгунь, южнее сибирских динлинов, т.е. где-то в районах северо-западной Монголии (Бартольд, 1963, с. 477; Кызласов, 1966, с. 160-166; 1979, с. 165; Савинов, 1994, с. 12). Однако отсутствие археологических подтверждений этой гипотезы, т.е. отсутствие каких-либо прототаштыкских элементов в памятниках этой территории, не позволяет подтвердить данный факт. Также возникает определенное несоответствие между местоположением страны Гянгунь (северо-западная Монголия (Верховье Енисея, озеро Кыргызнор и пр.) и первичным расселением родов Ашина - севернее Турфана, между этими районами более тысячи километров. Следуя логике исследований, возможно, принять два весьма гипотетичных варианта: либо кыргызская тюркоязычная ветвь первоначально расселялась на столь удаленном расстоянии от основного ядра, либо местоположение пратюркского

объединения иное, нежели то, о котором говорят генеалогические предания. Ни тот, ни другой вариант при современном состоянии изученности данного вопроса сегодня принять нельзя. Как нам кажется, искать территорию страны Гянгунь на раннем этапе, наиболее правомерно в пределах Восточного Туркестана, т.е. в непосредственной близости от основного тюркского ядра. Тем более, что сегодня, существуют довольно убедительные исследования Л.А. Боровковой (1992, с. 90-108). В частности, ею было обращено внимание на явное несоответствие китайского названия горы Цзиныпань (Золотая гора), у южного подножия которой в середине V века расселились роды Анишана, с монгольским названием Алтай, которое появилось гораздо позже. Дело в том, что с легкой руки первых переводчиков и исследователей китайских источников, упоминающих о тюрках, изначально была допущена неверная трактовка горы Цзиньшань как монгольского и даже русского Алтая. Эта традиция была закреплена во всех последующих работах. Л.А. Боровкова (1992, с. 94-95), на наш взгляд, совершенно правильно указала на тот факт, что, если принять данную интерпретацию, становится непонятным, как тюрки, находясь на расстоянии тысяч километров (Монгольский Алтай), могли так мобильно участвовать во внешнеполитических событиях в стране жужжаней, гаочана, телессцев и вэйского Китая. Становится очевидным, что, скорее всего, ставка тюркских каганов вплоть до разделения на западный и восточный каганат оставалась в непосредственной близости к северо-востоку от Турфана. Остается лишь сожалеть, что мы не располагаем археологическими данными с этих районов Китая, которые могли бы конкретно очертить район пратюркского ядра.

Обратимся к более хорошо изученным районам юга Сибири. В Южной Сибири существуют три культурных ареала: Алтай, Тува, Хакассо-Минусинская котловина. В культурно-историческом плане эти области сформировались сравнительно давно. Позволим себе коротко охарактеризовать период, непосредственно предшествовавший тюркскому культурогнезу на территории вышеназванных регионов.

Северо-западный Алтай. Памятники пазырыкской культуры (У1-Ш вв. до н.э.) обнаруживают следующие достаточно устойчивые традиции:

— округлые небольшие насыпи, сложенные из камня;

— одиночные погребения с конем в ямах, обложенных деревом (срубы);

— СВ-В ориентировка умерших;

— частое отсутствие керамической посуды.

Данный историко-культурный комплекс устойчив как в территориальных (единые черты крайне восточных памятников уландрыкского типа), так и во временных рамках, о чем будет сказано ниже.

Тува. Памятники уюкской культуры УП-Ш вв. до н.э. на каких-то этапах обнаруживают определенное сходство с алтайскими. Не случайно, в этой связи изначально они, хотя и ошибочно, объединялись А.Д. Грачом (1961) в единый этнокультурный ареал:

— округлые, подпрямоугольные небольшие насыпи, ограды сложенные из камня;

— одиночные погребения в ямах, обложенных деревом (срубы);

— СЗ ориентировка погребенных;

— отсутствует либо редко встречается керамическая посуда.

Хакассо-Минусинская котловина. Татарская культура У1-П вв. до н.э. представлена следующим комплексом:

— прямоугольные ограды значительных размеров;

— один или несколько погребальных многоразовых склепов;

— обложенные деревом стенки (срубы);

— З-СЗ ориентировка умерших;

— наличие керамической посуды.

Данное соотношение черт названных историко-культурных ареалов вероятнее всего сохраняется до Ш-П веков до н.э. С этого времени, во-первых, фиксируется значительное влияние на культуры саяно-алтайского региона со стороны сакского мира. Хотя

сако-пазырыкское единство устанавливается, вероятно, гораздо раньше на рубеже УП-У1 вв. до н.э. Причиной того являлось существование общего этнолингвистического форманта, заложенного еще в эпоху бронзы в период историко-культурной андроновской общности (Маргулан, Акишев..., 1965, с. 400-402). Значительный скачок аридизации на рубеже 1У-Ш вв. до н.э., приведший к распаду всего блока культур урало-казахстанской степи (Таиров, 1995), обусловил продвижение тасмолинцев в предгорья Западного Алтая и Саян, опредмеченное появлением здесь погребений в каменных ящиках головой на запад и посуды сако-усуньского типа (сосуды с носиком) (Могильников, 1983). Общая схожесть некоторых погребальных традиций (округлые каменные насыпи, западная ориентировка, погребения лошадей) позволили ряду авторов сделать предположение о сако-тасмолинской принадлежности наиболее богатых Саяно-Алтайских комплексов (Кызласов, 1989, с. 39).

Кроме того, элементы сакского влияния усматриваются в преемственности традиций наборных поясов, металлической гарнитуры конской узды, элементах изобразительного стиля (рогатый козел, верблюд), которые впоследствии получили столь яркое развитие в комплексах южносибирских ареалов. Следующий рубеж этнокультурных трансформаций приходится на конец III в. до н.э. Вероятно, он связан с походом Модэ в Северо-Саянские предгорья в 201 году до н.э. В Туве формируется хунно-шурмакская культура (II в. до н.э. — V в. н.э.) с ярким комплексом хуннского материального облика:

— округлые каменные насыпи;
— вытянутопрямоугольные ямы;
— северная ориентировка умерших;
— гробовины, деревянные перекрытия;
— хуннские типы вещевого инвентаря.

Более чем на полтысячелетия Тува становится хуннской провинцией.

В отличие от Тувы, культуры Алтайских предгорий и нагорий не испытывают кардинальных культурных изменений. Финальный шибинский этап пазырыкской культуры и те немногочисленные переходные комплексы (Буланкобинские, Берельские, Кудэргинские) И-У1 вв. н.э. обнаруживают устойчивое сочетание общекультурных черт Алтайского ареала, трансформируясь впоследствии в комплексы катандинского типа.

Несколько позже этнокультурные изменения наблюдаются в среде ирано-угорского населения динлинов Хакасско-Минусинской котловины. Вероятно, они связаны с походами Чжи-Чжи (49 г. до н.э.) в верховья Енисея. В результате хуннского нашествия наблюдается процесс вытеснения тюркского населения — гянгуней с верховий долины Енисея в Минусу. Это достаточно точно отразилось в письменных источниках, где упоминается, что «Хагас есть древнее государство гянгунь. Жители (которого) перемешались с динлинами» (Бичурин, 1950, с. 350; Киселев, 1951, с. 581; Кызласов, 1960, с. 164, 165). Археологически это отразилось, как известно, в формировании таштыкской культуры:

— большие прямоугольные ограды;
— многоразовые склепы, сооруженные из дерева;
— появление и последующее преобладание трупосожжения;
— трупоположение головой на З-СЗ.

Кроме того, значительно изменился (в сторону большей монголоидности) антропологический облик населения.

Впоследствии, с VI в., наблюдается генетическая преемственность таштыкской и раннетюркской чаатасской культур. Отдельные изменения связаны с некоторой унификацией насыпи (многоугольность, округлость, появление стел), полным преобладанием трупосожжения, изменением форм керамики. Культура чаатас, расширив свое культурно-историческое пространство, генетически продолжила линию таштыкского развития.

Таким образом, к VI веку в Южной Сибири, на наш взгляд, устанавливается два культурных ареала: восточный — Хакасско-Минусинский и западный — Саяно-Алтайский. Первый, как указывалось выше, слагался на основе миграционного импульса тюркоязычного населения из основного пратюркского очага. Локализовать его территорию весьма сложно. Интересным в этой связи является лингвистическое наблюдение И.Л. Кызласова о том, что в наиболее ранних письменных источниках отсутствуют сло-

ва с кочевнической символикой. Это в определенной мере указывает на то, что палеотюркское население вело оседлый образ жизни, характерный для лесостепного или горно-лесного населения. Наиболее характерной деталью данного этнокультурного пласта является наличие трупосожжения в погребальных комплексах. Распространение и развитие данной традиции довольно четко просматривается и далее, о чем будет сказано ниже. Л.Р. Кызласовым ранее было высказано мнение о том, что факты кремации фиксируются лишь в письменных источниках, что указывает на затухание его в тюркское время (Кызласов, 1989, с. 143; Могильников, 1981, с. 31). Другой ареал представлен погребениями с конем, которые большинством исследователей соотносятся с собственно тюркскими комплексами (Кызласов, 1960, с. 51-53; Потапов, Грач, 1964, с. 107-108; Вайнштейн, 1966, с. 61; Кляшторный, 1964, с. 58; Шер, 1963, с. 163; Овчинникова, 1990, с. 9). Как показано выше, он сложился в Алтайской среде и представляет собой логическое продолжение местных пазырыкских и западных сако-усуньских традиций. Д.Г. Савиновым и Ю.И. Трифоновым высказаны довольно убедительные предположения о том, что данный историко-культурный комплекс характерен для круга племен, входивших в тюркскую конфедерацию под общим названием теле (Савинов, 1972,' Трифонов, 1973). Можно предположить, что восточный ареал формировался собственно тюркской средой. При этом интересен тот факт, что на определенных этапах наблюдается взаимопроникновение комплексов этих ареалов и сосуществование их на совместных территориях.

На самом раннем этапе, вероятно, идет также смешение на территории Тувы. В этой связи весьма интересны курганы могильника Улуг-Хорум, где наряду с погребениями с конем, располагаются и курганы с кремацией (Грач, 1982). В УП-УШ вв., очевидно, наблюдается продвижение населения, составляющего западнотюркский ареал на восток в юго-восточную Хакассию. Здесь исследовано сравнительно большое число инокультурных комплексов (захоронений с конем) (Таштык, Усть-Тесь I, Кангалы II, Тенсей III, Уйбай II и др.) (Нестеров, 1982, с. 101). Подводя предварительные итоги данной части наблюдений, заметим,

что к У-У1 вв. в предгорьях Южной Сибири сложились и сосуществовали два традиционных устойчивых общетюркских культурно-исторических комплекса: каменные курганы округлой формы с захоронениями с конем и отсутствием керамики - Саяно-Алтайский ареал (телесский) - и с округлыми или прямоугольными каменными оградами (склепами), установленными на площадках, окруженных стелами, погребения совершены по обряду трупосожжения с установкой в яме или насыпи керамической посуды - Хакассо-Минусинский ареал.

На запад расширение данных ареалов шло следующим образом. Историко-культурный комплекс отдельных погребений Центрального Казахстана и Южного Урала (Канаттас, Каменный Амбар 5, Кара-Агач, Чоль-Тобе и др.) позволяет соотнести его в целом с гунно-сарматскими традициями более раннего периода. Северная ориентировка, гробовины, подбойно-катакомбные погребения, набор инвентаря - сложение этих черт происходит на территории южноказахстанских и среднеазиатских степей. Однако с У-У1 вв. на востоке появляются комплексы зевакинского и, чуть позже, бобровского типов. Характер историко-культурного комплекса (керамическая посуда, высокие горшки плавно профилированные, новые типы конской узды, обряд трупосожжения (Арсланова, 1968)) позволяет соотнести данные погребения с памятниками чаатасского типа (Хакасско-Минусинский ареал).

Стоит заметить, что наряду с вышеописанными появляются комплексы другой тюрко-культурной традици. Каменные курганы, захоронения с конем, ориентировка на восток (Егиз-Койтас; Кара-Агач; Чиликты; Бобровский, курган 6) (Кадырбаев, 1952; Савинов, 1984, с. 33; Арсланова, 1980, с. 87-89), которые сближают их с памятниками катандинского типа Саяно-Алтайского ареала.

До недавнего времени считалось, что в пределах урало-казахстанских степей памятники, которые можно соотнести с раннетюркскими комплексами У1-УП вв., фактически отсутствуют. В 1984 году у поселка Варна исследован курган 4 могильника Елантау У1И-1Х вв., в котором был совершен обряд трупосо-

жжения на погребенной поверхности в центре подпрямоугольной площадки (рис. 48). Впоследствии, курганы этого хронокультурного облика получили название памятники селенташского типа (Боталов, 1994; 1996) (рис. 47). Однако после исследований кургана 14 могильника Кайнсай и курганов Оленина Отнога и Кызыл-Жар, нами было обращено внимание на принадлежность к этому типу памятников курганов с «усами» или с грядами (рис. 48, 1; 49; 50). После раскопок кургана с «усами» могильника Солончанка I его материалы были соотнесены с материалами ранее исследованных могильников Зевакинский, Кызылтас, Точка, Батыр, Булак, Канаттас, Коктал, Тасмола и др. (Арсланова, 1975; Кадырбаев, 1959; Маргулан и др., 1966). В эти могильники входили курганы с грядами, которые дали материал, позволяющий датировать их эпохой средневековья. При рассмотрении данного материала, выявилась необходимость пересмотреть хронологическую и культурную принадлежность этого своеобразного вида памятника.

Как известно, ранее М.К. Кадырбаевым эти комплексы были датированы VII VI вв. до н.э. и отнесены к тасмолинской культуре Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1958; 1962; Маргулан и др., 1966). Рассмотрим памятники, которые легли в основу доводов этого автора. В общей сложности было исследовано до двух десятков курганов с усами. Некоторые из них позволили М.К. Кадырбаеву (1958, с. 95-104; 1962, с. 71-83) датировать эту группу памятников ранним железным веком (Толагай, оградка № 1 и Тасмола, курган 19). Изначально автором исследований было отмечено, что курганы с «усами» или с грядами располагались на господствующих местах береговых террас и междуречий в непосредственной близости к могильникам других эпох (Кадырбаев, 1962, с. 71). На наш взгляд, двойная планиграфия погребальных памятников наиболее ярко отразилась на первичной типологии курганов с «усами», представленной автором, где хорошо просматривается наличие каменных насыпей, явно не вписывающихся в единую планиграфическую схему культово-погребального комплекса - кургана «с усами» (Кадырбаев, 1958, рис. 1-7, 9). Автор отнес эти различия к разряду типологических особенностей дан-

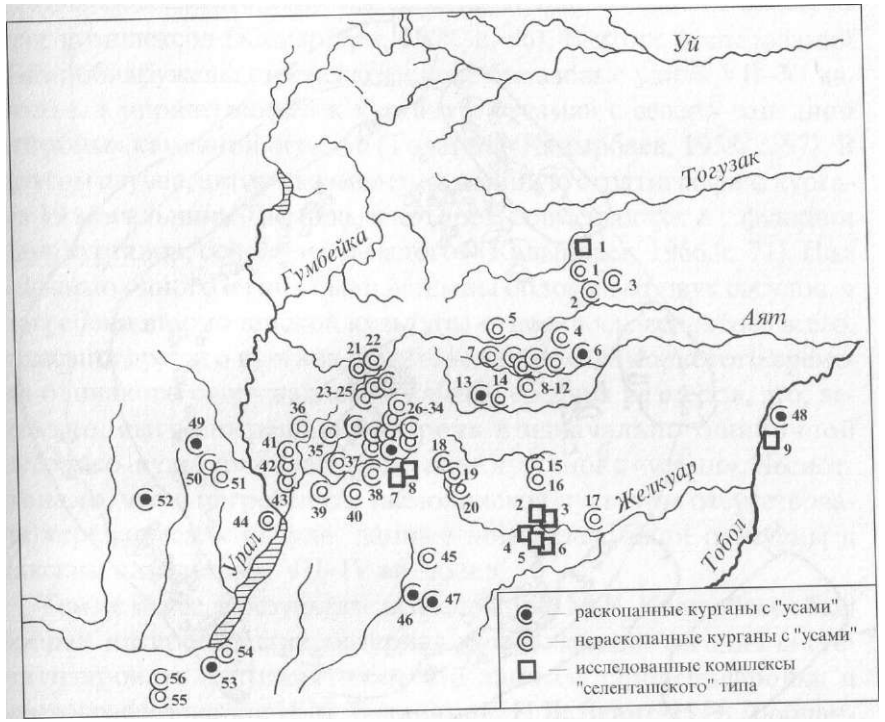


Рис. 47. Распространение курганов с «усами» (с учетом данных И.Э. Любчанского, И.М. Батаниной, Н.В. Левит) и комплексов «селенташского» типа в степном Зауралье.

Курганы с «усами»: 1 - Варненский; 2 - Тулак; 3 - Новокулевчинский; 4 - Мичуринский; 5 - Система; 6 - Городищенский; 7 - Красный Яр; 8 - Знойный; 9-Карталы; 10-Вишневый; 11 -Рассветное; 12-Елизаветпольский; 13-Оленина Отнога; 14 - Карагайлы-Аят; 15 - «Чертово городище» I; 16 - «Чертово городище» II; 17 - Кайнсай; 18 - Рымникский; 19 - Мирный; 20 - Синташтинский; 21 - Куйсак; 22 - Зингейский; 23 - Заря I; 24 - Заря II; 25 - Сухореченский; 26 - Каменка I; 27 - Новинка II; 28 - Новинка I; 29 - Новинка 1а; 30 - Александровский; 31 - Крутая гора; 32 - Черкасы; 33 - Кайрахта I; 34 - Кайрахта II; 35 - Амамбайский; 36 - Карабулак; 37 - Измайловский I; 38 - Измайловский II; 39 - Кондуровский; 40 - Амурский; 41 - Ильясский I; 42 - Ильясский II; 43 - Обручевский; 44 - Березовский; 45 - Адрианополь; 46 Солончанка I; 47 - Солончанка IX; 48 - Кызыл-Жар, курган 3; 49 - Нижне-Давлетовский; 50 - Баишево X; 51 - Баишево VIII; 52 - Султантемирский; 53 - Новоактюбинский I, курган 1; 54 - Уральский; 55 - Медее; 56 - Чаушский.

Исследованные комплексы «селенташского» типа: 1 - Елантау; 2 - Селенташ, курган 4; 3 - Крутой Овраг, курган 2; 4 - Крутой Овраг, курган 3; 5 - Крутой Овраг, курган 4; 6 - Александровские, курган 1; 7 - Александровские, курган 2; 8 - Кызыл-Жар, курган 3

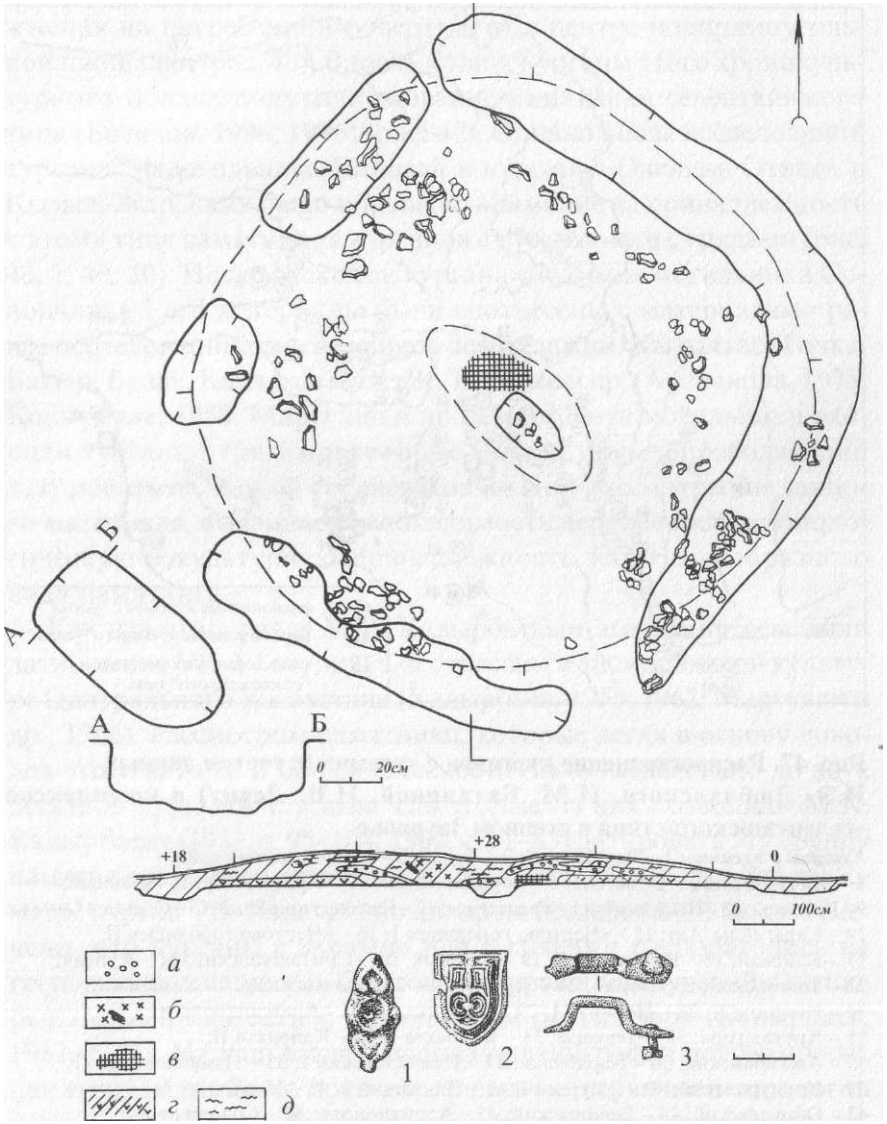


Рис. 48. Могильник Елантау. Курган 4. Общий план и разрез.
а - выкид; б - уголь, прокал; в - прокал; г - погребенная почва; д - зольник.
1, 3 - бронза; 2 - бронза, позолота

ных комплексов (Кадырбаев, 1958, с. 96). В итоге исследований были обнаружены стремечковидные бронзовые удила УП-Х1 вв. до н.э. в «прилегающей к кургану с «усами» с северо-западной стороны» каменной оградке (Толагай) (Кадырбаев, 1958, с. 97). В другом случае, автор указывает на двойную стратиграфию кургана 19 могильника Тасмола, в котором совмещаются «...функции двух курганов, основного и малого» (Кадырбаев, 1966, с. 71). Под насыпью одного из них были найдены обломки от двух сосудов, а погребение тасмолинской культуры относилось, вероятнее всего, к насыпи другого кургана. Курганы сакского и тюркского времени одинаково сооружались из камней средних размеров, это, вероятно, сыграло решающую роль в изначально ошибочной историко-культурной интерпретации курганов с «усами». Несмотря на то, что в погребениях тасмолинской культуры отсутствовала керамическая посуда, данные комплекса были отнесены к сакским памятникам УП-1У вв. до н.э.

Тем не менее, в результате исследований М.К. Кадырбаева был собран интереснейший материал, позволяющий сегодня систематизировать эти памятники. По данным аэродешифровки и картографирования И.М. Батаниной, Н.В. Левит, Н.Э. Любчанского в Южном Зауралье сегодня выявлено более сорока курганов с «усами» (рис. 47).

Суммируя материалы этих исследований с материалами раскопок Ф.Х. Арслановой в Западном Казахстане (Зевакинский, курганы 1, 2, 3, Кызылтас, курганы 1, 2 и курган у села Точка) (Арсланова, 1975, с. 116-129), а также результаты исследований семи курганов Южного Урала (Оленина Отнога, Кайнсай курган 14, Кызыл-Жар, Солочанка I, Черкасы, Султантемирский), сегодня можно описать данный историко-культурный комплекс. Его составляют два наиболее распространенных типа курганов с грядами. К первому относятся комплексы, состоящие из одного большого кургана и отходящих от него на восток (очень редко на юг) двух дугообразных «усов» на расстоянии 70-150 м, оканчивающихся округлыми или подпрямоугольными площадками, либо без таковых. (Кызылтау, Бугулы курган 13, Бесоба, Улутау, Токраун, Зевакино курган 3, Ботакара, Ак-Булак кур-

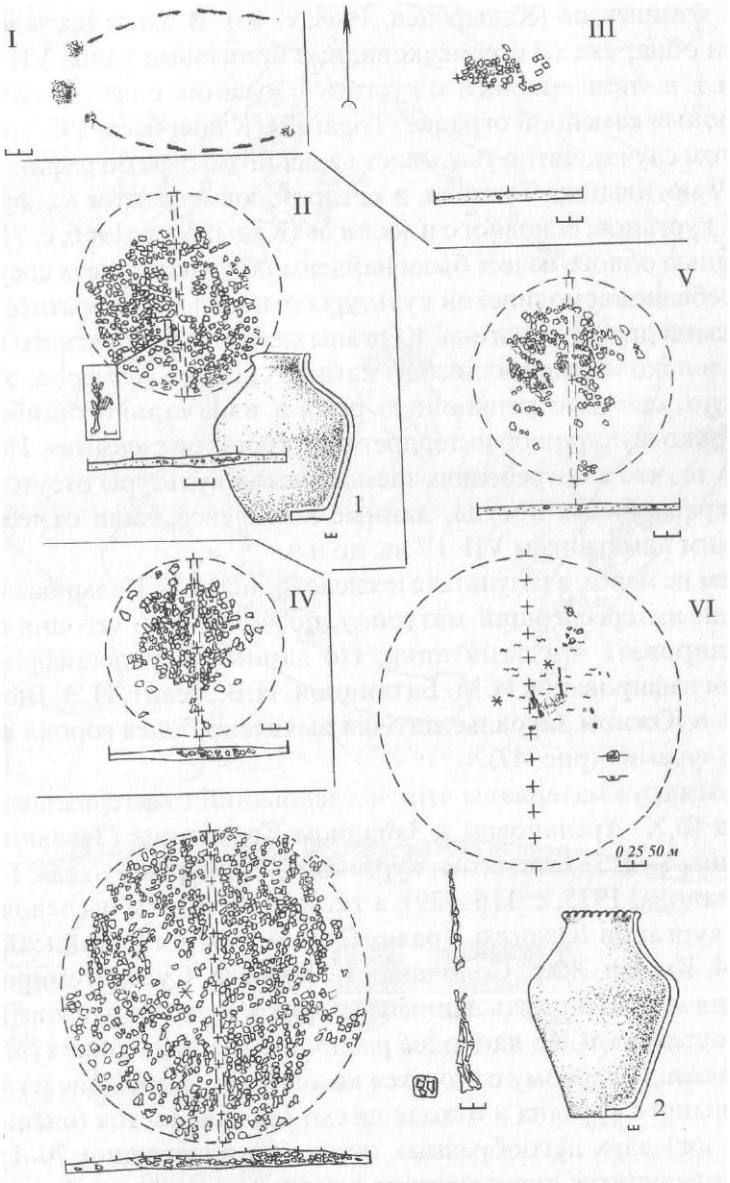


Рис. 49. Могильник Кызыл-Жар. I - Общий план; II - Курган 1 III - Сооружение 8; IV - Курган 2; V - Курган 4; VI - Курган 3. 1, 2 - керамика

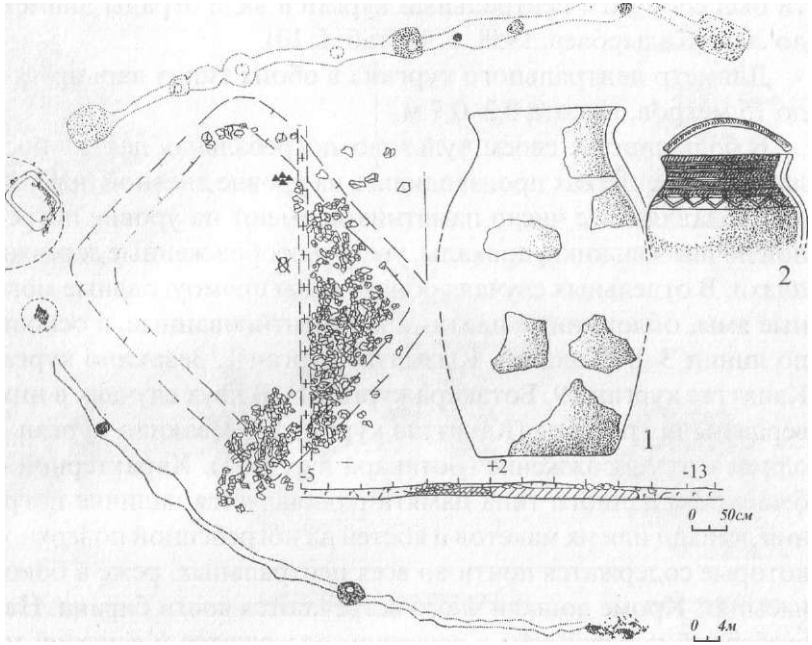


Рис. 50. Могильник Кайнсай, курган 14. Общий план и разрез. 1, 2 - керамика

ган 1, Толагай, Кызылтас курган 2, Тасмола курганы 14, 37, Точка, Султантемирекий, Черкасы). Вариантом этого типа являются комплексы, состоящие из двух курганов, расположенных по линии З-В, от которых отходят «усы» (Кулан Утпес, Кызылтас курган 1, Зевакино курган 2).

Второй тип представлен комплексами, состоящими из центрального крупного кургана и двух боковых, расположенных по линии С-Ю, от которых отходят «усы» оканчивающиеся, как правило, округлыми или кольцевыми выкладками (Зевакино курган 1, Улутау (Оре Заир), Карасай, Канаттас курган 19, Балкылдак, Оленина Отнога, Кайнсай курган 14, Кызыл-Жар, Солончанка I, Батыр-Булак, Городищенское IX). К особому типу конструкций относится комплекс у горы Ереймен-Тау, где центральная часть конструкции представляла собой прямоугольную ограду 65х40 м, ориентированную длинными сторонами З-В, в восточной ее час-

ти был сооружен центральный курган в виде ограды диаметром до 20 м (Кадырбаев, 1958, с. 96, таб. I, 10).

Диаметр центрального кургана в обоих типах варьирует от 5 до 15 метров, высота 0,2-0,7 м.

В большинстве своем культово-погребальная деятельность в данных комплексах производилась на уровне дневной поверхности. Подавляющее число памятников имеют на уровне погребенной почвы зольники, прокалы, уголь или обожженные деревянные плахи. В отдельных случаях обнаружены прямоугольные могильные ямы, обложенные плитами и ориентированные, в основном, по линии З-В (Толагай, Кызылтас курган 1, Зевакино курган 1, Канаттас курган 19, Ботакара курган 1). В двух случаях в них совершены погребения (Канаттас курган 19, Зевакино курган 1), в одном - трупосожжение (Ботакара курган 1). Характерной особенностью данного типа памятников является наличие погребений лошади или их макетов и костей на погребенной поверхности, которые содержатся почти во всех центральных, реже в боковых насыпях. Кроме лошади часто встречаются кости барана. На погребенной поверхности в основном содержится и вещевой материал: керамическая посуда, реже колчаны с наконечниками стрел, луки, предметы конской узды и поясная гарнитура (Султантемировский, Коктал, Солочанка I, Городищенское IX).

Интересную информацию удалось получить, благодаря последним исследованиям комплексов подобного типа в могильнике Городищенское IX и Кайнсай. В этой связи мы приводим их описание более полно.

Курган с грядами Городищенское IX. Расположен на ровной площадке левого коренного берега реки Сухая (левый приток Карталы-Аят). Представляет собой сложную двусоставную конструкцию, состоящую из центрального кургана подквадратной формы (первоначальные размеры стенок 7,5х7,5 м) (рис. 51, 4) и двух боковых курганов. Общий диаметр каменной конструкции составил 10,5 м, высота до 0,9 м. Боковые курганы отстоят на 20 м к ССЗ и ЮЮВ от центрального и представляют собой также прямоугольные ограды со сторонами 3,5-5 м (рис. 48, 3, 5). От них на СВ и ВЮВ отходят каменные гряды, которые тянутся

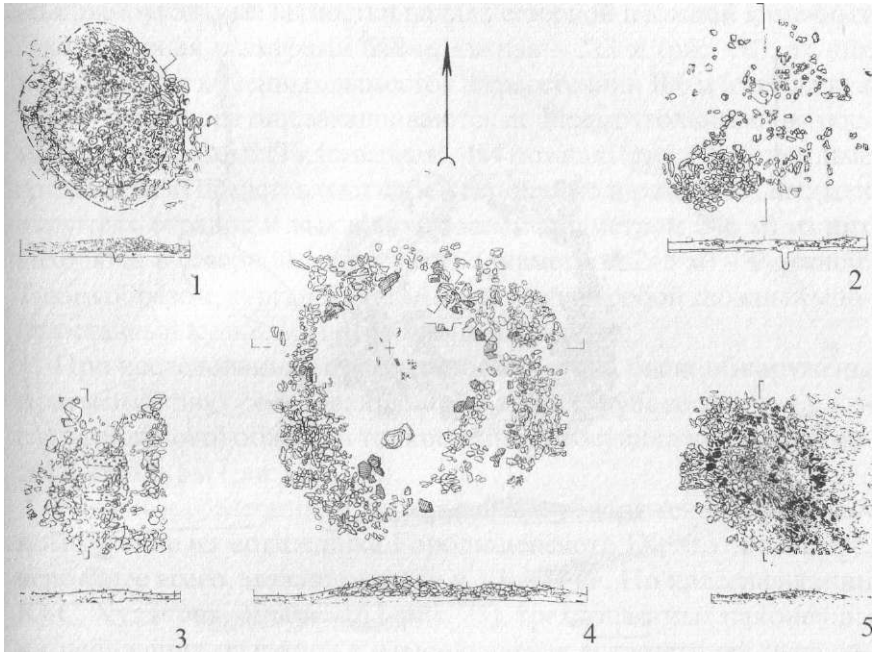


Рис. 51. Могильник Городищенское IX, курган 1.
1 — окончание северной гряды; 2 — окончание южной гряды; 3 — начало северной гряды; 4 - центральная ограда; 5 — начало южной гряды.

волнистыми дорожками, ширина которых варьирует от 7 до 3 м на расстоянии 220 м. Северная аллея заканчивается подпрямоугольной выкладкой размерами 7,5х6,2 м, ориентированной ССЗ-ЮЮВ, а южная - округлой насыпью диаметром до 10 м (рис. 51, 1). При разборке центрального кургана было выявлено следующее: вероятнее всего, вокруг центральной подквадратной площадки снимался дерновой слой, а внутренняя ее часть являлась основным обрядовым пространством. Здесь во множестве были обнаружены следы продуктов горения (уголь, зола, обожженные плашки), а также остатки жертвенных комплексов (кости лошади и овцы). В центре были найдены задняя часть и задняя нога лошади. Здесь же на одном уровне (древней поверхности) - два черешковых железных наконечника стрелы, синяя ребристая стеклянная бусина и кальцинированные кости (рис. 52, 1-3). При за-

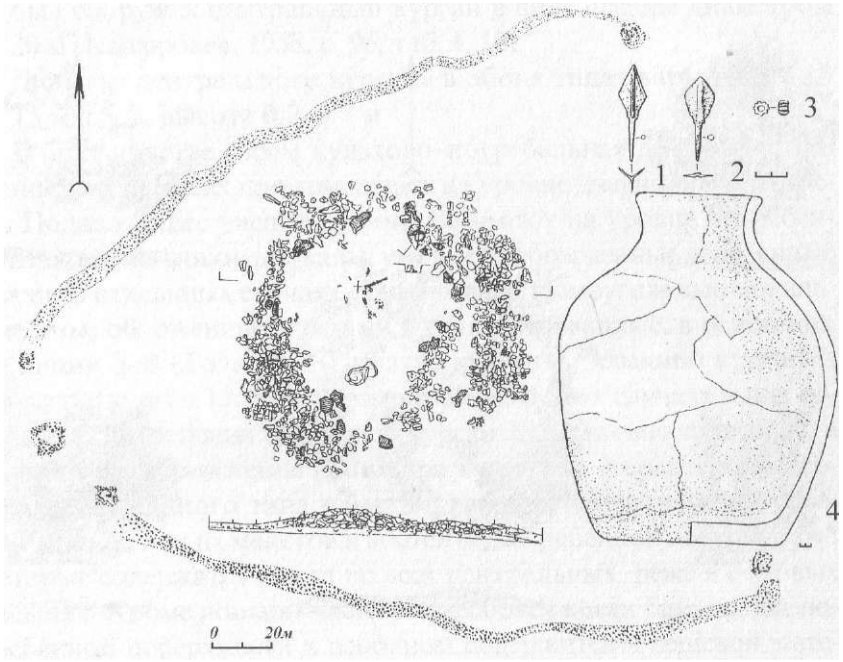


Рис. 52. Могильник Городищенское IX. Курган 1.
1,2 — железо; 3 — стекло; 4 — керамика

чистке на уровне материка центральная часть оказалась нетронутой, а у восточного края ограды - углубление с костями барана и крупным глиняным горшком (рис. 52, 4).

Северная и южная, а также концевые оградки и вымостки также имели следы огня (прокал, зола, угли) во внутренней части на уровне древней поверхности. Причем, в северном кургане наблюдался прокал подпрямоугольной формы размерами 1,8х2,2 м.

Курган 14 могильника Кайнсай. Расположен на ровном плато левого берега реки Синташта. Данный комплекс составляют: центральный курган, представляющий собой подпрямоугольную ограду размерами 6х8 м, ориентированную ССЗ-ЮЮВ, сложенную из камней средних размеров. Ограда располагалась на восточном склоне грунтовой насыпи кургана эпохи раннего железного века, в 10-12 м к северо-востоку и к югу от центральной ограды располагались

подпрямоугольные вымостки начала северной и южной каменных гряд: северная размерами 6х8 м, южная - 2х3 м (рис. 50); от них тянутся аллеи каменных вымосток на расстоянии 106 м (северная) и 97 м (южная); обе они заканчиваются подпрямоугольными вымостками размерами 6х9 м (северная), 4х4 (южная) (рис. 50). Каменные гряды (аллеи) представляют собой цепочку подпрямоугольных или округлых оградок и выкладок. Восемь (диаметром 3-6 м) из них находятся в северной аллее, шесть (диаметром 2-5 м) - в южной. Таким образом, курган Кайнсай представляет собой сложный многосоставный культово-погребальный комплекс.

При исследованиях центрального кургана были обнаружены фрагменты двух сосудов: крупной вазы из грубого теста, плохого (напольного) обжига и тонкостенного сосудика кушнаренковской культуры (рис. 50, 1, 2).

Судя по наконечникам, которые были обнаружены в центральном кургане из могильника Городищенского IX, этот комплекс, вероятнее всего, можно отнести к VI-VII вв. По классификации Ю.С. Худякова (1986, с. 162, рис. 71), трехлопастные наконечники небольших размеров с намечающейся асимметрией пера относятся к У1-УП вв. Подобные двухлопастные наконечники встречаются довольно редко. Традиции изготовления двухлопастных наконечников утверждаются в более поздний период, что в определенной мере указывает на более позднюю позицию вышеназванной даты. Насколько позволяет судить кушнаренковский сосуд из кургана 14 могильника Кайнсай, он относится к сосудам более позднего времени УШ-1Х вв. (Мажитов, с. 225, табл. XIX).

Таким образом, эти два комплекса своеобразно очерчивают хронологический диапазон существования самой традиции возведения курганов с грядами или с каменными аллеями с У1-УП до УШ-1Х вв. Насколько позволяют судить результаты исследований, данные памятники представляли собой комплексы каменных оград, достигавших высоты 1,5-2 м. Вокруг них снимался дерн, который шел, вероятно, на укладку верхнего яруса стенок. Внутренняя часть огражденного пространства являлась площадкой, где совершался погребальный обряд и жертвоприношения.

Скорее всего, сам обряд совершался наземным способом, остатки погребения и жертвенные комплексы выкладывались на поверхности. Впоследствии они были подвержены активному разграблению или развеиванию. Те немногочисленные предметы, которые обнаружены в результате исследований, вероятно, попали под завалы каменных или грунтовых стенок. Исключение составляют сосуды и жертвенные комплексы при них, которые совершались в углублении у края ограды.

Керамический комплекс из раскопанных курганов с «усами» представлен горшками, изготовленными из теста с примесью дресвы и крупнозернистого песка. Обжиг, вероятно, производился на открытом огне, в связи с чем поверхность посуды неравномерно обожжена и имеет разные цветовые тона в верхней, средней и нижней частях. По форме выделяются четыре условных типа посуды.

Первый тип составляют высокие плавно профилированные горшки - вазы (8 экз.) с короткой прямой или слегка отогнутой шейкой и прямосрезанным венчиком (рис. 56, 10, 23, 85, 94, 103, 104,113). Второй тип представлен кувшинами или кувшинообразными горшками с раздутым туловом (5 экз.) (рис. 56, 11, 13, 86, 87, 100), а также небольшие горшки либо круглодонные, либо со скругленным дном (2 экз.) (рис. 56,112). Особый тип составляют котлообразные сосуды, обнаруженные в могильнике Кызылтас (Арсланова, 1975, с. 127, табл. II, 4, 8, 9), которые имеют конусовидную подножку и яйцевидное тулово (рис. 56, 102).

Особенностью, довольно характерной для данного керамического комплекса, является наличие невысокого валика, идущего по плечу, или орнамента в виде ломаного зигзага, ограниченного сверху горизонтальной линией. В одном случае встречен бронзовый котелок (Солончанка I). Подобная плавно профилированная керамика вытянутых пропорций своим возникновением, вероятно, обязана районам Центральной Азии. Эти формы появляются уже в сюннских памятниках Тувы и Монголии (Кызласов, 1979, с. 102, рис. 78, 1, 2; Оа§ ОгаЬегГе1с1..., 1984, аЬЬ 20, 91; 21, Е1, 2; 22 ё5; 25, с2; 28^8; 42, Н. № 1; Цэвэндорж Д., 1985, с. 65, рис. 14, 8, 9; с. 69, рис. 20, 2; с. 74, рис. 26, 6).

В последующее раннетюркское время в посуде данного комплекса наблюдается большая прямостенность и характерное грубое изготовление значительной части сосудов. Это хорошо видно на образцах из алтайских комплексов катандинско-кудэргинского округа (Гаврилова, 1965, табл.XXIV, 13, 14; Кубарев, 1979, с. 145, рис. 11) и в большей мере на керамических комплексах чаатаской эпохи (Кызласов, 1981, с. 136-137, рис. 28, 23-25, 6, 7, 18, 19). Данные формы продолжают господствовать в Южной Сибири и в уйгурскую эпоху, и в период Кыргызского каганата в памятниках тюхтятской культуры (Кызласов, 1979, с. 165, рис. 121, 1, с. 169, рис. 124, 1-4, 6; с. 176, рис. 132, 3, 4, 6, 8, 9; 1981, с. 144-145, рис. 33, 11, 12, 5, 17, 19; Грязнов, Худяков, 1979, с. 147, табл. XI, 10-13), и в культуре курыкан (Асеев, 1980, с. 38, табл. VII, 1-3, 8; Кызласов, 1977, с. 147, рис. 35, 33-36; Дашибалов, 1996). Характерной деталью сосудов У11-1Х вв. является наличие валика с косыми или фигурными вдавлениями (Кызласов, 1979, с. 152, рис. 108, 1; 124, 8; 132, 5).

К этому следует прибавить, что очень интересная информация по комплексу посуды раннетюркского времени содержится в древнетюркских каменных изваяниях Южной Сибири, Монголии и Восточного Казахстана. Если кратко систематизировать эти материалы, то выделяются три основных типа, вероятно, ритуальной посуды, которая изображена на изваяниях. К первому относятся изображения плавно профилированных горшков вытянутых пропорций или грушевидной формы (Грач, 1961, табл. I, 1, 2, 10-14, 34, 42, 52, 57; Шер, 1966, табл. XXIV, 112-115, 117; XXV, 119, 120; XXVI, 124, 127; XXVII, 132, 133; XXVIII, 142; XXIX, 143, 144; Чариков, 1980, рис. 2, 11, 12, 14; 6, 16-19, 22, 23; Кубарев, 1984, табл. VI, 41; XIII, 87; XVIII, 107, 108, 112; XXXI, 190; ХЬ, 228; Ь, 255). Все эти сосуды по своей форме и пропорциям весьма схожи с раннетюркскими вазообразными сосудами, описанными выше. Наибольшая схожесть усматривается с серией сосудов, изображенных на алтайских статуях из Кошагачского района (Кубырев, 1984, с. 197, табл. XVIII, 107, 108, 112).

К следующему типу относятся изображения котлообразных кубков и небольших плошек (Грач, 1961, табл. I, 6, 15, 24, 43, 44;

Шер, 1966, табл. I, 1-5; II, 8-10; III, 15, 16; IV, 17, 18; V, 20, 22, 23; VI, 24, 26-30; VII, 34-36; УШ-1Х; X, 45^16; XI, 47-50; XIV, 54, 56-60; XV, 61-63; ХУ1-ХУН, XXVII, 130; XXVIII, 135, 136; Чариков, 1980, рис. 1, 1-3, 6, 8; 2, 9, 10; Кубарев, 1984, табл. II, 11; V, 35; IX, 58; X, 75; XI, 78, 79; XII, 85; XXVIII, 172; XXXI, 192; XXXV, 205-211; XXXVII, 219-221; Х1Л, 230; ХЬУШ, 244; Баяр, 1985, рис. 4, 1, 2). Многие из котлов с подножкой идентичны по форме котлам из Кызылтасских курганов.

И, наконец, к третьему типу, вероятно, можно отнести сосуды и кружки с петлевидной ручкой, которая либо заметна на изображениях, либо предполагается, судя по тому, как они располагаются (сбоку от пальцев правой руки) (Грач, 1961, табл. 1,19,22, II, 53, 55; Шер, 1966, табл. II, И; V, 21; VII, 32; XXVIII, 139; Чариков, 1980, рис. 1, 5; Кубарев, 1984, табл. II, 15-17; IV, 33; VII, 47, 48; XVI, 99; XIX, 114; XX, 121; XXI, 127, 133, 134; XXIII, 143, 144, XXVII, 118; XXXI, 191; XXXII, 194; XXXIII, 198,199; XXXV, 207; Ь, 256). Вероятно, большая часть данных сосудов носила ритуальный характер, значительное их количество, изготовленные из серебра, было найдено в тюркских погребениях и жертвенно-поминальных комплексах, хотя встречены образцы из дерева и керамики (Кубарев, 1984, табл. ХБГУ, 10). Подобный сосудик встречен в погребении у озера Боровое (рис. 56, 110).

Сравнение типов сосудов из раннетюркских памятников урало-казахстанских степей и изображенных на каменных изваяниях Центральной Азии, наводит на мысль, что данный материал составляет единый историко-культурный комплекс.

Этот комплекс объединяет не только материалы из перечисленных курганов с грядами (Городищенское IX; Солончанка I; Султантемирский; Кайнсай, курган 14; Зевакино, Канатас), но и известные материалы (погребения у озера Боровое; Кара-Агач). Последующий период УШ-1Х вв. представлен селенташскими памятниками (Елантау, курган 4; Кызыл-Жар, курган 3;Селенташ, курганы 4, 5; Александровские курганы 1, 2; Крутой Овраг, курганы 1, 3,4) (рис. 48; 49, 6; 53-55), которые сооружены по тому же принципу что и раннеселенташские комплексы с грядами,

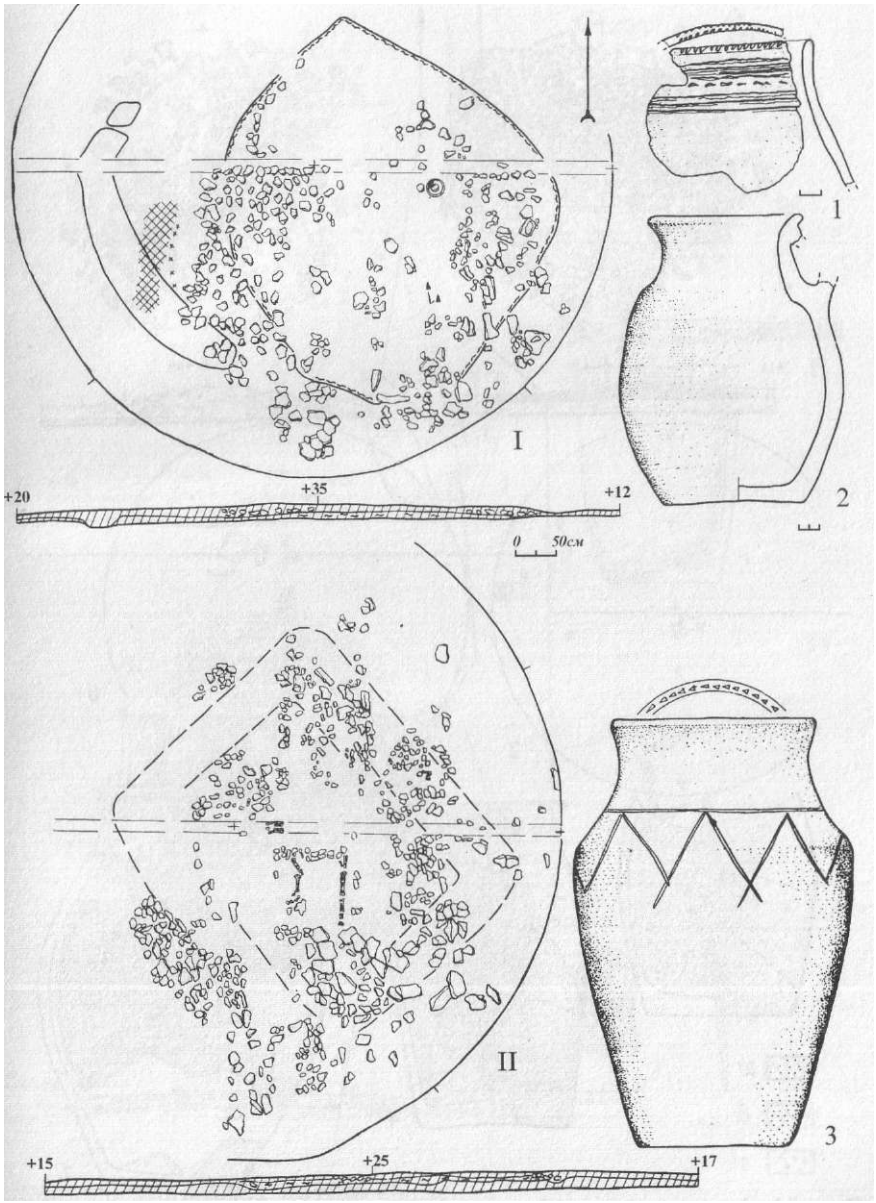


Рис. 53. Могильник Селенташ. I - курган 4, общий план и разрез; II — курган 5, общий план и разрез. 1,3 — керамика

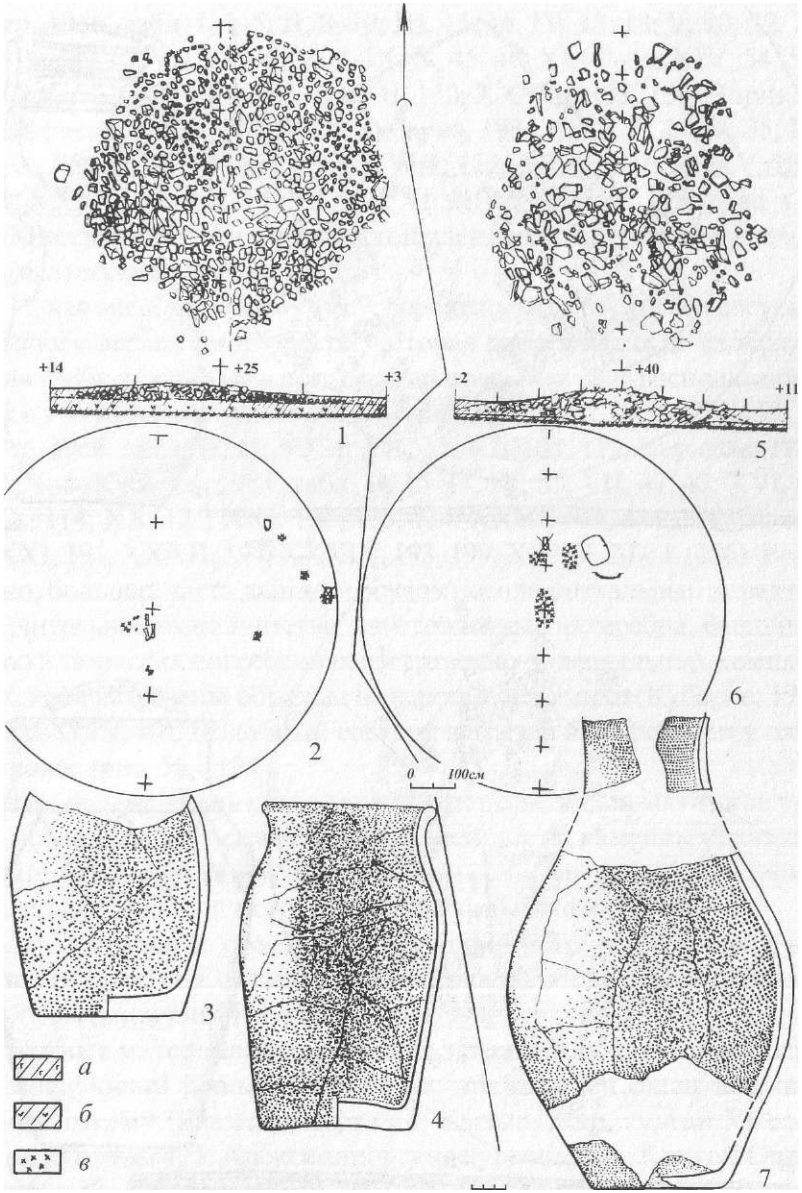


Рис. 54. Александровские курганы.
1, 2 - курган 1, общий план; 5, 6 - курган 2, общий план,
а — гумус, б — погребенная почва, в - уголь. 3, 4, 7 - керамика

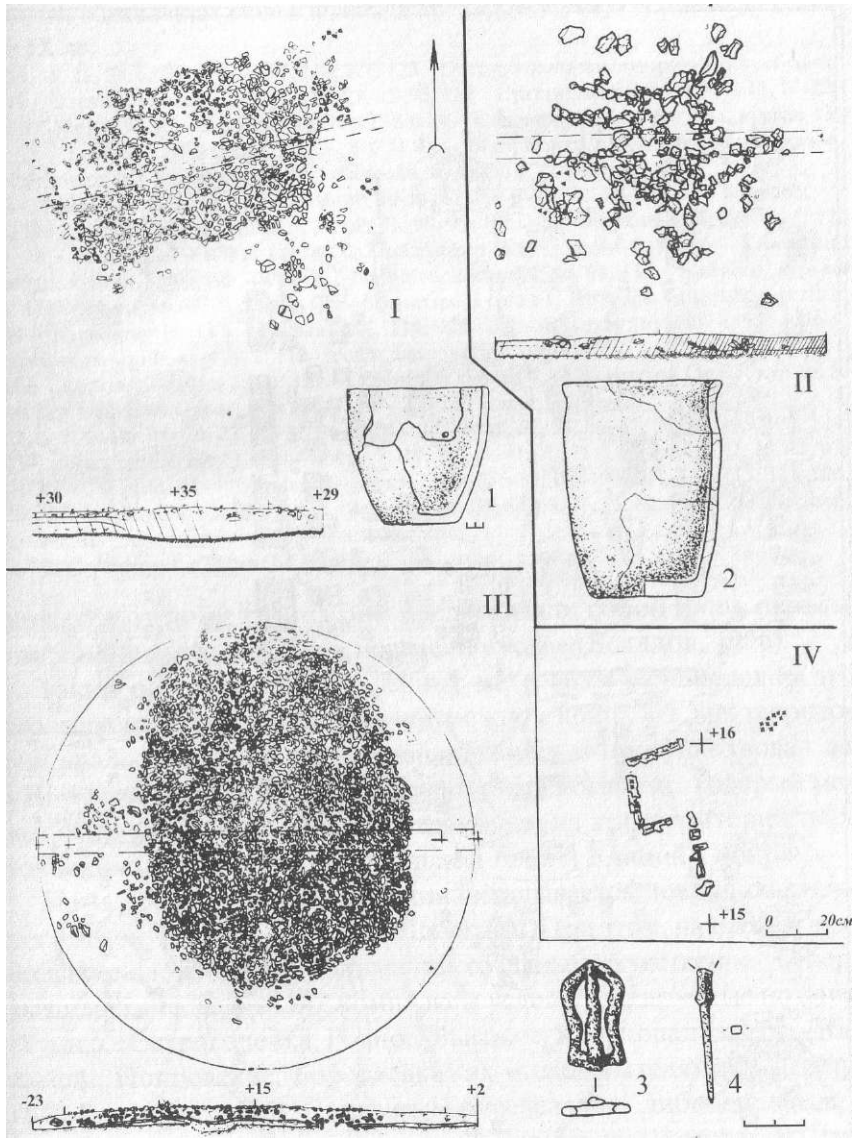


Рис. 55. Могильник Крутой Овраг.
I - курган 1; II® курган 3; III - курган 4 (общий план); IV - план расположения деревянной подкурганной конструкции. 1 , 2 - керамика; 3, 4 - железо

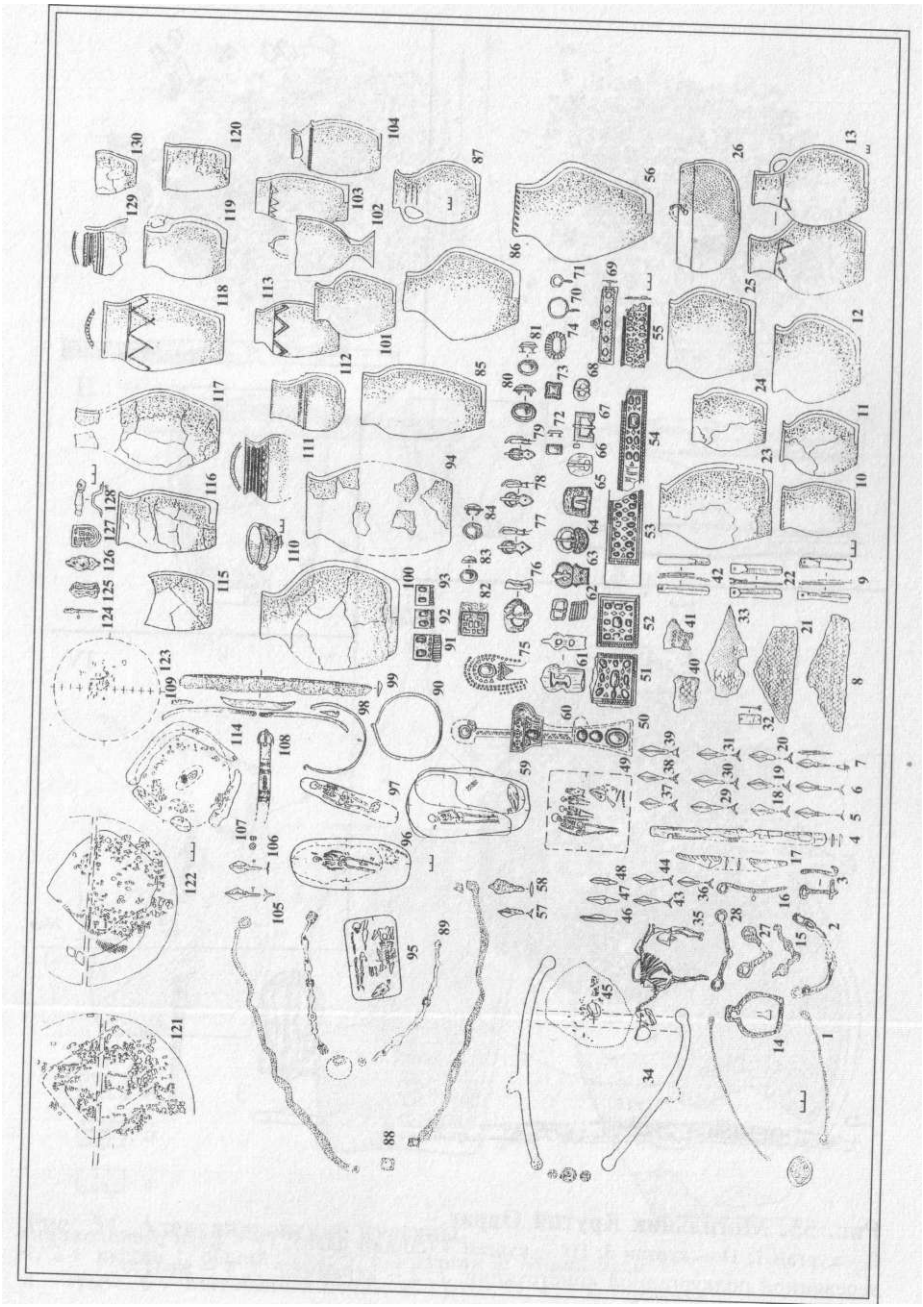


Рис. 56. Комплексы раннетюркской эпохи урало-казахстанских степей У1-1Х вв.

1, 34, 35, 45, 59, 65, 88, 89, 96, 97, 114,121-123 - Общие планы памятников и погребений.
1, 10 - Оленина Отнога; 2, 3, 4-7, 16, 28, 85 ,95, 112 - Султантемирский; 4, 8, 9, 13,17-22, 26, 29-32, 34-39, 42-45, 55, 69, 72, 76-81, 83, 84 - Солончанка; 11 - Бугулы, курган 13; 12, 25 - Ботакара, курган 48; 14, 26, 60, 71, 95 - Егиз-Койтас; 15, 65, 66, 97 - Аркаим, погребение; 23 - «37 воинов»; 24 - Тасмола, курган 19;
27, 49, 62 - Каннатас; 33, 40, 41, 46-48, 50-54, 67, 70,73-75, 82, 90-93,110 - Боровое;
56, 123 - Кызыл-Жар, курган 3; 57, 58, 71, 98, 99, 108, 109 - Зевакинский, курган 1; 59, 63, 68 - Каменный Амбар, курган 6; 86 - Кызыл-Жар, курган 1; 87, 96 - Каменный Амбар, курган 5; 88, 100, 105-108 - Городищенское IX; 89, 94, 111 - Кайнсай, курган 14; 101 - Зевакинский, курган 3; 102 - Кызылтас, курган 1; 103 - Зевакинский, курган 2; 104 - Кызылтас II; 113 - Кызылтас I; 114, 126-128 - Елантау, курган 4; 115, 116 - Александровский, курган 1; 117 - Александровский, курган 2;
118 - Селенташ, курган 5; 119,129 - Селенташ, курган 4; 120 - Крутой Овраг, курган 3; 124, 125 - Крутой Овраг, курган 4; 130 - Крутой Овраг, курган 2.
2, 3, 5-7, 14-16, 18-20, 27, 28-31, 36-39, 43, 44, 46-48, 57, 58, 66, 67, 76, 99, 105, 106, 124, 125 - железо; 4, 17, 60, 61, 109 - кость; 8, 21, 33, 40, 41, 70, 71 - золото; 9, 22, 26, 42, 67, 77-79, 90, 98, 126, 154 - бронза; 10-13, 23-25, 56, 85-87, 94, 100-104, 111-113, 115-120, 129, 130 - керамика; 63, 68, 74, 110 - серебро; 50-55, 64, 69, 73, 75, 82, 84, 91-93 - золото, камень; 62 - золото, железо; 66 - кость, железо;
72, 80, 81 - бронза, камень; 83 - камень; 108 - кожа, бронза; 127 - золото, бронза

однако в отличие от них они представляли собой лишь ограды или каменные выкладки и не имели «усов» (Боталов, 1996).

Таким образом, представленные материалы указывают на то, что, вероятнее всего, с VI века (возможно с конца V в.) на территории урало-казахстанских степей сложился и просуществовал до УШ-1Х вв. особый историко-культурный комплекс, который может быть связан с активным воздействием на эти территории тюркоязычных кочевников Центральной Азии и Южной Сибири.

Не менее интересная ситуация складывается вокруг очерченного этнокультурного круга в Поволжье. При этом, на наш взгляд, большие сложности в понимании созданы искусственно. С первых шагов исследований комплексы условно датируемые позднее IV в.н.э. (Остроголовка, Ровное, Высокое, Краснопалов, Усть-Карамаш, Покровские, Бородаевка) их исследователями П.Д. Рау, П.С. Рыковым и И.В. Спицыным определялись либо как «несарматские», либо как финальные позднесарматские комплексы (Рау, 1928, с. 431-436; Спицын, 1936, с. 206-207; 1947, с. 35-36). Несколько позже были исследованы еще несколько сходных комплексов: Ровное, Нижнее Добринка (Засецкая, 1968). Их объединяет одна

характерная черта — это курганы-кострища, которые представляют погребальные комплексы с трупосожжением на стороне. Параллельно с ними исследованы комплексы (Верхне-Погромное; у города Покровка, курган 36; Энгельс, курган 36, погребение 2; Ленинское, курган 3, погребение 12). В этот круг памятников также входят некоторые приуральские комплексы турбаслинского типа, часть которых совершены по обряду трупоположения в гробах, головой на север (Кушнаренковский, курган Коминтерновский, Шиповский, курганы 2, 3). Некоторые погребенные имеют искусственную деформацию черепов (Шиповский, курганы 2, 3; Ленинск, курган 3, погребение 12). То есть их обряд соответствует общегуннским традициям, другие имеют В-СВ ориентировку, в них присутствуют кости лошади (шкура) либо в погребении, либо на ступеньке, что указывает на тюркское влияние и соответственно датирует большинство из них 1У-У вв. Систематизируя данные материалы и датируя их в целом рамками 1У-У вв., И.П. Засецкая убедительно показывает их не позднесарматское происхождение и определяет как гуннские (Засецкая, 1968; 1971; 1986). А.К. Амброз (1989, с. 66-67) омолаживает дату рассмотренных комплексов до У1-УП вв., и в этом случае они могут быть соотнесены с памятниками постгуннского или раннетюркского типов. Данные курганы, на наш взгляд, знаменуют собой этап сложнейших этногенетических процессов, которые происходили на Востоке Европы. В них, с одной стороны, участвовало гуннское население, оставшееся здесь после исхода основной части этих племен на запад, а также пришедшие сюда позднее из Южного Казахстана, с другой - новые мобильные племена центральноазиатского происхождения, среди которых основную роль играли ранние тюрки. Следующую волну тюркокультурной миграции отражают уже раннеболгарские памятники УП-УШ вв. Среднего Поволжья новинкинского типа (Новинки, Рождественский III, Брусяны, Шелехметский II и др.). Погребения с трупоположением головой на В-СВ и набором керамики (плавно профилированные горшки и банки с насечками по краю венчика, выполненные из теста с крупным песком, дресвой), сходным все с тем же комплексами чаатаско—тюхтятского типов (Матвеева, 1995, с. 45-52; 1995а; Седов, 1995;

Сташенков, 1995). Кроме особенностей ИКК данного круга памятников на новый этап тюркизации указывает значительно возросший процент монголоидное™ в антропологическом облике погребенных (Газимзянов, 1995). Не можем не отметить, что в определенной мере на факт тюркокультурного влияния указывает трупосожжение в памятниках Волго-Камья романовского типа, появление и распространение которого падает на тюркскую эпоху (Генинг, 1979, с. 288). Параллельно этому продолжают свое существование комплексы трупоположения с конем (Осиповка, Кривая Лука) (Богачев, Мышкин, 1995; Федоров-Давыдов, 1984).

Аналогичным образом можно очертить рамки двух ареалов тюркских миграций и для южнорусских, и для северокавказских степей. Так, Т.М. Минаева (1927) вполне закономерно указала на явное сходство одновременных покровских и новогригорьевских курганов УП-1Х. Новогригорьевские комплексы, с трупосожжением, костями лошади, совершены под каменными вымостками внутри больших грунтовых и каменных (прямоугольных) оград (Амброз, 1981, с. 18-20). Они представляют собой наиболее яркие раннетюркские памятники восточного (Хакасско-Минусинского) ареала. Эта традиция устойчиво сохраняется здесь до конца тюркской эпохи, середины VIII в. и представлена царскими комплексами (прямоугольные каменные или грунтовые ограды, трупосожжение в небольшом углублении) - Глодосы, Келегеи, Вознесенка, Перещепино. Не столь социально-маркирующие, но также аналогичные комплексам Саяно-Алтайского ареала являются курганы с трупоположением и костями лошади. Трудно точно идентифицировать особенности погребального обряда наиболее ранних из них (Мелитопольское, Зеленокумское, Крупское, Чапаевск, Червоноармейское) (Засецкая, 1981,с. 166,170,192), однако восточная — северо-восточная ориентировка, наличие шкуры лошади, позволяет также с определенной долей уверенности соотносить их с тюркскими комплексами западного (телесского) ареала. Более поздние памятники УП-УШ вв. (Портовое, Дымовка, Белозерск, Якинево, Картогризовое) (Айбабин, 1985) также отчетливо отражают катандинский тип погребального обряда (Гаврилова, 1965, с. 61; Савинов, 1982, с. 104-112).

Таким образом, просматривается двуединая для степей Евразии тенденция возникновения и последующего распространения тюркокультурных комплексов с VI по VIII века.

Думается, что говорить сегодня о преобладании одного или полном исчезновении другого на каком-либо этапе неправомерно, так как в том или ином виде в равной степени отдельные черты, составляющие данный историко-культурный комплекс, перенимали последующие тюркоязычные этнополитические сообщества. Трупосожжение — хазары, кыргызы, трупоположение с конем — кимаки, огузы, печенеги; каменные ограды, стелы, изваяния — кимаки, кыпчаки, кыргызы и т.д. Следовательно, не смотря на крайне малое количество сегодня тюркских комплексов в урало-казахстанских и волго-днепровских степях, можно проследить общие черты культурогенеза, характер и динамику расширения тюркокультурных ареалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы данной работы были построены, в основном, с опорой на традиционные черты погребального обряда. Думается, что требуется отдельное исследование по идентификации вещевых комплексов. Предварительно можно заметить лишь следующее. Вполне закономерно, что облик раннетюркских вещевых комплексов VI в. отвечал общегуннским традициям, господствовавшим на огромном пространстве Евразийских степей. Спустя, по меньшей мере, столетие, когда окончательно установились тюркские культурно-политические ареалы, на территории родовых земель тюркско-телесской аристократии, с УП-УШ веков окончательно утвердились два производственных очага: Алтайский и Хакасско-Минусинский, в которых формировались и затем расходились по всей Евразии новые формы оружия, конской узды, поясной гарнитуры, украшений.

С какой целью в заключение данной работы мы столь подробным образом остановились на разборе материалов последующего (после VI века) историко-культурного этапа?

Читатель, вероятно, уже обратил внимание, что в числе раннетюркских кочевнических комплексов, приводимых нами, неоднократно упоминались те, которые различными авторами традиционно включались в круг гуннских древностей. Целью данного экскурса было выявление истоков и особенных черт следующего историко-культурного пласта, дабы провести общее сравнение в рамках двух эпох - гунно-сарматской и тюркской. В первом случае, историко-культурный комплекс составляют следующие черты: земляные, округлые, удлиненные, гантелевидные грунтовые склепы; узкие прямоугольные ямы, ингумация, наличие гробов, северная ориентация покойника, наличие деформации черепа, жертвоприношения из голов быков или баранов. Маркирующим вещевым инвентарем являются конская узда и пояса украшенные массивными

прямоугольными восьмерковидными и сферическими накладками-зажимами с листовидным привеском, длинные мечи без перекрестия с халцедоновым навершием, серьги-луницы, ханьские зеркала, керамический комплекс южноказахстанского и среднеазиатского происхождения.

Следующий комплекс составляют мегаплановые конструкции - каменные гряды («усы») с оградками, вымостками или стелами внутри них (или без таковых), прямоугольные ограды, округлые вымостки, каменные насыпи. Наличие жертвенников в виде скелетов, шкур, отдельных костей лошади и барана, наличие следов огня на погребении и внутри конструкции (рис. 56, 35, 45). В отдельных случаях-наличие трупосожжения в центральной части сооружения. Особую группу составляют погребения с конем, совершенные под небольшими каменными или грунтовыми насыпями (рис. 56, 95; 59, 97). Ориентировка покойника головой на восток, несколько позже сменяется на западную и северо-западную. Вещевой комплекс составляют предметы из листового золота (обкладки ножен, поясов, седел), полихром, трехлопастные ромбические, удлиненно-ромбические наконечники (рис. 56, 2-9, 16-21, 36-44, 46-48, 50-55, 60-84, 90-93, 98, 99, 105-109). Керамический комплекс составляют сосуды (кувшины, плавно профилированные вазы) среднеазиатского (туркестанского) и южносибирского происхождения.

Сложение и существование данных традиций происходят в различных пространственно-временных рамках. Гунно-сарматский историко-культурный комплекс складывается на обширной территории севера китайских провинций (Шанси, Шэнси, Ганьсу, Хэбэй), Ордоса, части Внутренней Монголии и юго-западной Маньчжурии в раннее время. Основные его черты: положение скелетов вытянуто на спине, головой на север, совершение погребений в вытянутопрямоугольных ямах, наличие торцовых ниш, подбоев, уступов, жертвенники в виде голов домашних животных. Эти черты начинают оформляться еще в шанско-иньское время в среде культур, оставленных

индоевропейским населением (жуны, ди) севера Китая. Они составили различные комплексы, так называемой «культуры ордосских бронз», расцвет которой падает на эпоху Чжоу. Ключевыми памятниками являются погребальные комплексы Танхубала, Маоцингоу, Хулусытая, Юйлунтая, Алучайдэна, Сигоунаня и др. (Коновалов, 1996, с. 58-59). В периоды Чуньцю-Ижанью (УШ-Ш вв. до н.э.) данные племена претерпевают существенное воздействие со стороны монголоидного населения дунху (культура верхнего слоя Сяцзядянь, Наныианьгэнь, Дуннаньгоу и др.) и со стороны северокитайских племен (линь-ху, ло уфань и др.). Это привело к формированию к концу III в. до н.э. «классической хуннской культуры», по определению китайских исследователей. Этот комплекс включал в себя следующие черты: наличие округлых каменных насыпей, узких прямоугольных ям, гроба, северной ориентировки - для рядовых погребений и сооружения сложных многосекционных, прямоугольных с дромосом (на юг) склепов; наличие глубоких ям, на дне которых внутри сруба помещается гроб с покойником, уложенным головой на север - для аристократических усыпальниц. Окончательная унификация хуннского или хунно-сарматского ИКК произошла на территории Монголии, Забайкалья, а также Тувы (памятники кокэльской и шурмакской культур) во 11-1 вв. до н.э. Далее в определенной мере этот комплекс трансформируется в пределах Южного и Западного Казахстана. И, как уже говорилось, гунно-сарматский ИКК просуществовал в пределах урало-казахстанских степей со II по IV вв. н.э. В последующее время общие черты этого историко-культурного круга продолжили свое существование как реминисценции в культурах лесостепного Волго-Уралья и Зауралья вплоть до VIII в.

Тюркский ИКК, насколько сегодня позволяет судить материал, окончательно сложился на обширной территории юга Сибири и Центральной Азии (Джунгария, Туркестан) к VI в. н.э. (возможно к концу V в. н.э.), после чего он распространился на запад в казахстанские, уральские и волго-донские

степи, где просуществовал в двух своих составляющих (трупосожжение, захоронение с конем), в определенной степени видоизменяясь вплоть до ХШ-Х1У вв. Монгольская эпоха снивелировала культуру тюркоязычных кочевников. Процесс же исламизации окончательно унифицировал весь историко-культурный комплекс кочевого населения западной части Евразийской степи.

Таким образом, в хронологическом отрезке У-У1 вв. прошла смена двух глобальных эпох в Евразийских степях: гуннской и тюркской.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Основные черты погребального обряда Южноуральской группы

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
1	Агаповский	1	земляная округлая	прямоугольная	С	.	"К-'	нож
2		4	земляная округлая	прямоугольная	С	.	жен	пряжка, накладка, бусы
3		6	земляная округлая	прямоугольная	С	перекрытие	.	кинжал
4	Альмухаметовские	7	земляная округлая	прямоугольная	С	.	.	.
5		9/1	земляная округлая	прямоугольная	С	.	муж	наконечники стрел, кинжал,пряжки, накладки
6	Аркаим		земляная округлая	прямоугольная	С	.	муж	удила, жел. обойма, жел. пряжка, кост. пряжка, нож (?)
7	11 Ахмеровский	6	земляная округлая	прямоугольная, узкая	ССВ	.	.	.
8		7	земляная округлая	прямоугольная, узкая	ССВ	.	.	сосуд
9		8	земляная округлая	прямоугольная	СВ	.	.	.
10		9	земляная округлая	прямоугольная, узкая	В	.	.	сосуд
11		10	земляная округлая	прямоугольная, узкая	СВ	.	жен	пряслице, серьги, сосуд
12		11	земляная округлая	прямоугольная, узкая	В	.	.	пряжки
13		14	земляная округлая	прямоугольная	СВ	.	.	.
14		15	земляная округлая	прямоугольная, узкая	С	.	.	браслет
15		16	земляная округлая	прямоугольная	ВСВ	.	.	сосуд
16		18	земляная округлая	прямоугольная	ЮВ	.	.	.
17		19	земляная округлая	прямоугольная	ЮВ	.	.	.
18		20	земляная округлая	прямоугольная	ЮВ	.	.	.
19		21	земляная округлая	прямоугольная	ВЮВ	.	.	.

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
20	II Ахмеровский	22	земляная округлая	прямоугольная	ВЮВ	.	.	.
21		23	земляная округлая	прямоугольная	ВСВ	.	.	.
22		23/1	земляная округлая	прямоугольная, узкая	ЮВ	.	.	серьги
23		23/2	земляная округлая	прямоугольная	ЮВ	.	.	.
24		24/1	земляная округлая	прямоугольная	СВ	.	.	.
25		24/2	земляная округлая	прямоугольная	ССВ	.	.	.
26		25	земляная округлая	прямоугольная	ССВ	.	.	сосуд
27		27	земляная округлая	прямоугольная	СВ	.	.	сосуд
28		28/1	земляная округлая	прямоугольная	ВСВ	.	.	сосуд
29		28/2	земляная округлая	прямоугольная, узкая	ВСВ	.	жен	фибулы, серьги, накладка
30		30	земляная округлая	прямоугольная	ВСВ	.	.	бусы
31		31/2	земляная округлая	прямоугольная	ССВ	.	жен	фибула, серый, накладки, бусы, сосуд
32		32	земляная	прямоугольная	С	.	.	.
33		34	земляная округлая	прямоугольная, узкая	С	.	.	браслет
34		36	земляная округлая	прямоугольная	СВ	.	.	сосуд
35	Байрамгуловский	2/1	земляная округлая	прямоугольная	Ю	.	дет	сосуды (3)
36		2/2	земляная округлая	прямоугольная	С	берестяное перекрытие	муж	накладки, пряжки, нож, фибула, браслет, сосуд (2), удила, бусы. подвеска
37	III Бекеиевский	1	земляная округлая	прямоугольная	С	перекрытие	жен	перстень, бусы, сосуд
38		3	земляная округлая	прямоугольная	С	перекрытие	.	сосуд

Таблица I (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
39		4	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
40		5	земляная округлая	-	-	-	-	-
41	Берлик	2	земляная, прокал на сыпи	прямоугольная	СЗ	перекрытие		наконечники стрел
42	Больше-Караганский	2	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	жен	пряслице, горшок
43		5	длинная	прямоугольная	ССЗ	гроб	-	-
44		6	круглый склеп	-	-	-	-	наконечники стрел, пряжка
45		7	овальная длинная	прямоугольная (заплечики)	ССЗ	гроб	-	-
46		8	земляной склеп	прямоугольная (заплечики)	ССЗ	гробовина	жен	бусы, ножницы,зеркало, фибула,подвеска (полихром), пряслице,перстень, нож, сосуд (3)
47		10	овальная	-	ССЗ	-	-	сосуд (2)
48		16	земляная, склеп	-	-	-	-	-
49		17	земляная, склеп	прямоугольная	-	-	-	жертвенник, бутвь лочка, керамический котел, накладки, сосуд (2)
50		18	земляная, округлая	прямоугольная	С	-	жен	ножницы, пряслице, курилыIица, зеркало, нож, фибула, сосуд (2)
51		19	земляная, округлая	прямоугольная	С	-	дет	бусы, зеркало, сосуд
52		21	овальная, удлиненная	прямоугольная	С	-	-	-
53	Дербеневский	1	земляная, округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
54		2/1	земляная, округлая	прямоугольная	С	-	жен	бусы, браслет, сосуд
55		2/2	земляная, округлая	прямоугольная	С	-	жен	бусы, браслет, сосуд
56		3	земляная, округлая	прямоугольная	С	-	жен (?)	бусы, сосуд
57		4	земляная, округлая	прямоугольная	-	-	-	-

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
58		5	земляная округлая	прямоугольная	С (?)	-	жен (?)	сосуд, браслет
59		6	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд, железная трубка
60		7	земляная округлая	прямоугольная	С	-	жен (?)	бусы, серьги (2) браслеты (3), фибула
61		8	земляная	прямоугольная	С(?)	-	-	-
62		9	земляная округлая	прямоугольная	С (?)	--	жен (?)	бусы, сосуд (2), фибула (?)
63		10	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд, бронзовая фибула
64		11	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
65		12	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	-
66		13	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	-
67		14	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	-
68		15	'земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
69		16	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
70		17	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд, фибула, нож
71		18	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
72		19	земляная округлая	прямоугольная	ССВ	-	жен	бусы, браслет, сосуд (2)
73		20	земляная округлая	прямоугольная	С	-	жен	сосуд,калачиковид. серьги (2), фибулы (2). браслет, пряслице, бляшка
74		21	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	-
75		22	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	-
76		23	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
77		24	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	сосуд
78		25	земляная округлая	прямоугольная	..	-	-	сосуд
79		27	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	сосуд (2)
80		30	земляная округлая	прямоугольная	-	-	-	-
81		31	земляная округлая	прямоугольная	с	-	жен	бусы, серьги, браслет, сосуд (2), фибулы (2), зеркало, пряслице
82	Джанатан	9	земляная округлая	прямоугольная	с	-	муж (?)	нож, наконечники стрел бусы, пряжки
83	Дружеский	3	земляная округлая	прямоугольная	с	-	жен	бусы, подвески, сосуды
84		4	земляная округлая	прямоугольная	с	-	жен (?)	бусы
85		6/1	земляная округлая	овальная	с	-	дет	подвеска
86		6/2	земляная округлая	прямоугольная	с	гроб (?)	жен	браслет (?)
87		сооружение	земляная склеп	прямоугольная	с	гроб (?)	муж	наконечники стрел, лук, кинжал, пряжки, удила, подвеска, сосуд
88	Жабай-Покровка	3	земляная округлая	прямоугольная	Ю	-	муж	наконечники стрел, лук, кинжал, пряжка, сосуд
89		4	земляная округлая	прямоугольная	Ю	-	-	сосуд
90	Каменный Амбар	5	земляная округлая	подбой	с	-	-	бусы, нож, сосуд
91		6	земляная округлая	подбой	с	-	-	бусы, пряжки, сосуд
92	Кара-Таи	1/1	земляная округлая	прямоугольная	с	перекрытие	жен	зеркало, нож, серьги, бусы, сосуд
93		2	земляная округлая	прямоугольная	с	-	жен (?)	бусы, сосуд
94		3	земляная округлая	прямоугольная	с	-	-	наконечники стрел, сосуд
95		5	земляная округлая	прямоугольная	с	-	-	сосуд

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
96		6	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
97	Кенес	11	земляная, прокаленная, оградка	прямоугольная	*"Я**	-	-	
98	Комсомольский IV	1	земляная округлая	прямоугольная	*С*	перекрытие	-	-
99		2	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	муж	нож, кинжал, сосуд
100		3	земляная округлая	прямоугольная	*С*		жен	зеркало, бусы, сосуд
101		4/1	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	-	сосуд
102		4/2	земляная округлая	прямоугольная	*С*	перекрытие	-	сосуд
103		5	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	-	сосуд
104		6	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	муж	кинжал, сосуд
105		7	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	-	-
106		8/1	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	-	сосуд
107		8/2	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	-	нож
108	Комсомольский VI	4	земляная склеп	прямоугольная	*С*	-	муж (?)	пряжка, нож
109	Краен огор	-	земляная округлая	прямоугольная	*С*	-	жен (?)	зеркало, серьги, бусы, сосуд
110	Красный Яр	1	овальная	прямоугольная	с	-	муж	пряжка, удила, накладка, скобка
111	Леканды	1	земляная округлая	подбой	с	-	жен	мел, шипчики
112	Линевские	10	земляная округлая	прямоугольная	с	-	-	-
113		11	земляная округлая	прямоугольная	с		дет	пряслице, бусы
114		12	земляная округлая	прямоугольная	с	гроб	жен	нож, бусы, пряслице, курильница, кулон, зеркало, раковина

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
115	Магнитный	3	земляная округлая	вытянуто-прямоугольная	ССВ	гроб	жен	котел, сосуд, серьги-лунницы (2)
116	Малково	1	земляная округлая	катакомба	С	-	жен	зеркало, удила, но жницы, бусы накладки, подвеска
117		3	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	-	муж	нож. наконечники стрел, сосуд
118		8	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	перекрытие	муж (?)	удила, сосуд (2)
119	Новониколь-ское	4	земляная, обожженый склеп	прямоугольная	СЗ	перекрытие	жен	бусы, пряжка, накладка, сосуд
120		8	земляная, обожженый склеп	прямоугольная	-	-	-	-
121	Новоорский	8	земляная округлая	подбой	СЗ	-	-	кольцо, сосуд
122	Перши но	-	земляная округлая	прямоугольная	с	-	-	нож, сосуд
123	Покровка	2	земляная округлая	прямоугольная	с	перекрытие	муж	поясные накладки, пряжки, меч, кинжал, лук, наконечники стрел, сосуд
124	Покровка 2	9/1	земляная округлая	прямоугольная	С(?)	кора, камыш	муж	дерев, сосуд, рог, сосуд (3), накладки (36), пряжки (6), наконечники стрел
125		4	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	-	муж	поясные накладки, пряжка, наконечники стрел, удила, сосуд
126	Салиховские	1	земля, камень	прямоугольная (узкая)	с в	-	-	накладка
127		2	земля, камень	прямоугольная	с	-	-	-
128		3	земля, камень	прямоугольная	с	-	-	сосуд
129		5	земляная округлая	прямоугольная	с в	-	-	-
130		6	земляная округлая	прямоугольная	с в	-	-	-
131		7	земля, камень	прямоугольная (узкая)	с в	-	-	пряжка, накладка, бусы
132		10	земля, камень	прямоугольная (узкая)	с в	-	-	накладка, пряжка
133		11	земля, камень	прямоугольная	с в	-	-	

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
134		13	земляная округлая	прямоугольная (узкая)	С В	-	-	-
135		15	земляная округлая	прямоугольная	С В	-	-	сосуд
136		16	земляная округлая	прямоугольная	С С В	-	1 ':	-
137		17	земля, камень	прямоугольная	С В	-	-	-
138		19	земля, камень	прямоугольная (узкая)	с в		муж	накладка, пряжка, наконечники стрел
139		20	земля, камень	прямоугольная	с в	-	-	-
140		21	земля, камень	прямоугольная	с в	-	-	сосуд
141		22	земля, камень	прямоугольная	с в	-	-	накладка, бусы
142		24	земля, камень	прямоугольная (узкая)	с в	-	-	-
143		28	земляная округлая	прямоугольная	с в	-	-	-
144		29	земляная округлая	прямоугольная (узкая)	с в	в заполнении камень	-	браслет, сосуд
145		32	земляная округлая	прямоугольная	с в	в заполнении камень	жен	бусы, пряжка, пряслице
146		33	земляная округлая	прямоугольная (узкая)	с в	о'Т ,	жен	пряжка
147		34	земляная округлая	прямоугольная (узкая)	с в	-	-	-
148		35/1	земляная округлая	прямоугольная	с с в	-	-	-
149		35/2	земляная округлая	прямоугольная	с в	-	-	-
150		41	земляная округлая	прямоугольная	с с в	в заполнении камень	-	-
151		42	земляная округлая	прямоугольная	с с в	в заполнении камень	-	-
152		43	земля, камень	прямоугольная (узкая)	с с в	-	-	-

Таблица 1 (продолжение)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
153		44	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
154	Сибайские II	2	земляная округлая	прямоугольная	С	-	муж	нож, поясные накладки, кинжал, сосуд
155		5	земляная склеп	прямоугольная	С	гробовая конструкция	муж	меч, сосуд
156		10/1	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
157		10/2	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
158	Темясовский	1	земляная округлая	овальная	С	-		-
159		3/1	земляная округлая	овальная	С	-	-	зеркало, серьги, фибула, бусы, накладки, перстень, мел, сосуд
160		3/2	земляная округлая	овальная	СЗ	-	жен	перстень, горшок
161		3/3	земляная округлая	овальная	СЗ	-	жен	нож, пряжка, бляшка, бусы, перстень, колокольчики, пряслице, фибула, браслет
162		3/4	земляная округлая	овальная	СЗ	-	жен	накладки, бусы, брастра, сосуд
163		3/7	земляная округлая	овальная	СЗ	-	жен	бусы, браслет, колокольчик
164		4/1	земляная округлая	овальная	С	-	жен	серьги, бусы
165		4/2	земляная округлая	овальная	с	-	жен	фибула, зеркало
166		4/3	земляная округлая	овальная	с	-	-	-
167		4/4	земляная округлая	овальная	с	-	-	-
168		4/5	земляная округлая	овальная	с	-	жен	накладки, серьги, бусы, браслет
169		4/6	земляная округлая	овальная	с	-	жен	серьга, накладки, браслет
170		5/1	земляная округлая	прямоугольная	с	-	жен	бусы, зеркало, нож, фибула, перстень, сосуд
171		6	земляная округлая	прямоугольная	с	-	-	-

Таблица 1 (окончание)

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
172		7/1	земляная округлая	прямоугольная	С	-	дет	зеркало, пряслице, бусы, сосуд
173		7/2	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	-	-	наконечники стрел
174	Ульке 2	16	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	жен	зеркало, фибула, пряслице
175	Уязбаивво	1	впускное	прямоугольная	ССЗ	-	муж (?)	оселок, пряжка, накладка, железные удила
176		2	земляная округлая	прямоугольная	с	-		-
177		4	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	сосуд (3)
178		6	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-		сосуд
179		7	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	сосуд
180	Хворостянские	1	каменная, округлая	прямоугольная	с	-	дет	сосуд
181		2	каменная, округлая	подбой	с	-	жен	сосуд, охра, раковина
182	Чумарово	2	земляная округлая	прямоугольная	с	-	муж (?)	нож, оселок, сосуд
183	Шатрово	1	земляная округлая	прямоугольная	с	гроб (?)	-	бусы, серьги, фибула, наконечники стрел, сосуд
184	Явленка	6	земляная округлая	прямоугольная	с			наконечники стрел

Таблица 2. Численное и процентное соотношение черт погребального обряда Южноуральской группы

	Общее кол-во погреб, комплексов	Насыпь				Мог яма				Ориентировка скелета					Дерев, корструкиия			Установл. пол, возраст			
		земляная круглая	склеп	удиненная	каменная	прямоугольная	под бой	овальная	прочие	С	СЗ	ЮВ	СВ	В	гроб	обкладка, перекрытие	отсутствует	муж	жен	??	неопределен
П	184	151	10	5	15	159	7	13	1	110	14	3	26	9	9	11	143	17	42	4	117
%	100	83.2	5.7	2,2	8.6	87,8	4	7.5	0,6	67	8,5	1,8	15,8	5.4	5,5	6,7	88	10	23,6	2,3	65

Таблица 3. Основные черты погребального обряда Казахстанской группы

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
1	Атпа I	1	земляная округлая	вытянуто-прямоугольная	С	кустарник, тростник		—
2		3	земляная округлая	прямоугольная (впускная)	С	гроб		-
3		4	земляная округлая	вытянуто-прямоугольная	С	—		сосуд
4		9	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	—,	муж	сосуд, меч, курильница, чаши, удила
5		11	земляная округлая	подбой	СЗ	—		—
6		19	земляная округлая	прямоугольная	ссз	-	муж	меч, фибулы, пряслице, зеркало
7	Атпа 11	3	земляная округлая	подбой	С	-	муж	сосуд (2), меч, удила
8		4	земляная округлая	подбой	С	—		сосуд
9		5	земляная округлая	прямоугольная	С	-		-
10		6	земляная округлая	прямоугольная	С	гробовая конструкция		нож, обоймы
11		11	земляная округлая	прямоугольная	С	-		-
12		17	земляная округлая	прямоугольная	С	-	дет	-
13		10	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-		сосуд
14	Восточно-Курайлинский I	3	земляная округлая	прямоугольная	С	перекрытие, обкладка	муж	фибула, зеркало, нож, пряслице, бусы, накладки, воронка, птицевидная фигурка, сосуд (2)
15		4	земляная округлая	прямоугольная	С	гробовая конструкция	муж	нож, бронзовые скобки, сосуд
16		7	склеп из земли и кам. плиту В и З стенки					
17		16	земляная округлая	подбой	С	—	-	сосуд
18		17	земляная вытянута по оси С-Ю	прямоугольная	С	обожженное перекрытие, гроб	жен <?)	сосуд
19		26	земляная вытянута по оси С-Ю	-	—		-	сосуд

Таблица 3 (продолжение).

№	Название	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
20		33	земляная	подбой	С	рама		удила, оселок, стрел, сосуд (2)
21		41	округлая	прямоугольная	С		жен	пряслице, бусы, сосуд
22	Восточно-Курайлинский II	3	округлая каменная огр-	-	-	-	-	железная петля
23	Георгиев Бугор	2	-	подбой	СЗ	-	дет	фибула, бусы, накладка, сосуд
24		3	-	вытянуто-прямоугольная	СЗ	-	дет	нож, горшок
25		19	-	вытяиуго-прямоугольная	св	-	СП	горшок
26	Жаман-Каргалы	8	земляная	подбой	с	-	жен	зеркало, бусы, фибула, сосуд
27	Жанабаз	3	земляная округлая	вытянуто-прямоугольная	с	-		пряжка, сосуд
28	Жеолуткеи	2	пая ограда	подбой	св	перекр-		нож
29	Лебедевс-	1	округлая	11рямоугольная	с	столбы каркас 11ерекрытие	муж	сосуд (2). копье, меч. конская узда, котел, медная чаша, медный кувшин, топор, нож (2). курильница, брусок, пряжки (6)
ЗО		2	земляная округлая	прямоугольная	с	столбы сруб перек-	жен	золотые подвески (120). подвески (2). Гюл Пхром) 1ый иерегень, полихромная подвеска, золотые бляшки, (22). пластинка с псевдозерныо, серьга-лунницы (2), бусы(58), мед. брошь, ложка, сереб. светильник, сереб. , бром. колтлы (3), колоколы (2), сосуды (7), чата, дерев, сосуды, топор, пест, осельки (2). пряслице, шкатулка, -зеркало
31	Лебедевка II	,	земляная округлая	подбой	ююв	гроб	жен (?)	котел (2), бусы, фибула, пряслице, подвески, сосуд
32		2	земляная	подбой	ссз	-	же,,	курильница (2). пряслице (2). шило, фибула, сосуд
33		3	гантелевидная	прямоугольная	с	-	"	фр. керамики
34		5	•земляная округлая	подбой	ссз	-	жен	курильница, фибула, пряслице, сосуд
35		6	округлая	овальная	СЗ	-		сосуд (2)
36		11/1	земляная округлая	подбой	с	-	жен	лунницы (2), бузол. подвески, ножницы, пряслице, нож. сосуд
37	Лебедевка IV	1	земляная округлая	-	ссз	-	-	фр. керам и км
38		2	земляная округлая	подбой	с	-		фибула, пряжки, железо

Таблица 3 (продолжение).

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
39		17	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	жен	шипчики. нож, сосуд(3)
40		19	земляная округлая	подбой	ССВ	-	жен	серьги, бусы, фибула, сосуд
41		20	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
42		23	земляная округлая	подбой	С	-	жен	нож, мел, бусы, сосуд
43		24	земляная округлая	-	-	-	-	сосуд
44	Лебедевка V	1	земляная округлая	-	-	-	-	.
45		2	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	жен (?)	керамические котлы (2)
46		6	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	-	-
47		9/1	земляная округлая	подбой	ССВ	-	-	-
48		9/2	земляная округлая	подбой	С	-	-	-
49		10	земляная округлая	подбой	ССВ	.	-	-
50		11	земляная округлая	прямоугольная	С	-	муж	оселок, сосуд (2)
51		14	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	-
52		16	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	-	-	сосуд
53		17	земляная округлая	прямоугольная	ЗСЗ	-	.	железо, фр. керамики
54		18	земляная округлая	прямоугольная	СЗСЗ	-	муж (?)	желез, удила, горшок
55		20	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	перекрытие	-	-
56		21	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	-	железо
57		22	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	дет	нож, сосуд (2)

Таблица 3 (продолжение).

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
58		23/1	земляная округлая	подбой	ССЗ	гроб	муж	кинжал с халцедоновым навершием, стеклянный кубок, оселок, фибула, пряжка
59		23/2	земляная округлая	прямоугольная	СВ	-	жен	сосуд
60		26	земляная округлая	подбой	-	-	жен (?)	сосуд, курильница, пряжка
61		соо-руж.	округлый склеп, земляная	-	С	-	-	фр. керамики
62		31	земляная округлая	подбой	ССВ	-	жен (?)	пряслице, пряжка, бусы
63		32	земляная округлая	подбой	С	-	-	сосуд (2)
64		33	земляная округлая	подбой	С	-	жен (?)	сосуд, бусы
65		49	земляная округлая	подбой	С	-	жен	сосуд, бусы
66		52	гантелевидная	подбой	С	-	-	фр. керамики
67	Лебедевка VI	1	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	муж	меч, удила, пряжки, фибулы, нож. стекло, сосуд
68		2	земляная округлая	подбой	С	-	-	бронзовая пряжка
69		3	земляная округлая	подбой	ССЗ	гроб	муж	меч, нож, прямоугольная пряжка, накладки
70		4	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	муж	меч, пряжка, фибула, нож, сосуд
71		7	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	муж (?)	оселок, сосуд (2)
72		16	земляная округлая	подбой	С	-	-	бронзовая пряжка, кинжал
73		19	земляная округлая	подбой	С	-	-	-
74		22	земляная округлая	подбой	С	-	муж	меч, пряслице,фибула, нож, бусы, крючок, пряжка
75		24	земляная округлая	подбой	ССВ	гроб	муж	меч. нож, оселок, бр. котел, предметы узды, бусы, пряжки (2)
76		28	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	удила, фибула, скобка

Таблица 3 (продолжение).

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
77		29	земляная округлая	подбой	СЗ	-	-	-
78		31	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	наконечники стрел, сосуд
79		32	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	фр. керамики
80		33	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	жен	пряслице,бусы,фибула, сосуды (2)
81		35	земляная округлая	подбой	С	гроб	муж	меч, пряслице, нож, пряжка, бусы, фибула, сосуд
82		36	земляная округлая	прямоугольная	С	-	жен	котел, бляшка, пряжка, перстень, сосуд
83		37	земляная округлая	прямоугольная	С	гроб	муж	меч, котел, бронзовая накладка
84		38	земляная округлая	прямоугольная		-		
85		39	земляная округлая	подбой	С	перекрытие		бронза, сосуд
86	Саралжин III	1	земляная округлая	подбой	С	камыш	жен	нож, пряслице, сосуд, бусы, фибула
87		2	земляная округлая	прямоугольная	С	-	жен (?)	бусы, фибула, мел, сосуд, нож
88	Сарытау	8	земляная округлая	подбой	С			сосуд, пряслице, наконечник стрелы
89		9	земляная округлая	подбой	С	-	-	сосуд, бусы
90		10	земляная вытянутая	-	-	-	-	сосуд
91		11	земляная округлая	подбой	С		-	-
92		12	земляной и сырцовый склеп	-	-		-	колокольчики (3)
93	Црлинный I	3	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	муж	меч, нож, фибула, накладка
94		5	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	-
95		6	земляная округлая	прямоугольная	С	-	муж	меч, оселок, поясные накладки, подвески, удила, жаровня, фибула, сосуд

Таблица 3 (продолжение).

№	Название могильника	№ кургана	Насыпь	могильная яма	Ориентировка	Дерев, конструкции	Пол	Инвентарь
96		12	земляная округлая	подбой	С	-	-	-
97		13	земляная подпрямоугольный склеп	прямоугольная	С	гроб	муж	удила, наконечники стрел (2)
98		15	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
99		17	земляная округлая	прямоугольная	СЗ	перекрытие	-	сосуд (3)
100		0	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	сосуд
101		18	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
102		20	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	фибула, сосуд (2)
103		24	земляная округлая	подбой	С	перекрытие гроб	-	бронза, сосуд
104		32	земляная округлая	прямоугольная	С	гроб	жен	фибула, зеркало, бусы, накладки, сосуд
105		37	земляная округлая	подбой	ССЗ	перекрытие	-	-
106		38	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	столбы по периметру ямы	-	скобка, сосуд
107		41	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	гроб (?)	жен	фибула, серьги, сосуд (5)
108		42	земляная округлая	подбой	СЗ	-	-	-
109		44	земляная округлая на погребенной почве кольцо из супеси	подбой	ССЗ	гроб в подбое	жен	фибула, нож, зеркало, бусы, пряслице, сосуд
110		45	земляная округлая	прямоугольная	С	-	-	-
111		46	земляная округлая	-	-	-	-	-
112		47	земляная округлая	прямоугольная	ССВ	-	муж	меч, фибула, крюк
113		49	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	гроб	дет	фибула, нож, зеркало, бусы, пряслице, сосуд
114		53	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	-

Таблица 3 (окончание).

№	Название могильника	№ кур-гана	Насыпь	могильная яма	Ори-енти-ровка	Дерев, конст-рукции	Пол	Инвентарь
115		56	земляная округлая	подбой	СЗ	-	-	-
116		57	земляная округлая	подбой	С	гроб в подбое	муж	меч, нож
117		64	земляная удлине-нная	прямоугольная	С	-	м$ок	меч, фибула
118		71	земляная округлая	прямоугольная	С	-	жен	бусы
119		72	земляная округлая	прямоугольная с заплечиком	С	-	-	-
120		80	земляная округлая	прямоугольная	С	-	дет	бусы, сосуд
121		82	земляная округлая	прямоугольная	С	-	дет	пряслице, куриль ница, мел
122		84	земляная округлая	подбой	С	-	жен	сосуд (2)
123		86	земляная округлая	прямоугольная	С	гроб	жен	сосуд, фибула, серьги, перстни, пряслице
124		87	земляная округлая	подбой	ССЗ	-	дет	сосуд, фибулы(2), бусы, перстень
125		88	земляная округлая	прямоугольная	"	-		сосуд
126		89	земляная округлая	прямоугольная	ССЗ	-	-	-
127		90	земляная округлая	прямоугольная	ссз	-	дет	-
128		92	земляная округлая	подбой	ссв	-	жен	фибула, сосуд

Таблица 4. Численность и процентное соотношение черт погребального обряда Казахстанской группы

	Общее кол-во погреб, комплексов	Насыпь				Мог. яма				Ориентировкаскелета				Дерев, конструкция			Установл. пол.возраст			
		земляная округлая	склеп	вытянутая гантелевидная	каменная	прямоугольная	под бой	квадратная	отсутствует	С	СЗ	СВ	ЮВ	гроб	обкладка, перекрытие	отсутствует	ж * ж	ж ♂	й	Не определен
п	128	117	6	3	2	57	50	2	7	89	13	3	1	17	12	88	24	27	8	62
%	100	91,4	7	3,1	1,5	47,4	41,6	1,6	5,8	83,9	12,3	2,8	0,9	14,5	10,2	75	22,6	25,7	7,6	44,8

Таблица 5. Соотношение подбоев и прямоугольных ям в Лебедевской и Актюбинской подгруппах Казахстанской группы

		подбой	прямоугольная
Актюбинские	п	20	44
	%	29	66
Лебедевские	п	33	20
	%	61	37

Таблица 6. Численность и процентное соотношение основных черт погребального обряда гунно-сарматских памятников

	Общее кол-во погреб, комплексов	Насыпь				Мот. яма				Ориентировкаскелета					Дерев, конструкция		Установл. пол,возраст			
		земляная округлая	вытянутая гантелевидная	каменная	склеп	прямоугольная	под бой	овальная	отсутствует и прочее	С	СВ	СЗ	В	юв	гроб	обкладка, перекрытие подстилка	муж	жен	н	Не определен
п	312	268	8	17	16	216	57	13	19	199	29	27	9	4	26	23	41	69	12	179
%	100	87	2,6	5,5	4,8	73,2	19,2	4,3	6,4	74,2	10,8	10	3,3	1,4	8,7	7,7	13,6	22,9	3,9	59,4

Summary

The book is devoted to monuments II—IV A.D. They have been investigated in the territory of steppes of Western Kazakhstan (left bank of the Ural) the Southern Ural and Northern Kazakhstan (Ishim) for the last 20 years. We named these monuments «Gunn—Sar—matian». They belonged to tribes occupying Northen Kazakhstan and Southern Ural steppes in the middle II centuries A.D. Many of them (312 complexes) are investigated nowdays. Brightest of them are Bolshe-Karaganskiy, Vostochno—Kuraylinskiy, Temyasovskiy, Tselinniy 1, Lebedevskiy cemeteries.

Many researchers atribute these monuments to Late Sarmatian barrows, the culture was raised for monuments of the lower Volga. However, Gunn—Sarmatian monuments have a number of essential distinctions.

1. Late Sarmatian monuments arise on the basis of cultural transformation of the Middle Sarmatian culture,Gunn—Sarmatian arise unexpectedly in the second half of the lid century A.D. in the territory not occupyed before.

2. Unlike Late Sarmatian monuments they form independent occassional cemeteries.

3. Late Sarmatian barrows have small earthen embankments. Gunn-Sarmatian monuments are made of stone in 10 %, and earthen embankments having large variety of forms (earth crypts, dumb—bell, long ones etc.).

4. The leading types of Late Sarmatian holes are under-cuts (50 %), long-rectangular (27 %), square (19,5 %) ones. Gunn-Sarmates have absolutely prevaling simple long-rectangular holes (72 %). Burials of undercuts type (25 %) occur in the western (contact) cemeteries, major part of which are for females.

5. The coffins are a very rare find (4 cases) in the Late Sarmatian burials. There are over 20 death designs found among smaller quantity of the Gunn-Sarmatian complexes.

The common feature is a prevailing northern orientation.

But this prevalence is established only by the end III A.D. in region between the Volga and the Don. (Skripkin, 1984, p.72,73).

The distinctions are observed and in a material stock. So, the Gunn—Sarmates ceramics in overwhelming majority has the origin from the Central Asia unlike Late Ssarmates. There is a large percent of military burials and a large share of finds of boiler of the hunns type in Gunn—Sarmatian complexes. At last among Gunn-Sarmatian monuments there are some marking material complexes. Those are: a waist set — sword—belts with wide rectangular overlays and yarns with round by overlays — clips for pendant belts or ring suspension brackets, horses a bridle with round by overlays and leabs by suspension brackets, and also special «hunns» set beads. The above—said distinc—tions do not allow to speak about monuments dated from the 1l—IV centuries A.D. of the lower Volga and Ural-Kazakhstan steppes as unicultural. The border between them the most probably passed on the lovel recces and middle current of the Ural river. From the characteristic given it is obvious, that Gunn—Sarmatian monuments are close to the nomads burials complex of the Djeti—Asar type. They coexist in one time within the framework of the Ural-Aral pastur— nomadic province (in winter — on the Aral shore, and in summer - in the Southern Urals). However these monuments have the genetic roots neither in the Ural-Kazakhstan steppes nor in Aral area.

Where did this population come from? As we have seen from the characteristics, it is also difficult to find monuments close to the Gunn—Sarmatian complexes among History-Cultural Complexes (HCCs) of Central Asia and Southern Kazakhstan. The monuments of the Uedjic HCC has determining similarity, but they exist and are generated within the specific time and the local regions frame—works. Hence, it is necessary to search for emergence of features comprising Gunn—Sarmatian HCCs in other territories.

Small barrows, simple burials, coffins, northern orientation of the dead, combination of the round barrows and rectangular crypts are those common features, which allow us to speak about

the similarity of Hunns, Hunn—Sarmatian and Gunn—Sarmatian mo—numents. Besides, the presence of items of the Central Asian origin (swords with round knob, bows of the hunns type, the Chinese mirrors and bells etc.) is explicit evidence of it. Correlation of the Gunns by Ptolemey and Unns by Dionisiy and Peregiet with the real Gunns, appeared on a threshold of Europe up to the II century A.D. (Zasetskaya, 1995. P.136-137) indoubtedly gives the historical basis to speak about Gunns settling in the Ural—Kazakhstan steppes. It is necessary to add to the above—said facts the fact of occurrence of a significant share of the Mongolian population among rich dead per—sons from Gunn—Sarmatian cemeteries.

On the current level of archeological research of Western Asia actually it is impossible to correlate Gunns with any others monuments than those ofGunn-Sarmatians. Thus, it is necessary to take into account that this population must have been indisputably numerous to be able to break terrible Alans and Gots. One should not correlate all Gunns with those individual latest complexes IV—VI A.D. (like Borovoe, Kara—Agach, Kannatas etc.), which some authors assert. A similar powerful layer of monuments, which unexpectedly occurs in the II century and, also almost without leaving a trace disappears in the IV century in the Ural—Kazakhstan steppes, can be visibly correlated with Gunns, Gunn—Sarmatian HCC.

Specific monuments of completely new cultural orientation replace gunn—sarmatian complexes. They are so-called «barrows with a mous—tache». They occur in the Ural—Kazakhstan steppes at the end of V A.D. A cultural complex of this kind of monuments generally looks as follows: multi—structural constructions consisting of the central barrow fencing either of the round or square form and the lateral paving or fences with ridges facing the east and ended by remains of a paving (fences or stells). Bonfire, burning bones, separate subjects, a skeleton or a part of a skeleton of a horse or a sheep settled down in the central barrow of a square or a round form on the burials ground. A ceramic vessel is placed in a small deepening. Lateral pavings sometimes

contain traces of fire, skeletons of the horses and subjects as well. The question of a functional belonging (burials or sacrificing) currently remains open. It is due to the fact that only in one case (from more than 60) it was possible to find out traces of cremation (Botakara, barrow 1). However taking into account the fact that on the one hand this complex contains elements obviously of the Turks HCCs (stone fencings, burial place of the horses and parts of the horse and sheep, bonfire, installation of vessels), on the other hand, subsequently, (before VII A.D.) it receives the logic continuation in so—called monuments of the Selentash type having direct analogies to complexes of the Chaatas—tuhtyah circle. We are inclined to consider nomadic complexes of barrows with ridges, as Turk—cultural monuments (Botalov, 1998; 1998a).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Абрамова М.П. 1987. Подкумский могильник. М.

Айбабин А.И. 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.

Алексашенко Н.А., Вольхин А.И., Морев Е.И.,Ноговицын Л.А., Стефанов В.И. 1972. Разведки на Южном Урале // АО, 1971, М.

Алексеев В.П. 1975. Антопогеоценозы: сущность, типология, динамика / / Природа, № 7.

Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1-12.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2.

Амброз А.К. 1971а. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной европы // СА. № 3.

Амброз А.К. 1973. Стремена и седла раннего средневековья У1-УШ вв. н.э. // СА. № 4.

Амброз А.К. 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии . Приуралья в 1У-УИ вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.

Амброз А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой пол.VII вв // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Амброз А.К. 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984 гг.) // СА. № 3.

Амброз А.К. 1986. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. № 3.

Амброз А.К. 1986а. Кинжалы У1-УШ вв. с двумя выступами на ножнах // СА. № 4.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Аммиан Марцеллин. 1906. История. Вып. 1. Киев.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. М.

Арсланова Ф.Х. 1969. Памятники Павлодарского Прииртышья 1Х-ХШ вв // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.

Арсланова Ф.Х. 1975. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата.

Арсланова Ф.Х. 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахстана, Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей.М.

Археологическая карта Казахстана. 1960. Алма-Ата.

Асеев И.В. 1980. Прибайкалье в средние века. Новосибирск.

Атиковский А. 1905. Раскопки древних курганов-могильников в Тургайской области Актюбинском уезде // Тр. ОУАК. Вып. XIV.

Атлас Казахской ССР. Природные условия и ресурсы. 1982. Т. 1. М.

Ахмеров Р.Б. 1949. Древнейшие погребения в г. Уфе // КСИИМК. Вып. Х.

Багриков **Г.** И., Сенигова Т.Н. 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Сер.общ.науки. № 2. Алма-Ата.

Байпаков К.М. 1972. Керамика средневекового Кулана // Поиски, раскопки в Казахстане. Алма-Ата.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. 1989. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата.

Бань ГУ. 1973. История ранней династии Хань // Материалы по истории Сюнну. М. Вып. 2.

Барта А. 1972. Истоки венгерской культуры Х в // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Барта А. 1985. Проблемы этнической археологии в Уралистике и Алтаистике // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск.

Бартольд В.В. 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894. СПб.

Бартольд В.В. 1963. Кара-Китай и Хорезм-шахи // Сочинения. М. Т. 1.

Бартольд В.В. 1964. О погребении Тимура. // Сочинения. Т. II, 42. М.

Бартольд В.В. 1963а. Сочинения. М. Т. И.

Барцева Т.Б., Вознесенский Г. А., Черных Е.Н. 1972. Металл Черняховской культуры // МИА. № 187.

Баяр Д. 1985. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского Аймака // Древние культуры Монголии. Новосибирск.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. 1983. Памятники Томского Приобья в У-УШ-вв.н.э. Томск.

Берлизов Н.Е. 1992. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. 1993. Аланы, Кангюй, Давань // Петербургский археологический вестник. № 3.

Бернштам А.Н. 1940. Кенкольский могильник. Л.

Бернштам А.Н. 1951. Очерки истории гуннов. Л.

Бичурин Н.Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. Т. 1.

Богачев А.В., Мышкин В.Н. 1995. Раниеболгарский курган у с. Осиповка // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Богачев А.В. 1996. К эволюции калачиковидных серег IV VII вв. в Волю Камье // Культура Евразии во второй половине I тысячелетия. Самара.

Боковенко Н.А. 1974. Типология бронзовых зеркал // СА. № 4.

Боковенко Н.А. 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. № 4.

Боровкова Л.А. 1992. Проблемы местонахождения царства ГАО Чан.

Боровкова Л.А. 1989. Запад Центральной Азии во II в.до н.э.-УП в.н.э. М.

Боталов С. Г. 1981. Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 г. Челябинск. Архив ЧелГУ.

Боталов С. Г., Зданович Г. Б., Мосин В.С. 1986а. Работы Урало-Казахстанской археологической экспедиции // АО. М.

Боталов С. Г. 1987. Исследование Друженского могильника Варненского района Челябинской области // Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции за 1986 г. Челябинск.

Боталов С. Г. 1987а. Курган у оз.Синеглазово (по раскопкам Н.К.Минко и С. А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Боталов С. Г. 1988. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы хронологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Боталов С. Г. 1991. О соотносимое™ хронологических схем для различных регионов степей и лесостепей Евразии // Проблемы хроноло-гии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Боталов С. Г. 1993. Болыиекараганский могильник П-Ш вв.н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Боталов С. Г. 1994. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья Н-Х1У вв // Автореф. дисс. на соискание уч.степени к.и.н. Уфа.

Боталов С. Г. 1995. Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара.

Боталов С.Г. 1996. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье / / Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Боталов С.Г. 1996а. Волго-Уральские и казахстанские степи в У-УШ вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья Ш-У веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Бурханов А. А. 1992. Область Амуля в древности и раннем средневековье. Автореф. дисс. к.и.н. М.

Вайнберг Б.И., Левина Л.И. 1968. Поселение Актобе 2 // Древности Чардары. Алма-Ата.

Вайнштейн С.И. 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // С А. № 3.

Васюткин С.М. 1970. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // Ученые записки БГУ им. 40-летия Октября. Вып. 54.

Васюткин С.М. 1977. II Ахмеровский курганный могильник позднe-сарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Васюткин С.М. 1986. Салиховский курганный могильник конца 1У-У вв в Башкирии // СА. № 2.

Викторова В.Д. 1962. Археологические исследование на р. Реж и Нице // ВАУ. Вып. II.

Викторова В.Д., Морозов В.М. 1993. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Викторова Л.Л. 1980. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М.

Власкин М.В., Ильюков Л.С. 1990. Раннесредневековоые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. № 1.

Воронец М.Э. 1940. Археологические исследования в 1937-39 гг в УССР // ВДИ. № 3-4.

Вострое В.В., Муканов М.С. 1968. Родоплеменной состав и расселения казахов (конец XIX - начало XX вв). Алма-Ата.

Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудэргэ: как источник по истории алтайских племен. М.

Гавритухин И.О. 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетие н.э. Самара.

Гайдукевич В.Ф. 1952. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане // СА. № 16.

Газимзянов П.Р. 1995. Палеоантропологические материалы второй пол. I тыс. н.э. с территории Самарского Поволжья // Культуры степей Евразии второй пол. I тыс. н.э. Самара.

Генинг В.Ф. 1955. Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК. Вып. 52.
Генинг В.Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
Генинг В.Ф. 19596. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН. Серия гуманитарных наук. Вып. II.
Генинг В.Ф. 1961. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Свердловск. Вып. 1.
Генинг В.Ф. 1963. Азелинская культура Ш-У вв // ВАУ. Свердловск. Вып. 5.
Генинг В.Ф. 1964. Деменковский могильник // ВАУ. Свердловск. Вып. 6.
Генинг В.Ф. 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Свердловск. Вып. 7.
Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. 1967а. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып. 7.
Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. 1969. Логиновское городище У1-УН вв // ВАУ. Свердловск. Вып. 8.
Генинг В.Ф. 1970. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск.
Генинг В.Ф. 1972. Южное Приуралье в Ш-УП вв. (Проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.
Гмыря Л.Б. 1980. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние . и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
Гмыря Л.Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
Гмыря Л.Б. 1995. Страна гуннов у каспийских ворот. Махачкала.
Голдина Р.Д. 1968. Агафоновский могильник на Верхней Каме. Пермь. № 191.
Голдина Р.Д. 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158.
Гольмстен В.В. 1924. Доисторическое прошлое Самарской губернии // Краеведение. Самара.
Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.
Грач В. А. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
Грач В.А. 1967. Могильник Саглы-Бажи и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. № 3.
Грач В.А. 1982. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск.
Григорьев Г. В. 1940. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент.

Григорьев Г. В. 1949. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН КазССР. Серия археология. Вып. 2.
Грумм-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урятхайский край. Л.
Грумм-Гржимайло Г. Е. 1933. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в центральной Азии за исторический период // Известия Государственного Географического общества, т. ЕХУ, вып. 5.
Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. 1995. Ханьские зеркала и подражание им на территории юга Восточной Европы // РА № 3.
Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I IV вв.н.э. Киев
Гумилев Л.Н. 1960. Хунну. М.
Гумилев Л.Н. 1960а. Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ. № 4.
Гумилев Л.Н. 1992. Тысячелетия вокруг Каспия. М.
Гумилев Л.Н. 1992а. Древние тюрки. М.
Гучуев В.К., Безуглов С. И. 1990. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // СА. № 2.
Давыдова А.В. 1960. Новые данные об Иволгинском могильнике//Тр. БКНИИК СО АН СССР. Вып. №3.
Дашевская О.Д. 1969. Погребения гуннского времени в черноморском районе Крыма // МИА. № 169.
Дашибалов Б.Б. 1996. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ.
Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г. А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
Деопик В.Б. 1959. Классификация бус Северного Кавказа // СА. № 3.
Джафаров Ю.Р. 1986. К вопросу о происхождении европейских гуннов // Историко-культурные контакты Алтайской языковой общности. Вып. 1. М.
Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1977. Археологические работы в Уральской области в 1977 г. // Архив ИА НАН РК.
Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1979. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1979 г. // ИА НАН РК.
Железчиков Б.Ф. 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в.до н.э.-1 в.н.э. // История и культура сарматов. Саратов.
Железчиков Б.Ф. 1984. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Жиров Е.В. 1940. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. М.-Л. Вып. 8.

Засецкая И.П. 1968. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. № 2.

Засецкая И.П. 1968. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 10.

Засецкая И.П. 1971. Гунны в южнорусских степях конца IV - первой половины V вв.н.э. (по археологическим данным) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л.

Засецкая И.П. 1978.0 хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. № 1.

Засецкая П.П., Маршак Б.П., Щукин М.Б. 1979. Обзор дискуссии на симпозиуме // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья // КСИА. № 158.

Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов в У-УШ вв. М.

Засецкая И.П. 1987. Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (к. IV-V вв). СПб.

Зданович Г. Б. 1968. Покровский могильник на р.Ишим//Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1967 г. Петропавловск.

Зданович Г. Б. 1969. Могильник Явленка 1 // Отчет. Археологические исследования на территории Северо-Казахстанской области в 1968 г. Петропавловск.

Зданович Г. Б. 1973. Памятники у с. Берлик, Сергеевского района Северо-казахстанской области // Отчет. Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г. Петропавловск.

Зданович Г. Б. 1973а. Раскопки курганов на р.Жабай // Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г.

Зданович Г. Б. 1989. Феномен протоцивилизаций бронзового века урало-казахстанских степей. Культура и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Зиманова С. З. 1958. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата.

Иванов В.А., Кригер В.А. 1987. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.

Иванов В.А. 1988. Линевский могильник. Отчет о полевых исследованиях в Оренбургской области в 1987 г. Уфа.

Иванов И.В., 1996. Особенности взаимодействия природы и общества на границе Европы и Азии // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара.

Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Сост. Латышев В.В. СПб., 1896-1900. Т. I.

История Казахской ССР. 1979. Алма-Ата. Т. П.

История Украинской ССР. 1981. Киев. Т. I.

История Сибири. 1966. Л.

Кадырбаев М.К. 1952. Памятники кочевников Центрального Казахстана //ТИИАЭ.Т.7.

Кадырбаев М.К. 1958. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Изв. АН Каз ССР. Вып. 1(в).

Кадырбаев М.К. 1959. Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области на р.Коктал // Вестник АН Каз.ССР. Алма-Ата. Вып. 7.

Кадырбаев М.К. 1962. Новые материалы по истории ранних кочевников // Изв. АН КазССР. Вып. 1(18).

Каменский В.Н. 1987. Алано-Болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. № 4.

Карачаров К.С. 1993. Хронология раннесредневековых могильников сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

Кесь А.С. 1979. Аральское море в голоцене // Этнография и археология Средней Азии. М.

Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири //МИА. № 9.

Кляшторный С. Г. 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.

Ковалевская В.Б. 1972. Башкирия и евразийские степи 1У-1Х вв.(по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии 1У-1Х вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2.

Ковалевская В.Б. 1981. Северо-кавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Ковалевская В.Б. 1981а. Северный Кавказ вХ XIII вв//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
Ковалевская В.Б. 1984. Кавказ и Аланы. М.
Ковпаненко Г. Т. 1986. Сарматское погребение I в.н.э. на Южном Буге, Киев.
Ковригин А.А., Шарапова С. В. 1998. Проблемы изучения древностей кашинско-прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем. 4.1. Екатеринбург.
Кожомбердиев И. 1960. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. Вып. 80.
Кожомбердиев И. 1963. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Козырев А. 1905. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // ИПАК. Вып. XVI.
Коновалов П.Б. 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ.
Коновалов П.Б. 1996. О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен (тезисы докладов). Улан-Удэ.
Константин Багрянородный. 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.
Корякова Л.Н., Сергеев А.С. 1986. Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск.
Корякова Л.Н., Попова С. М. 1987. К вопросу о сравнении саргатской и * савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
Корякова Л.Н. 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.
Крадин Н.Н. 1995. Климатические трэнды и нашествия кочевников // Генетические коды цивилизаций. М.
Кубарев В.Д. 1978. Древнетюркский поминальный комплекс Мадьяр-Тебе // Древняя культура Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
Кубарев В.Д. 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
Кузеев Р.Г. 1968. Развитие хозяйства башкир в 1Х-Х1 вв // АЭБ. Т. III.
Кузеев Р.Г. 1971. Урало-Аральские этнические связи в конце I тыс. н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. IV.
Кузеев Р.Г., Иванов В.А. 1983. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.

Кузнецов В.А. 1990. Погребение III в. из Кисловодска // СА. № 2.
Курдюмов К.В. 1951. О колебании оз. Алакуль в историческом и географическом прошлом // Вопросы географии. № 24.
Кушаев Г. А., Железчиков Б.Ф. 1972. Отчет об археологических раскопках в Уральской области в 1972 г // Фонды УОИКМ.
Кушаев Г. А., Железчиков Б.Ф. 1973. Отчет об археологических раскопках в Уральской области в 1973 г // Фонды УОИКМ.
Кызласов Л.Р. 1958 Этапы древней истории Тувы // Вестник Московского Государственного Университета. Серия ист.-филологич. № 4.
Кызласов Л.Р. 1960. Таштыкская эпоха. М.
Кызласов Л.Р. 1979. Древняя Тува. М.
Кызласов Л.Р. 1981. Древняя культура чаатас У1-1Х вв // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
Кюнер Н.В. 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е. А., 1995. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск.
Латышев В.В. 1948. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. №1.
Левина Л.М. 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
Левина Л.М. 1993. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Ч. 2. М.
Левина Л.М., Галиева З.С. 1993а. Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Ч. 2. М.
Левина Л.М. 1996. Джетыасарская культура. М.
Литвинский Б.А. 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.
Литвинский Б.А. 1978. Орудия, утварь из могильников Западной Ферганы. М.
Литвинский В.А., Соловьев В.С. 1985. Средневековая культура Тохаристана. М.
Лубо-Лесниченко Е.И. 1975. Привозные зеркала Минусинской котло-вины. М.
Лубо-Лесниченко Е.И. 1985. Великий шелковый путь // ВИ. № 9.
Лубо-Лесниченко Е.И. 1987. Пазарык и западный меридиональный путь // Страны и народы Востока. М.

Ляхов С. В. 1987. Подкурганное сооружение в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степной Евразии // Тезисы докладов. Часть II. Кемерово.
Мажитов Н.А. 1959. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа.
Мажитов Н.А. 1968. Бахмутинская культура. М.
Мажитов Н.А. 1981. Южный Урал в У1-УШ вв // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
Мажитов Н.А. 1988. Южный Урал в У11-Х1У вв. Автореф. на соискание уч. степ, д.и.н. Новосибирск.
Максимова А.Г. 1962. Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата.
Максимова А.Г. 1970. Цепочка курганов из могильника Караша I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А.Г. 1972. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
Максимова А.Г. 1975. Азин-Булак и Шошкала - могильники усуньского времени // Древности Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А.Г., Акишев К.А. 1976. Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.П., Левина Л.М. 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.
Малов С. Е. 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.
Мандельштам А.М. 1966. Кочевники по пути в Индию // МИА. № 136.
Мандельштам А.М. 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. VII. Л.
Мандельштам А.М. 1978. К восточным аспектам истории ранних кочевников в Средней Азии и Казахстане // КСИА. № 151.
Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М. 1965. Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата.
Массанов Н.Э. 1984. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже ХУШ-Х1Х вв. Алма-Ата.
Массанов Н.Э. 1984а Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции по этнографии. Омск.
Массанов Н.Э. 1987. Эволюция кочевого хозяйственного типа и проблемы этногенеза казахского народа // Вестник АН КазССР. № 8.

Массанов Н.Э. 1987. Дисперсное состояние - всеобщий закон культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
Массанов Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Саргатский могильник у д. Тютрино // КСИА. № 184.
Матвеева Г. И. 1968. Шареевский могильник // Из истории Башкирии. Уфа.
Матвеева Г. И. 1995.0 происхождении памятников Новинкинского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. Самара.
Матвеева Г.И. 1995а. Результаты новых исследований Рождественского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). 1973. М.
Материалы по киргизскому землепользованию. 1903. СПб.
Медведев А.П. 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.
Медведев В.Е. 1989. Приамурье в конце I - нач. II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск.
Мейер Л. 1865. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь, Оренбургского Ведомства. СПб.
Минаева Т.М. 1927. Погребения с сожжением близ Покровки//УЗ СГУ. Т. 6. Вып. 3.
Могильников В.А. 1972. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Могильников В.А. 1981. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины 1 тыс. н.э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
Могильников В.А. 1981а. Тюрки//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
Могильников В.А. 1983. Об этническом составе культуре Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
Морозов В.М. 1982. Средневековые поселения и жилища на р.Дуван // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск.
Мошинская В.И. 1954. Городище и курганы Подчеваш // МИА. № 35.
Мошкова М.Г., Кушаев Г. А. 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1978. Отчет об археологических работах в Уральской обл. в 1978 г // Архив ИА НАН РК.

17 Зак. 1988

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. 1980. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1980 г // Архив И А НАН РК.
Мошкова М.Г. 1989. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
Нестеров С. П. 1982. Погребения с конем на р.Таштык // Археология Северной Азии. Новосибирск.
Нефедов Ф.Д. 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, производимых летом 1893-97 гг // МА ВГР. Т. 3.
Нечаева Л.Г. 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.
Нечаева Л.Г. 1975. О жилище кочевников Юго-Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. - первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
Николаев Р.В. 1984. Хуннская экспансия и связанные с ней этнокультурные процессы в Сибири // Проблемы археологии Евразии. Кемерово.
Новгородова Э.А. 1984. Древняя Монголия. М.
Нурмухамбетов В. 1970. Некоторые итоги раскопок Бориджарского могильника // По следам древних культуры Казахстана. Алма-Ата.
Нурмухамбетов В. 1975. Катакомбы Бориджанского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата.
Оболдуева Т.Г. 1950. Курганы каунчукской и джунской культур в Ташкентской области // АО. 1949. М.
Овчинникова Б.Б. 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в У1-Х вв. Свердловск.
Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 год. 1892. СПб.
Петров В.П. 1982. Черняховский могильник // МИА. № 116.
Плетнева С. А. 1982. Кочевники средневековья. М.
Погодин А.А., 1994. Стоянка-мастерская на р.Уфе // II Берсовские чтения. Екатеринбург.
Полосьмак Н.В. 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.
Полосьмак Н.В. 1990. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблемы происхождения сюннской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
Полушкин Н.А. 1982. Отчет о раскопках кургана № 2 Байрамгуловского могильника в Аргаяшском районе Челябинской области. Миасс.
Потапов Л.П., Грач А Д. 1964. Тува в составе тюркского каганата // История Тувы. М. Т. 1.

Прокопенко Ю.А. 1996. Северная ветвь Великого шелкового пути в I-III вв.н.э. //Развитие экономики и предпринимательства в России и за рубежом. Ставрополь.
Пшеничнюк А.Х. 1968. Уфимский курганный могильник // АЭБ. Т. 3.
Пшеничнюк А.Х., Рязапов М.Ш. 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.
Пшеничнюк А.Х. 1976а. Шиповский комплекс памятников IV в. до н.э. - III в.н.э. // Древности Южного Урала. Уфа.
Пшеничнюк А.Х. 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
Пшеничнюк А.Х. 1983а. Научный отчет о результатах работ по теме «Древняя и средневековая история Южного Урала» // Архив И А АН СССР. Р-1, № 9706.
Рапопорт Ю.А., Трудновская С. А. 1979. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. М.
Рау П.Д. 1928. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья // Тр. РАНИОН. Т. 4.
Руденко С.И. 1960. Культура населения Центральноо Алтая в скифское время. М.; Л.
Руденко С. И. 1962. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л.
Рыбаков Б.А. 1982. Киевская Русь и русские княжества ХП-ХШ вв. М.
Рыков П.С. 1925. Сусловский курганный могильник. Саратов.
Рыков П.С. 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье Уральского края летом 1925 г. // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области. Саратов.
Рыков П.С. 1931. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР // ИНВИК. Саратов. Т. IV.
Савинов Д.Г. 1973. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время//Т.С. 1972. М.
Савинов Д.Г. 1982. Древнетюркские курганы Узунтал // Археология Северной Азии. Новосибирск.
Савинов Д.Г. 1984. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
Савинов Д.Г. 1994. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.
Сальников К.В. 1940. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. № 1.
Сальников К.В. 1950. Сарматские погребения в районе Магнитогорска / / КСИИМК. Вып. XXXIV.

Сальников К.В. 1961. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАУ. Вып. 1.
Седова М.С. 1995. Исследования Шеляховского II кургано-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
Синицын И.В. 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. Вып. VIII.
Синицын И.В. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
Скрипкин А.С. 1970. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. № 4.
Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. № 2.
Скрипкин А.С. 1982. Азиатская Сарматия во П-1У вв. (Некоторые проблемы исследования) // СА. № 2.
Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.
Смирнов А.П. 1957. Железный век Башкирии // МИА. № 58.
Смирнов А.П. 1971. Из этнической истории Западного Приуралья в I тысячелетия н.э. // АЭБ. Т. IV.
Смирнов А.П. 1973. Гунны и их роль в этнической истории народов Западного Приуралья и Среднего Поволжья // Рукопись. Архив ИА АН СССР. Р-1. №2283.
Смирнов А.П. 1984. К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
Смирнов К.Ф. 1950. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. ХЬУ.
Смирнов К.Ф. 1959. Курганы у с. Иловатки и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60.
Смирнов К.Ф. 1968. Археологические статьи в трудах Саратовского областного музея краеведения // СА. № 2.
Сорокин С. С. 1954. Некоторые вопросы происхождения катакомбных могил Ферганы // СА. № XX.
Сорокин С. С. 1955. Отчет об археологических разведках и раскопках Западно-Казахстанского целинного отряда в 1955 г // Архив ИИМК РАН.
Сорокин С. С. 1956. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. № 26.

Сорокин С. С. 1961. Древние скотоводы Ферганских предгорий // Исследования по археологии СССР. Л.
Сосиовский Г. П. 1935. Дэрестуйский могильник // ПИДО. № 1-2.
Сосновский Г. П. 1946. Раскопки Ильмовой Пади // СА. Вып. 8.
Спицын А.А. 1896. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении Саратовской губернии // Записки Русского археологического общества. СПб, 1896. Т. 8. Вып. 1,2.
Спицын А.А. 1903. Отчеты археологической комиссии за 1901 г. СПб.
Спицын И.В. 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // ИНВСИК. Т. 7.
Спицын И.В. 1946. Материалы по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. № VIII.
Спицын И.В. 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
Спицын И.В. 1948. Памятники позднесарматской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. № X.
Старостин П.Н. 1971. Этнокультурная общность предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычного населения Среднего Поволжья. Казань.
Сташенков Д.А. 1995. Новые детали погребального обряда раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
Степанов Б.Д. 1964. Андреевский курган //Труды НИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 27.
Стоколос В.С. 1958. Отчет об археологической экспедиции Челябинского музея в 1958 г // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1980. М.
Стоянов В.Е. 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Южной Сибири. Томск.
Сулейменов Р.Б. 1989. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
Сунгатов Ф.А. 1995. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989-1992 гг) // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
Сунгатов Ф.А. 1995а. Население среднего течения р. Белой в У-УШ вв (Турбаслинская культура). Автореф. дисс. канд.ист.наук. Уфа.

Таиров А.Д. 1988. Исследование Большекараганского могильника в Брединском районе Челябинской области // Отчет Урало-Каазахстанской археологической экспедиции за 1987 г. Челябинск.

Таиров АД. 1993. Пастбщно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до н.э. // Кочевники Урало-Казахстанских степей.

Таиров АД. 1995. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй пол. I тыс. до н.э. и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск.

Таиров А.Д., Любчанский И.Э. 1995. Археологический комплекс курганы с «усами» эпохи Великого переселения народов // Культура степей Евразии втор. пол. I тыс. н.э. Самара.

Тереножкин А.И. 1940. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия УзФАН СССР. № 9.

Терехова Л.М., Чемякин Ю.П. 1983. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов.

Толмачев В.Я. 1902. Курганы и городища в окрестностях Шадринска. ГАСО. Ф-139, оп. 1, д. 5.

Толстов С. П. 1949. Периодизация древней истории Средней Азии // КСИИМК.№ XXVIII.

Толыбеков С. Е. 1959. Общественный экономический строй казахов в ХУШ-Х1Х вв. Алма-Ата.

Трифонов Ю.И. 1973. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тюгю) // Т.С. М.

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. 1990. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нися // Китай в эпоху древности. Новосибирск.

Фань Е. 1973. Повествования о южных сюнну // Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М.

Федоров-Давыдов Г. А. 1984. Погребения хазарского времени «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.

Федорович Б.А. 1973. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.

Фокеев М.М. 1986. Типы сарматских могильников в Буджакской степи / / Исследования археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Формозов А.А., 1951. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. Вып. 36.

Хабдулина М.К. 1978. Исследование Новоникольского I могильника/ / Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1977 г. Челябинск, Петропавловск.

Хабдулина М.К. 1987. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Каазахстана (УШ-И вв.до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Хабдулина М.К. 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.

Халиков А.Х. 1987. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.

Хозяйство казахов на рубеже XIX XX вв. Алма-Ата. 1974.

Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г. 1982. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера в Евразии. Свердловск.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Худяков Ю.С. 1996. Хунны в Саяно-Алтае // Междунардная конференция 100 лет гуннской археологии. Номадизм, прошлое, настоящее в глобальном контексте исторической перспективы. Гуннский феномен. Ч. 1.

Цэвэндорж Д. 1985. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск.

Чариков А.А. 1980. Новая серия статуй из Семиречья // Средневековые древности Евразии степей. М.

Чернецов В.Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35.

Чернецов В.Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. № 57.

Чеснов Я.В. 1982. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.

Шер Я.А. 1963. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л.

Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Шнитников А.В. 1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического общества СССР. Т. ЕХУ. Вып. 5.

Яблонский Л.Т., Дэвис Кимбол Дж,, Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. М.

Яхонтов С. Е. 1970. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ. № 2.
Яценко С. А. 1993. Аланы в Восточной Европе в сер. "I- сер. IV в.н.э. // Скифы, сарматы, славяне. СПб. № 6.
Лоян. 1959. Чуту Чудзии - Лоянти в энь у гуанли в эйюань хуй боянь / / Лоян. Вэнь у губантэ. Пекин.
Тан Сун тун цин. 1958. Пекин.
АкЬепп Р. 1960. ХоуЬо1 Ьe1 Р1о1отаеи8 // Ота§т1ш С. Раюоуюш Висигеяи.
Атес1ее 1аиЬей §ю§гаЫе д Её ш, 1840, уП. 2.
ВиШп§ А. 1960. ТЬе (ЗесогаНоп оГппггогз оГ1Ье Нап репой. А сгопо1о§у Азсоиа. (Аг. Аз. 8ирр1етеп1ит XX).
Баууёоуа А.У. 1968. ТЬе 1уо1§а гогосПхЬсНе // Ас1а агсЬаео1о§1ГАсайет1е 8ст1лапдт Нип§апса1 20.
Оеши§ V. 1996. V о I к е г а п с! е г / п а х с к И с Н е Кпе§ег§гаЬег аш Т и/асу о \т Ига1уог1апс1 // Еига§1а АпИциа, 2еЙ8сЬгШ Гиг агсЬао1о§1е Еига81еп8. Вапё I, 1995.
МаисЬеп-НеИеш 1973. ТЬе \Уог!с1 оГНипх I,.
]Моу§огос1оуа Е.А., Уо1коу У.У., Когепеузку М. Цпё Мотоиоуа 1982. 1Лап§ат. Еш 8ку{Ь2еИюЬе§ ОгаЬегГеЫ т деп Моп§о1е1 // Азктзске ГогзсЬии§еп \\ |8Ьас1сп Вапё 76.
Рау Р.Б. 1927. В1е Ни§е1§гаЪег гогшзЬег 2ек ап йег Цп1егеп Уо1§а. Рокгоузк.
8иПтаг8к1 Т. 1970. ТЬе 8агтайош. №\у-Уогк-\Уа8Ьт§1оп.
ТЬе ЕитогГорои1о8 соПесНоп у Решуа1 УеШ V. II Ь., 1930.
Оаа ОгаЬегГек! с1е Ьиппо-загтаНаЬеп 2ек уоп Коке1, Ти1а 8ис1-81Ъшеп. 1984. Ма1епа1еп /иг а11§ететеп ип<1 уег§1еюЬепс!еп АгсЬаео1о§1е. Вапс! 25.

список сокращений

ДИЭ	Археология и этнография
ДО	Археологические открытия
ДЭБ	Археология и этнография Башкирии
Вду	Вопросы археологии Урала. Свердловск, Ижевск
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ГАСО	Государственный Архив Свердловской области
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗУОЛЕ	Записки Уральского общества любителей естествознания, Свердловск
ИДК	Известия Государственной Российской археологической комиссии. Спб
ИА НАН РК	Институт археологии Национальной Академии наук Республики Казахстан
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАК	Известия императорской археологической комиссии
ИНВИК	Известия Нижневолжского института краеведения
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах полевых исследований Института истории материальной культуры АН СССР
МА ВГР	Материалы по археологии Восточных губерний России
]ущд	Материалы и исследования по археологии СССР
НИИ ЯЛИЭ	Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экологии при Совете Министров Мордовской ССР
ОИАК	Отчет Императорской Академической комиссии
ОКЭИА	Отчеты Камской (Боткинской) экспедиции Института археологии АН СССР
ОУАК	Оренбургская Ученая академическая комиссия
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников

ТИИАЭ	Труды Института истории, археологии и этнографии
ТКФАН	Труды Казанского филиала Академии наук
Тр.БКНИИ	Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института
Тр. РАНИОН	Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук
т.е.	Тюркологический сборник
УЗСГУ	Ученые записки Саратовского государственного университета
УОИКМ	Уральский Областной исторический краеведческий музей
УрГУ	Уральский государственный университет
ЧГПИ	Челябинский государственный педагогический институт
ЧелГУ	Челябинский государственный университет

Оглавление

Введение.....3

Глава 1. Погребальные комплексы.....28

Глава II. Погребальный обряд и инвентарь. Общая характеристика.....122

Глава III. Проблемы хронологии и этноисторические реконструкции.....140

Глава IV. Постгуннский (раннетюркский) период VI-VIII вв. в урало-казахстанских степях.... 185

Заключение.....219

Приложение.....223

8ишшагу.....242

Литература.....246

Список сокращений.....265

Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей

Коллективная монография

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института
истории и археологии УрО РАН

Редактор: Т.В. Любчанская, Н.О. Иванова
Оригинал-макет: Г.В. Терсков
Художники: А.М. Федоров, М.А. Менынинина
Обложка: В.Н. Чесноков

Изд. лиц. ЛР 100020 от 07.05.97 г.

Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,81. Тираж 300 экз.
Заказ № 1988

Отпечатано с готового оригинал-макета
в полиграфическом объединении «Книга».
454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2